

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТРОИТЕЛЬСТВА, ТРАНСПОРТА И АРХИТЕКТУРЫ
им Н.ИСАНОВА**

На правах рукописи
УДК 72. 03 (575.2). 16 /19

ТАШКУЛОВ УЛАНБЕК БАЙЫШОВИЧ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АРХИТЕКТУРЫ КЫРГЫЗСТАНА

Специальность 05.23.20 – теория и история архитектуры,
реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

Научный руководитель
д. арх. проф. Омуралиев Д.Дж.

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата архитектуры**

Бишкек – 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение (Общая характеристика работы).....	3
Глава 1. Исторические предпосылки возникновения древней архитектуры Кыргызстана.....	10
1.1. Научно-теоретические проблемы изучения архитектуры древнего мира.....	10
1.2. Этапы расселения на территории древнего Кыргызстана.....	13
1.3. Освоение пространства в пещерах и на «стойбищах».....	20
1.4. Модели поселений эпохи бронзы (XVIII–VIII вв. до н. э.).....	30
Выводы по 1-ой главе.....	40
Глава 2. Зарождение традиций в планировке и застройке древних городов.....	43
2.1. Города и сельские поселения эпохи железа (VIII в. до н.э. – II в. н. э.).....	43
2.2. Городище Шоробашат, Эрши, Ош.....	48
2.3. Сельские поселения эпохи железа.....	55
2.4. Поселения древних кочевников.....	56
2.5. Градостроительные процессы в I – V вв. н.э.....	58
Выводы по 2-ой главе.....	75
Глава 3. Протоархитектура древнего Кыргызстана.....	78
3.1. Особенности архаического жилища.....	78
3.2. Погребально-культурные и религиозные сооружения.....	81
3.3. Организация сакральных мест.....	96
3.4. Проблемы сохранения и роль памятников древней архитектуры.....	108
Выводы по 3-ей главе.....	116
Заключение.....	117
Список использованной литературы.....	118
Список иллюстраций.....	
Приложение.....	
...	

ВВЕДЕНИЕ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ)

Актуальность работы. С приобретением республикой государственного суверенитета в начале 90-х годов значительно повысился интерес к осмыслению исторических вех материальной и духовной культуры, а у творчески настроенных людей зародилась надежда возродить искусство кыргызского народа, развить и видоизменить собственную архитектуру.

Как известно, более чем три тысячелетия назад на территории современного Кыргызстана развернулась строительная деятельность человека. В последующем здесь же были построены многочисленные культовые, жилые, производственные сооружения, возникли города и села. Однако, к сожалению, большая часть творений древних людей в силу различных обстоятельств практически полностью разрушилась.

Изучение древней истории архитектуры Кыргызстана помогает нам понять с одной стороны внутренние истоки, с другой, традиционные связи, эстетическое единство и родственность с архитектурой народов Центральной Азии и Казахстана.

Примечательно что, многие древние памятники зодчества Кыргызстана одновременно являются памятниками культуры, истории (историко-археологическими памятниками) и природы. Статус памятника зодчества должен устанавливается на основе законодательных актов Кыргызской Республики, предусматривающих меры по сохранению и охране их государственными органами, однако здесь есть еще много не решенных проблем.

Недостаток в фактическом материале является существенным препятствием исторического познания древних корней архитектуры Кыргызстана. В этом отношении исследование истории архаического жилища, культовых сооружений, древних городов, кочевых поселений Кыргызстана

сопряжено со многими трудностями. Данные письменных, графических источников и сведения археологической науки незначительны. Ни одно сколько-нибудь крупное поселение древнего Кыргызстана не раскопано археологами в достаточной степени для воссоздания подлинной истории архитектуры и градостроительства республики. В настоящее время обнаруженные и обследованные археологами отдельные древние поселения (городища) представляют собой аморфные оплывы холмов, многие из них распаханы или перекрыты последующей застройкой в советское время, что затрудняет установление не только, но и наглядно представить структурно-пространственные построения, если природные условия принять стабильными устойчивыми факторами, то наиболее изменчивыми факторами архитектуры являются исторические факторы, которые обуславливают перманентную трансформацию типологии архитектурных объектов, методов их функционально-пространственной организации, формообразований и другое. Во временном отношении далекие исторические корни архитектуры Кыргызстана лежат в древности, однако и в средневековье, в XIX веке, в советское время накапливались историко-архитектурные традиции. В широком смысле исторические корни архитектуры имеют материальную, духовную и внутри-профессиональную субстанцию. Исторические уроки древней архитектуры служат основой преемственного развития, способствуют творческому использованию народных традиций, осмыслению строительно-технологических опытов в современно-проектной методологии.

В этом отношении выявление истоков и многообразных условий градостроительной деятельности, неравномерности градостроительных процессов, специфического характера исторического формирования сети населенных мест в южных и северных регионах, преемственности и взаимовлияния градостроительно - архитектурных принципов в различных исторических периодах, а также историко-архитектурное осмысление результатов архитектурно-градостроительной деятельности народов Кыргызстана на основе конкретных примеров являются и актуальными, и

долгосрочными задачами, поставленными перед архитекторами и историками республики.

Возникает естественный вопрос: почему именно сегодня актуальна история древних поселений? А была ли вообще древняя архитектура у кочевников? Наверное, вся интрига вопроса кроется в необходимости поиска своей идентичности, собственного лица, национальной специфики суверенной республики. Сегодня, чтобы не потеряться в сложном конкурирующем мире, приходится обращаться к истокам и достижениям своих предков.

Архитекторы Кыргызстана обращаются к трудам таких известных историков и археологов, как В.В.Бартольд, А.Н.Бернштам, П.Н.Кожемяко, Ю.А.Заднепровский, которые сумели зафиксировать для нас следы древних и средневековых поселений.

Содержание, последовательность и противоречивость исторических процессов и разнообразные факты архитектурно-градостроительной деятельности Древнего Кыргызстана являлись и являются предметом интереса архитекторов Кыргызстана В.Е.Нусова, Е.Г.Писарского, В.В.Курбатова, Р.М.Муксинова, Омуралиева Д.Д., Смирнова Ю.Н., Ж.Ж.Иманкулова, В.Алиевой, А.Насирдиновой, Волюченко О.В., Филатова А.Б., Храмова А.Б. и других.

Огромная заслуга в воспроизведении полноценной исторической картины Древнего Кыргызстана по праву принадлежит целой плеяде историков и археологов, - Заднепровский Ю.А., Массон В.М., Горячева В.Д., Аманбаева Б., Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., Береналиев О., Юнусалиев М.Б., Перегедова Г.А. Плоских В.М., Ташбаева К.И., Абетеков К.А., Молдобаев И.Б., Винник Д.Ф., Табалдиев К.Ш., которые в своих работах интерпретировали древние поселения, города и архитектурные памятники в качестве источников материальной и духовной культуры кыргызского народа.

Исследованием древней архитектуры много лет занимались в Таджикистане - Мукинов Р.С., Негматов Н.Н., Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А., Хакимов Х.Х., Исаков А.И., в Казахстане - Глаудинов Г.А., Байпаков, Акишев

К.А., в Узбекистане - Назилов Д.А., Мамедов Н., Нильцен В.А., Аскарлов А., Ахмедов М.К., в Тукмении – Сарияниди Б.И., а также древняя архитектура Центральной Азии Воронина В.Л., Массон В.М., Толстов С.П., Бубнова М.А., Пугаченкова Г.А., Лавров В.А., и другие, однако специальные работы о древней архитектуре Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана еще не выполнены. Во «Всеобщей истории архитектуры» в специально посвященном томе «Архитектура древнего мира» из-за неразработанности темы архитектурно-градостроительные памятники Древнего Кыргызстана остались даже не упомянутыми, территория и материальная культура кыргызов выглядит как белое пятно. В известных работах В.Нусова, В.Курбатова и других древняя архитектура Кыргызстана вмещается на двух страницах.

Настоящая диссертация преследует цель показать, что именно в древнем периоде (от неолита до VI в. н.э.) сложились исходные компоненты, традиции, типология и другие важные стороны самобытной архитектуры Кыргызстана, которые получили дальнейшее развитие в средневековом периоде. В работе выдвинута рабочая гипотеза о том, что исторические корни архитектуры Кыргызстана в целом лежат в материальной и духовной культуре, в особенности природно-климатической среды, строительных традициях народа, а также она развивалась под влиянием зодчества соседних территорий и государств.

Цель работы – раскрыть исторические истоки архитектуры и градостроительства Кыргызстана для обеспечения преемственности и национальных традиций в современной практике.

Задача исследований:

- натурные исследования древних памятников архитектуры Кыргызстана и их систематизации
- выявить этапы расселения территорий древнего Кыргызстана;
- изучить факторы формирования древних поселений;
- определить структурно-типологические особенности древних городов;
- изучить истоки формирования кочевой архитектуры;

- сформулировать архитектурно-пространственные принципы древних памятников Кыргызстана;
- изучить функционально-типологические особенности древних типов жилища;
- классифицировать древние культово-погребальные сооружения с точки зрения архитектурной типологии;
- провести сравнительный анализ древней архитектуры Кыргызстана с прилегающими территориями – государствами;
- выявить архитектурно-планировочные и художественно-пространственные особенности древней архитектуры Кыргызстана;
- дать рекомендации по сохранению и пропаганде памятников древней архитектуры Кыргызстана.

Объектами исследований являются архитектурные, археологические памятники, исторические места, ландшафтно-природные образования, где сохранились следы древней архитектуры Кыргызстана. Предмет исследования, их функционально-пространственные и типологические особенности, которые нашли отражение в поступательном движении кыргызского зодчества.

Методологической основой исследований является комплексное изучение памятников древнего Кыргызстана, закономерностей их развития. Комплексное изучение древнего архитектурного наследия, условие его формирования основаны на таких принципах как социально-экономическая обусловленность, историческая преемственность, взаимосвязь между этапами развития и их поступательного развития. Граница исследований ограничиваются нынешними географическими границами Кыргызстана с частичным изучением памятников архитектуры на территории Алтая и Енисея. Временные границы - с каменного века до V века н.э.

Научная новизна состоит в том, что:

- впервые выявлено типология древних городов Кыргызстана
- раскрыто архитектурно-пространственных и функционально-типологических особенностей архитектурных объектов в древнем Кыргызстане.

На защиту выносятся следующие вопросы:

1. Классификация древних городов Кыргызстана;
2. Архитектурно-композиционные особенности древних жилых зданий и культово-религиозных сооружений.

Личный вклад соискателя:

Личный вклад подтверждается натурным изучением более 50 древних памятников архитектуры Кыргызстана, написанием специальной монографии и ряд статей по проблемам древней архитектуры Кыргызстана

Практическая ценность работы подтверждается:

- 1) в разработке методических указаний для ведения занятий по курсам «Истории архитектуры Кыргызстана», «Истории архитектуры и градостроительства Центральной Азии», «Истории городов Кыргызстана»
- 2) отдельные положения диссертации используются при выполнении курсовых и дипломных проектов
- 3) материалы диссертации используются при чтении лекций сквозного курса «Истории архитектуры и градостроительства»
- 4) для документирования и составления паспортов древних памятников архитектуры Кыргызстана, а также для дополнения банка данных по объектам культурного наследия Кыргызстана для включения их в список мирового наследия ЮНЕСКО.

Достоверность результатов научных положений и выводов подтверждается строгой аргументацией выдвигаемых автором научных положений на основе исторических и археологических фактов.

Апробация работы.

Основные положения диссертации использованы в научно-исследовательских отчетах кафедры «Архитектуры» с 1998 по 2013 годов. Отдельные положения диссертации доложены на Международной научно-практической конференции (г. Алма-Ата, Казахской Республики, 2008 г.), Международной научно-практической конференции (г. Бишкек, 2012 г.), отражены в 12 публикациях. Соискатель является автором и соавтором ряда

объектов по проектированию жилых домов, проводил дизайнерские работы по оформлению интерьеров общественно-торговых зданий. В 2002 году участвовал в раскопках средневекового города Ак-Бешим (жилого дома купца, мастерской, вино хранилища), в 2004 - 2005 годах работал главным архитектором проекта «Шелковый путь - Казахстан», результатом которого явилось паспортизация древних и средневековых памятников Джамбульской-Чимкентской области Казахстана, разработал проект реконструкции плана средневекового города Туркестан, прилегающие территории мавзолея Ахмеда Ясави и средневековой бани.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из 2 томов, первый том включает текстовую часть с терминами, введением, 3 главами, выводами, библиографическим списком использованной литературы и приложением. Второй том включает графические иллюстрации (рисунки, чертежи), карты, схемы, таблицы.

Глава I. Исторические предпосылки возникновения древней архитектуры Кыргызстана

1.1. Научно-теоритические проблемы изучения архитектуры древнего мира

Под термином «древний Кыргызстан» мы подразумеваем материальную и духовную культуру древних родоплеменных общин, кочевых и оседлых народов, населявших нынешнюю территорию Кыргызстана, а также территориально-политические союзы, государственные образования, существовавшие до возникновения тюркских государств (до VI века н.э.). Древний период Кыргызстана является самым продолжительным историческим этапом и отмечен разнообразными памятниками архитектуры и градостроительства.

История Древнего Кыргызстана наиболее полно была изложена в книге «История Киргизской ССР» (т. I, 1984 г.), где установлена общая периодизация исторических этапов, в частности, освещены ступени древнего периода: эпоха палеолита, первобытнообщинного строя (эпоха бронзы), классового общества (до VI в. н.э.). Такая система периодизации взята нами за основу изложения истории архитектуры и градостроительства.

Существенно дополняет и в немалой степени уточняет всеобщую историю Кыргызстана энциклопедическое издание 2001 г., где Т.Чоротегин, К.Молдокасымов сумели развернуто показать исторические события, связанные с особой ролью кыргызского этноса, его государственные образования, формирование материальной культуры в Древнем Кыргызстане.

Занимая срединное положение в географическом отношении в созвездии древних центральноазиатских государств и народов, Древний Кыргызстан был одним из важных историко-культурных очагов восточной цивилизации. Литературные, письменные, археологические источники, сохранившиеся до наших дней, отдельные памятники свидетельствуют о том, что на территории

нынешнего Кыргызстана еще в глубокой древности была создана своеобразная материально-пространственная среда и соответствующая строительная культура, которая в тесном взаимодействии с сопредельными культурами различных племен и народов приобретала их опыт и в свою очередь оказывала на них позитивное воздействие.

Территория Древнего Кыргызстана не составляла самостоятельного государственного образования, не была единой экономической и культурно-этнической средой. Южный регион был по существу периферией земледельческих культур древней Средней Азии (Уструшаны, Согдианы (Бактрии)), а Таласская и Чуйская долины, Ысык-Кельская котловина входили в сферу влияния степных кочевых общинно-племенных образований Семиречья и Алтая. Внутренний Тенир-Тоо испытывал резонансы историко-культурных процессов Западного Китая.

В целом можно утверждать, что Древний Кыргызстан на протяжении своего многотысячелетнего существования представлял собой конгломератную историко-культурную территорию, как, впрочем, и многие другие сопредельные территориально-государственные образования. Именно этот фактор обуславливал мозаичность и разнообразие древних памятников культуры Кыргызстана, в которых как в зеркале отражались знаки культуры Центральной Азии, Южной Сибири, Монголии, Тибета, Китая, Индии и Ближнего Востока. С другой стороны, южные и северные регионы в политическом, экономическом и культурном отношении развивались неравномерно.

Так, Фергана переживает свой наивысший экономический и культурный рассвет в Кушанское время. В Таласской долине наблюдается подъем в начале нашей эры под влиянием гуннских кочевых племен, о чем свидетельствуют материалы Кенкольского могильника.

В целом, с древнейших времен Кыргызстан находился на стыке двух типов цивилизации, с южной стороны – это преимущественно урбанизированная оседло-земледельческая и скотоводческая культура Средней

Азии и Ближнего Востока, с северной – не урбанизированные кочевые и полукочевые народы и государства. Потоки взаимного экономического, культурного, социального обмена и архитектурно-градостроительного влияния были постоянными и интенсивными с обеими типами цивилизации на протяжении всей истории Кыргызстана.

Освоение нынешней территории Кыргызстана для хозяйственно бытовой жизни древними племенами началось еще в каменном веке. Археологи Кыргызстана нашли многочисленные факты, свидетельствующие о пребывании и поселении первобытных общин в разных регионах Кыргызстана. Так, в пещере «Сель-Ункур» (находится около Хайдаркана, Ошская область, примерно 800-500 тыс. лет до н.э.), в стоянке «Он-Арча» (возле села Эчки-Башы, Нарынская область, 300 тыс. лет до н.э.), «Учкун» (Ошская область, возле источника Кожо-Тоо в Исфаринской долине) обнаружены древние каменные орудия. Такого рода следы первобытного обживания локальных участков земли позволяют отдельным историкам утверждать, что территория Кыргызстана наряду с Южным Таджикистаном и Южной Туркменией является одной из немногих районов первоначального заселения человеком Средней Азии в эпоху раннего палеолита.

Как известно, социальную базу общества в каменном веке составляет первобытнообщинный строй, где древние люди занимались изготовлением каменных орудий, собирательством и охотой, а также усваивали примитивные способы строительного дела. Большие и малые семейные общины организовывали в удобном для себя месте долговременные стоянки (стойбище), приспособляя для этих целей иногда пещеры и гроты. Группы бродячих охотников-собирателей хаотически перемещались в поисках добычи вдоль долин, среди гор, со временем все больше и больше открывали благоприятные места для проживания. В силу различных обстоятельств из степных ареалов Азии в еще необжитые горные территории Кыргызстана надвигались потоки других родовых племен и общин. Говорить о форме и зонах их расселения в каменном веке на территории Кыргызстана не представляется возможным.

Скорее всего племена заселялись неравномерно, свободно выбирая необжитые места и при этом выгодно избегая столкновений с незнакомыми общинами и племенами.

«Следы поселенцев эпохи среднего каменного века – мезолита найдены в долине Арпа возле Центрального Тенир-Тоо и у истоков реки Сох недалеко от Айдаркена (в пещерах Апшыра). Люди этой эпохи пользовались луком, орудия труда изготовляли из кости и дерева. Занимались охотой и собирательством, постоянно меняли места обитания. Пещеры для них перестали быть постоянным местом жительства. Мелкие родоплеменные структуры укрупнялись путем слияния друг с другом».

Как видно, в разных уголках Кыргызстана археологами обнаружены «следы» «стоянок» первобытных людей и общин каменного века (ил. 1).

Как правильно отмечено во «Всеобщей истории архитектуры», человек палеолита начал свою строительную деятельность из потребности и необходимости создания замкнутого пространственного укрытия «крова» на открытой поверхности земли; для бытовых и хозяйственных нужд имея лишь примитивные орудия труда, он усвоил различные строительные навыки сооружать подземные и надземные жилища, очаги, могилы для захоронения умерших, ограждающие каменные, глиняные стены и многое другое. Таким образом, знакомство с географией обитания первобытных племен, с этапами освоения территории Древнего Кыргызстана подтверждают тезис об общих закономерностях последовательного усовершенствования строительной деятельности и методов организации искусственно создаваемого замкнутого пространства, характерных для многих регионов земного шара.

1.2. Этапы расселения на территории древнего Кыргызстана

Исходными факторами зарождения строительной-архитектурной деятельности в Древнем Кыргызстане являются стадийное заселение кочевыми племенами

благоприятных для жизнедеятельности территорий и постепенный рост оседло-земледельческих общинных поселений, усовершенствование средств и методов хозяйствования, природно-климатические условия, образование общинно-племенных союзов и государственных образований, выработка устойчивых традиций строительства, которые передавались из одного поколения в другое.

Этапы расселения племен на территории Древнего Кыргызстана можно условно разделить на три периода. До бронзового века (начало XVIII в. до н.э.) происходило стихийное обживание разных уголков нынешней территории Кыргызстана племенами охотников и собирателей (I этап). Устойчивых очагов жизнедеятельности, по всей видимости, не было.

Сравнительно с другими регионами Кыргызстана в эпоху мезолита более густо была заселена равнинная часть Ферганской долины. Исключительно благоприятные природные условия Ысык-Кёльской котловины привлекли к ней внимание «бродячих» племен степной зоны Казахстана. О характере освоения территории Таласской области имеются лишь очень малые сведения, хотя и здесь обнаружены места обработки галечных орудий труда.

Вторым этапом можно было бы считать период с начала эпохи бронзы до образования Даваньского государства, протяженностью около двух тысяч пятисот лет. В этот исторический отрезок времени наблюдается возникновение оседло-земледельческой и кочевой культуры, можно обозначить устойчивый оазис расселения в южном регионе и в Чуйской долине. Со второй половины эпохи бронзы отчетливо просматриваются контуры расселения этническими образованиями, прежде всего раннекочевыми племенами. Поселения эпохи бронзы представляют из себя уже стационарные населенные пункты, которые будут рассмотрены далее.

Начиная с эпохи бронзы с освоением территории Кыргызстана древними племенами произошли существенные изменения. Это было связано с двумя факторами:

- 1) постепенным сложением оседло-земледельческих оазисов в Ферганской долине;
- 2) формированием так называемых древне кочевнических комплексов (территориально-культурных общностей) в горных ареалах (Ысык-Кельская котловина, Чуй, Талас, Внутренний Тенир-Тоо). Появление раннекочевнических племен имеет важное историческое значение для понимания специфических особенностей расселения в древности и раннем средневековье.

Третий этап расселения связан с военно-государственным контролем над территориальным расчленением Древнего Кыргызстана. В этот период возникают города и сеть сельских населенных мест в южном регионе. Долины и поймы рек, горные ущелья Тенир-Тоо занимают кочевые этно-племенные образования. Функционирование Великого Шелкового пути оказывает все большее влияние на градостроительные процессы.

Впервые концепцию о нескольких этапах переселения кыргызских племен с Енисея на Тенир-Тоо, начиная с I в. н.э., выдвинул А.Н.Бернштам. Он считал, что кыргызы являются наследниками культур саков, усуней, хуннов на территории Семиречья и Тенир-Тоо. Специфика расселения на территории Кыргызстана состоит в тесном взаимодействии кочевой и оседлой части населения древних народов. Между ними происходили постоянные контакты. Рассматривая вопрос о характере перемещения сакских племен и других ранних кочевников, он пришел к убеждению, что первые воинственные саки обитали на Памире (3800-4200 м над уровнем моря). В работе «Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая» А.Н.Бернштам предложил карту расселения групп сакских и других племен оседлого земледельческого населения оазиса Ферганы. Характер, форма и граница расселения затем менялись с приходом усуней (V-I вв. до н.э. – I-III вв. н.э.) и других переселенцев. В результате многолетнего изучения расселения Древнего Кыргызстана он сделал важный методологический вывод: «Нельзя изучить историю кочевников вне связи с изучением истории оседлого земледельческого

населения оазисов (и наоборот)». Поэтому предки кыргызов должны рассматриваться во взаимосвязи с Ферганой.

Одни историки утверждают, что древним местом проживания кыргызов с III в. до н.э. по V в. н.э., т.е. древней родиной кыргызов был Восточный Тенир-Тоо, другие – долины Эне-Сая (Енисея). Есть и предположение о том, что истоки кыргызов связаны с озером Кыргыз-Нур (Кыргызское озеро), находящимся на северо-востоке Монголии.

Более уточненную карту расселения племен и народов Древнего Кыргызстана и соседних ареалов, отражающую их историко-культурные контакты с другими народами Древнего Востока, на основе новых археологических и письменных источников в 80-годы XX века составил археолог А.К.Абетеков.

Южный Кыргызстан внутри себя состоит как бы из относительно обособленных в природно-климатическом отношении территориальных зон (горных и предгорных). Так, юго-западная Фергана представляет собою горную область (нынешние Лейлекский и Баткенский р-ны), с южной стороны находится высокогорная зона, а с севера растянуты горные гряды, отделенные друг от друга широкими межгорными впадинами.

Здесь естественно-географические условия (ландшафт, климат и т.п.) прямо отразились на структуре размещения населенных мест и объективно определили форму и тип хозяйственной деятельности. Как с северной, так и с южной стороны области здесь еще в древности были проложены кочевые тропы и пути, вдоль которых до сих пор сохранилось множество курганов. Если с одной стороны кочевые пути выходят на альпийские пастбища, то с другой – они связывают высокогорные районы с земледельческими локальными оазисами. Юго-западная Фергана в древности тесно примыкала к Уструшанскому государству, а территория нынешнего Лейлекского района даже входила непосредственно в это государство.

Заселение юго-западных предгорий Ферганы началось примерно в конце I тыс. до н.э., т.е. во время становления Даваньского государства, когда происходило массовое переселение скотоводов из долины в предгорья. Пришельцы из равнинной Ферганы обжили долину реки Ходжа-Бакырган-Сай.

Причина переселения была чисто хозяйственная: в это время в долине быстрыми темпами развивается ирригационная сеть, сокращаются пастбища. Переселившееся земледельческое население осваивает узкие межгорные долины и обширные впадины. Поселения довольно густо размещаются вдоль основных водных артерий (Исфана-Сай, Лейлек и Ходжа-Бакырган-Сай). С древнейших времен характерным типом расселения здесь были отдельные укрепленные дома (дома-крепости), усадьбы и неукрепленные поселки с ветхой застройкой.

Поселения, как правило, занимали узкие прибрежные полосы на высоких надпойменных террасах. Только в редких случаях поселения располагались в низменных котловинах. В узких горных долинах в целях защиты от врагов искусно использовался рельеф местности. Поселения размещались таким образом, что контролировали значительную часть участка долины. Могильники (некрополи) здесь, как правило, располагаются на определенном удалении от поселений, тогда как в земледельческих оазисах (равнинная зона) они непосредственно примыкают к поселению.

Процессы расселения и обживания северного региона Древнего Кыргызстана по сравнению с южным происходили в несколько ином плане. Особые природно-климатические условия, конфигурация и направления долин, конкретное местоположение в системе межтерриториальных отношений рек, озер, дорог, а также наличие иных ресурсов и другие объективные факторы северной зоны влияли на возникновение и формирование относительно изолированных ареалов расселения разной плотности.

Так, для Чуйской, Кеминской и Таласской долин характерен так называемый северо-кыргызский ландшафтный пояс, высота до 1000-1100 м над уровнем моря, а для Внутреннего Тенир-Тоо, охватывающего Кочкорскую, Жумгальскую, Тогуз-Тороскую, Кетмен-Тюбинскую, Ат-Башинскую и Средне-Нарынскую впадину и окаймляющие склоны гор, свойствен высокогорный ландшафт с холодной продолжительной зимой. Не похож на другие северные зоны тип ландшафта в Ысык-Кельской котловине.

Чуйские и Кеминские долины издревле представляли прекрасные пастбища и удобные места для земледелия, поэтому они стали местом постоянного обитания охотников, скотоводов, земледельцев еще в эпоху бронзы. Здесь долгое время проживали саки, усунь, затем гунны и другое тюрко-язычное население, которые оставили за собой следы поселений, могильников, курганов, наскальные рисунки и другие исторические памятники.

Исключительно благоприятные природные условия Ысык-Кельской котловины привлекли к ней внимание человека с древнейших времен.

Начало заселения, например, Тонской долины, как показывают исследования археологов, относится к бронзовому веку. Однако это не исключает появления здесь человека и в более ранние эпохи. На рубеже II-I тыс. до н.э. долина входила в зону расселения пастухов-скотоводов Тенир-Тоо, общественный строй и хозяйство которых не отличались от других регионов.

С начала железного века долина становится местом обитания кочевников саков – потомков племен эпохи бронзы, занимавших обширные территории Средней Азии и Казахстана.

В III в. до н.э. территорию Тонской долины занимают родственные сакам усуньские племена. Погребения усуней в рядовых и «царских» родовых курганах (высота 4-6 м, диаметр до 40 м). В VI в. н.э. здесь расселяются тюркские племена, в VI-VIII вв. преобладающая часть населения уже кочевники. Но в раннем средневековье имелись оседлые поселения, например, «Кан-Дёбё» возле реки Туура-Суу.

О характере освоения территории нынешней Таласской области (долины) в каменном веке имеются лишь очень малые сведения. В нескольких местах обнаружены некоторые следы человеческой деятельности – место обработки галечных орудий труда, однако обнаружена только одна стоянка «Мин-Булак».

Распространение скотоводческо-земледельческих племен в Таласской долине берет начало с первой половины II тысячелетия до н.э. и приходится на время существования в Евразии так называемой «андроновской культуры» (с.

Андроново в Приуралье). Считается, что у кочевников ранней бронзы сложился определенный состав стада, мало отличающийся от современного: лошади, овцы, козы, крупный рогатый скот, верблюды. В это время были изобретены седла, повозки с колесами и кибитки (араба-юрта).

В каменных петроглифах в урочище Саймалы-Таш можно все это увидеть своими глазами.

В Таласскую долину стекались скотоводческие племена со стороны казахстанских степей и, по всей видимости, со стороны юго-запада Центральной Азии. От эпохи бронзы сохранились такие некрополи, как Таш-Дёбё, Кулан-Сай, Таш-Башат, Кызыл-Сай (примерно XV-XIV вв. до н.э.). Это свидетельствует о том, что здесь были поселения скотоводов. Для андроновских племен было характерно строительство жилищ из дерева, а также саманно-глиняная (сырцовая) архитектура, однако археологи не обнаружили остатков древних типов жилищ, кроме погребальных могильных сооружений (курганов, тип могилы грунтовая яма с насыпью).

Процесс урбанизации (превращение сельских поселений в города) в Древнем Кыргызстане начался на юге с возникновения Даваньского государства (III-II вв. до н.э.). По количеству и плотности жителей образовались 3 уровня населенных мест: города (до 10 тыс. жит.), земледельческие сельские населенные места (до 3-4 тыс. жит.) и поселения скотоводов-кочевников (до 300 жит.), которые составили опорные звенья структуры расселения во второй половине эпохи железа. По сравнению с эпохой бронзы произошли существенные изменения в этническом составе населения.

Во второй половине I тысячелетия н.э., т.е. с установлением власти тюркских кочевников (VI в. н.э.) происходит резкое сокращение поселений, а то и полностью прекращается жизнь. Аналогичный синхронный процесс происходит также в Восточной Фергане. Причина не военная, а хозяйственная: происходит укрупнение отдельных поселений, и они превращаются в города, как считает А.Н.Бернштам (147, с. 78, Г.А.Брыкина). Вновь рост населенных

мест в Юго-Западной Фергане наблюдается затем лишь в IX веке. Утерянная структура расселения и сеть населенных мест практически снова восстанавливаются в былых очертаниях.

В связи с этим надо сказать, что неравномерность в развитии, отсутствие эволюционной непрерывности в освоении территорий для жизнедеятельности являются одним из характерных явлений древнего мира.

Синхронности в развитии древних стран Центральной Азии, исторические судьбы которых постоянно скрещивались, как показывает их опыт строительства, уровень архитектуры жилых и культовых сооружений, практически не было на всем протяжении древней эпохи. Однако архитектурно-градостроительные традиции, зародившиеся в одной стране, как ни парадоксально, переходили в другую страну порою через несколько столетий. Примеров этому предостаточно. Структура земледельческих поселений Древнего Китая, Индии (IV-III тыс. до н.э.) удивительным образом находит отражение в оседлых поселениях Ферганской долины во II-I тыс. до н.э.

Отсутствовала синхронность в развитии архитектуры и градостроительства и на территории Древнего (и средневекового) Кыргызстана. В то время, когда в южном регионе (в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.) сложились урбанизированные оазисы, которые соответствовали по своему уровню другим странам Средней Азии, в северном регионе Кыргызстана только начали появляться отдельные оседлые поселения. Если судить по известным литературным и археологическим источникам, в северном регионе был только один город Чигу, тогда как в южном насчитывалось не менее 10 городов и более десятка крупных поселений.

1.3. Освоение пространства в пещерах и на «стойбищах»

Археологические исследования позволили определить этапы многовекового освоения пещер древнейшими людьми начиная с нижнего

палеолита. Именно с этого времени считается, что наши предки стали поселяться в пещерах, используя их как укрытия от непогоды, а затем в качестве полуоборудованных жилищ.

Отдельные уникальные пещеры не без основания являются памятниками культуры, искусства, архитектуры и природы.

Изучение пещер в Центральной Азии и в Кыргызстане началось в 30-е годы прошлого века. Академик А.П.Окладников в 1938 году в пещере Тешик-Таш (Узбекистан, вблизи границы Кыргызстана), ставшей самой известной в Центральной Азии, обнаружил захоронение девятилетнего ребенка-неандертальца, скелет которого был окружен рогами горного козла. Рядом с козлиными рогами сохранились очертания очага с остатками пепла. Данная находка археолога показывает, что пещера Тешик-Таш использовалась для культово-ритуального захоронения еще в мустьерскую эпоху, т.е. более чем 80 тыс. лет тому назад.

Систематическое изучение пещер в XIX веке в Западной Европе дало поразительные результаты (Карел Скленаж). В XX веке возникла специальная наука – спелеоархеология. Сегодня пещера изучается не только представителями естественных и гуманитарных наук. К ним присоединились искусствоведы и историки архитектуры. Они определили множество крупных пещер как памятники культуры и искусства, которые нуждаются в постоянной охране и сохранении для потомков. На территории Кыргызстана также имеются известные пещеры, имеющие общечеловеческое культурное значение. Начало научного изучения историко-культурной ценности отдельных пещер Кыргызстана заложил тот же А.П.Окладников. Первым важным многофункциональным объектом оказалась пещера «Ак-Чункур» (Белая яма), которая расположена в высокогорной Сары-Джазской долине Ысык-Кёльской области. Активное многофункциональное использование этой пещеры началось, по всей видимости, с 6-го тыс. до н.э.

Располагаясь на высоте более чем 3 тыс. м над уровнем моря, пещера служила стоянкой, мастерской, может быть даже своеобразным «горным

храмом» для многих поколений охотников и собирателей плодов. Единое пространство пещеры (ширина 5-8 м, высота от 2-4 м, длина около 40 м) позволяло вмещать в себя целую общину.

Пещеры и гроты Кыргызстана в качестве источника древней материальной культуры в разные годы изучены А.Н.Бернштамом [1], М.Б.Массоном [23], У.И.Исламовым [3, 4], М.Б.Юнусалиевым, В.А.Рановым [9, 10, 11, 12, 18, 19], А.П.Окладниковым [7, 24, 25], П.Т.Конопя [6] и другими, однако систематическое представление о пещерной «культуре» Кыргызстана еще не составлено в виде обобщающего издания.

На территории Кыргызстана известны более чем сотни пещер и гротов, которых древнейшие люди использовали в качестве жилища, стоянок, места изготовления орудий труда «мастерских», иногда в религиозно-культурных целях.

Так, в южном регионе Кыргызстана освоение благоприятного пространства пещеры для жизнедеятельности охотниками и собирателями, как установили археологи, началось со времен нижнего палеолита, однако наиболее активное использование его произошло гораздо позднее. Первоначально древние выходцы из Ферганской долины облюбовали благоустроенную пещеру Таш-Комур, которая расположена в предгорьях на берегу р. Кара-Суу при впадении ее в р. Нарын. Исследователи М.Б. Юнусалиев и О.Омуралиев, изучая культурные слои, обнаруженные на полу пещеры, пришли к выводу, что они соответствуют периоду мезолита (8-7 тыс. до н.э.). Пространство пещеры использовалось как своего рода просторная мастерская по изготовлению из кремневых пород различных каменных орудий – так называемые скребки, пластинки, проколки. Такие орудия труда позволяли древним грубо обрабатывать шкуры убитых животных, применять их во время охоты и для других хозяйственно-бытовых целей. Определенная часть пространства служила в качестве стационарной стоянки для общины в количестве 30-50 чел.

Затем, двигаясь по руслу р. Сох, охотники и собиратели вышли на целый комплекс пещер, известный под названием Обишир (Абшыр). По мнению археологов, функционально-пространственные условия этих пещер оказались

менее комфортабельными, чем в пещере Таш-Комур. В процессе многолетнего изучения (У.И.Исламов, Г.Ф.Коробкова) стало ясно, что несмотря на меньшую приспособленность, данная группа пещер была базовым лагерем древних охотников, они на протяжении более 2-х тысячелетий активно использовали в многообразных целях. Время использования двух пещер Обишир I и V датируется 9-7 тыс. до н.э.

Пещера «Сасык-Ункюр», расположенная на хр. Чил-Устун, Араванского района имеет все основания считаться классическим образцом пещерного жилища древнейших людей мустерьевской эпохи (ил. 4). Кыргызский археологический отряд (в 1967-68 гг.) установил здесь явные следы первобытнообщинной жизни: места изготовления орудий труда, разведения огня, элементы планировки пола, лежанки и т.п. В глубинное пространство (37 м длиной) пещеры можно попасть через косой сложный вход, который обеспечивал необходимую изоляцию от внешней среды. Выгодное топографическое местоположение пещеры, а также функциональные качества, по всей видимости, позволяли здесь собираться и организовать свой быт и хозяйственную деятельность охотникам, пастухам и собирателям плодов.

Пещера «Сель-Ункюр» (800-500 тыс. лет, ашельский период) находится на окраине Хайдаркена (Кадамжайский р-н). Она расположена на равнинном месте 30-40 м над уровнем моря. Пещера, вне сомнения, долго служила стоянкой для древних людей. Здесь также обнаружены разнообразные изделия каменных орудий. П.Т.Конопля измерил основные параметры пещеры (входная часть высота 22-13 м, ширина 20 м, длина 50-60 м).

Внутреннее пространство пещеры имеет округлый свод высотой около 25 м, создающий таинственный интерьер. На стенах пещеры имеются наскальные изображения. Среди них можно полюбоваться одиночными и групповыми рисунками животных и людей.

Особого внимания заслуживает пещера Кан-и-Гут, расположенная в 18 км от с.Самаркандык в урочище Шадымыр (Баткенская обл.). Местные жители ее называют Заук-Кур. Общая длина пещеры более 1 км. Пещера образовалась

искусственно в результате выборки руды. Здесь добывали свинец, железо, серебро и т.п. В 1920 году пещеру обследовали геологи и установили план древних горнорудных разработок. Главный вход имеет размер 9х8 м, расположен на юго-восточном склоне горы. Правее находится другой вход на расстоянии примерно 1 км. Выходы пещеры стоят на разных уровнях.

История архитектуры и искусства, можно сказать с определенной долей условности начинается с освоения и «упорядочивания» древним человеком естественно созданного, полужамкнутого пространства пещер и гротов.

Такие выражения, как «пещерная архитектура», «пещерная живопись», «пещерные жилища» («храм») не являются просто метафорическими словами. Роль пещеры в возникновении зодчества нельзя, разумеется, переоценивать, но и нельзя недооценивать. Историки архитектуры (разных стран) давно обратили внимание на необходимость осмысления генетической роли пещеры в создании подобной организованной жилой среды.

Пещера оказалось бесценным подарком природы, неким чудом, уготовленным для первобытного человека, еще не приспособленного своими руками создавать себе укрытие и кров, столь необходимые для бытовой жизни, для безопасного существования, защиты от природных невзгод и других неприятностей. В течение сотни веков пещера служила человеку его домом, укрытием, постоянным местожительством. Нередко древние люди искусственно создавали пещерные жилища.

В пещере древние разводили огонь, готовили пищу, из кремния изготавливали орудия, сюда приносили туши убитых животных, здесь их разделывали. Обживание пещеры многими поколениями нередко превращало их в так называемые «стоянки» первобытных охотников, здесь же хоронили покойников, совершали ритуальные коллективные действия перед охотой и т.п.

Для истории архитектуры изучение пещер с культурным слоем имеет важное познавательное, функционально-пространственное, эстетическое значение. Пещера – архаическая форма-прототип, послужившая началом организации предметно-материальной жизни социума – группы первобытных людей или общины. Именно в пещере человек впервые столкнулся с проблемой

целесообразной организации полузамкнутого пространства, начал решительно использовать его преимущество.

Грот – это своеобразная ниша в скальном образовании, создающая теневой навес с хорошо освещенным и огороженным пространством. Природой уготованные полузамкнутые пространства грота и пещеры не требуют практически каких-либо дополнительных усилий, что и привлекало наших предков, они превратили их затем в свои приюты.

Пещеры, в отличие от гротов, имеют полузамкнутое единое пространство с горизонтальной или наклонной плоскостью, со всех сторон окружены скальной поверхностью. Они возникли естественно, в результате промывания водой рыхлых горных массивов, вследствие чего образовались такие крупные пустоты, защищенные от воздействия метеорологических условий, обеспечивающие желанный приют для животных и людей.

Пространство пещеры использовалось не только на заре человеческой истории. Есть многочисленные примеры средневековой «пещерной архитектуры», вошедшие в историю архитектуры как выдающиеся произведения. Так, пещерные жилища найдены в средневековых городищах Узгена. Использовались они и в последующие века. Даже в XX веке пещеры не отброшены как анахронизм примитивной культуры.

Безусловно, пещера как естественно созданное природой полузамкнутое и изолированное пространство способно вместить в себя множество функций. Феномен пещеры прочно вошел в мир архитектуры, ее архитипический образ обнаруживается и в современной архитектуре.

Если проследить этапы использования пещеры в древней истории человеческой культуры, то можно заметить следующее:

- В древнекаменном веке охотники и собиратели использовали пещеры и гроты как укрытия, жилое общинное пространство, место изготовления орудий труда, как временные стоянки, практически не прибегая к дополнительным строительным работам.

- Начиная с эпохи бронзы, когда земледельцы выделяются от бродячих охотников и собирателей плодов и скотоводов, пещеры, в основном, используются как стоянки и культово-общинные центры, где они расписывали «стены» и своды пещеры красками, рисовали животных, делали скульптурные фигуры, и самое примечательное, осуществляли строительные работы: укрепляли каменной стеной входы, разравнивали, иногда углубляли пол, сооружали хижины с лежанками, устраивали каменные очаги, дифференцировали пространство на места изготовления орудий труда, площадки для разделки туш убитых животных, жилые зоны, выделяли места для захоронений и т.п.

- На рубеже эпох бронзы и железа начинается создание искусственной пещеры – своеобразных архитектурных объектов жилого культового и производственного назначения.

Целые пещерные поселения возникали в конце последнего тысячелетия и в начале нашей эры в различных регионах Центральной Азии.

Естественно созданная природой пещера и ее пространство, несмотря на особую приспособленность к человеческим жизнеорганизующим потребностям, не может представлять «архитектуру» в традиционном или современном смысле этого понятия. Пещеры послужили человеку, во-первых, прототипом для создания искусственной замкнутой пространственной среды интерьеров жилища, храма и т.п., во-вторых, они были своего рода плацдармом для начала строительно-планировочного действия и в целом пространственно-преобразовательной активности древних людей.

Рисунки на потолке и стенах пещер (например, пещеры Альтамира, Фондегом, Ак-Чункур и др.), оставление отпечатков рук и другое дает основание отдельным искусствоведам считать их местом возникновения палеолитического искусства. В древней и средневековой культуре Кыргызстана культ и образ пещеры как мифопоэтический феномен и как ценностное (жизненное) пространство занимают важное место. Это исторический результат, показывающий тесную взаимосвязь образа жизни кочевников Тенир-

Тоо с многочисленными пещерами, служившими для разнообразных целей. Так, в пещерах происходят события, являющиеся узловыми пунктами сюжетов малых и больших эпосов кыргызов. Отдельные реальные пещеры связаны с именами главных героев эпоса и других фольклорных произведений. Например, известной пещерой является «пещера Бакая» (Бакайдын ункуру), расположенная на северо-восточном подножии Таласского Ала-Тоо в 10 км от 113-го конезавода. Внутри пещеры может поместиться целая отара баранов (площадь около 400 м²). Перед входом лежат красные каменные валуны, именуемые «Бакайдын ташы». Здесь же есть каменный очаг.

В Ат-Башинском районе возле перевалов Ички и Таш-Рабат есть пещера, которую местные жители называют «Каныкейдин ункуру», где когда-то, по преданиям, ночевала жена Манаса.

К самым древнейшим формам поселения с определенной долей условности можно отнести так называемые «стоянки», обнаруженные археологами в разных регионах Кыргызстана. «Стоянка», или стойбище – это выделенное каким-то образом от внешней среды обжитое место (пункт), приспособленное для относительно длительного обитания первобытной общины (рода), где уже наблюдаются элементы внутренней организации пространства.

Каким образом выглядели стойбища с точки зрения функционально-пространственной типологии? В. Массон считает, что сложная организация хозяйственного цикла привела к формированию различных типов, среди которых выделяются временные стоянки – «мастерские» [5]. Здесь происходили первичная обработка камня и изготовление орудия. Более сложным образованием являются базовые стойбища, служившие основным местом обитания отдельных охотничьих общин. Для этой цели использовались иногда большие пещеры, например, такие как Абшыр, Таш-Комур (Ошская обл.) и другие.

Временные стоянки служили не только местом для изготовления каменных орудий. Здесь происходила подготовительная работа в перерывах

между охотничьими сезонами. Маленькая стоянка, рассчитанная на 10-15 человек, выглядит как первобытное коллективное жилище. Охотничье объединение численностью 40-70 человек могло создавать стойбище, обладающее более сложной пространственно-функциональной структурой.

На типологию стойбищ определенное влияние оказывали место их размещения в различных климатических, ландшафтных зонах: на высокогорье, в предгорье и на равнине.

Стоянки «Он-Арча» и «Терек» расположены в горной местности (Нарынская обл.) примерно на расстоянии 90 км друг от друга. Племена специально выбирали необжитые места в горной местности. Здесь они избегали столкновения с другими общинами и племенами. На стоянке Он-Арча А.П.Окладниковым обнаружено самое древнее орудие в Средней Азии. Это было массивное дугообразное каменное лезвие, пригодное что-либо рубить. Опираясь на эту находку, археологи считают Он-Арча первой древнейшей стоянкой в Средней Азии. «Терек» исследован Кыргызской археологической экспедицией (В.А.Ранов). И здесь обнаружены остатки обработки разноцветных кремневых камней.

Стоянка «Кожо-Бакырган-Сай» считается самым древним памятником на юге Кыргызстана (нижний палеолит). Природные условия долины Кожо-Бакырган-Сай позволили первобытной общине организовывать здесь удобное пространство для проживания, пригодное для всех времен года, и заниматься частично земледелием.

Стоянка «Тосор» (35-30 тыс. лет до н.э.) расположена на правом берегу р. Тосор (Ысык-Кёльской обл.). Организуя пространство стоянки, древние племена огораживали ее земляными насыпями и каменными оградами. Здесь видно, как древние люди приобретали примитивные строительные умения.

«Саламат-Булак» – комплекс стоянок домустьерской эпохи, (расположен в западной части Ысык-Кёльской котловины, в 3 км к югу от г. Балыкчы). Он состоит из трех стоянок: Боз-Бармак, Ак-Олен и Саламат-Булак. Группы племен здесь создали место для долговременного проживания, располагаясь

близко друг от друга. Выбранную площадку разровняли и углубили, в центре разместили каменные очаги. Выделено место для разделки туш животных. Вокруг очага располагались лежанки и шалаши.

Стоянка «Пальман» находится на террасах Исфайрам-Сай, возле бывшего с. Пальман (Кадамжайский район). На поверхности речной террасы древние создали искусственное пространство для долговременного проживания. Проживая возле речки, ловили рыбу, разделывали шкуры убитых животных и занимались изготовлением каменных орудий.

«Стоянки» были самыми первыми обжитыми участками земли для относительно долговременного обитания группы людей или большесемейной общины. Стоянку, естественно, могли организовать только люди, объединившие свою хозяйственно-бытовую жизнь и тесно связанные кровно-родственными узами. Обособляя территорию стоянки от естественной природной среды, животного мира, первобытный человек, по существу, начал создавать по своему желанию и по возможностям относительно безопасное жизненное пространство, необходимое для общественно-бытовой, семейной жизни. В огороженном внутреннем пространстве стоянки, достигнутом с помощью каменных оград, земляной насыпи и т.п., уже наблюдаются признаки организации «искусственного пространства» и места для приготовления пищи, расположения хижин. Отмечены также места, где происходила разделка туш убитых животных. Обозначены входы и выходы из стоянки. Выбранная площадка слегка разравнивалась или углублялась, нередко была вымощена камнями, имела круговую ограду из глиняного вала или каменных завалов. В центральной части или сбоку площадки располагался каменный очаг (очаги) с выемкой. Для организации такого рода стойбищ, возводя из ветвей деревьев шалаши, обустривая землянки, защитные ограды, производя другие работы человек постепенно приобретал примитивные строительные умения и закреплял в сознании стереотипы разделения и планирования «огороженного пространства». Это было шагом вперед по сравнению с использованием готового внутреннего замкнутого пространства пещеры для укрытия. По всей

видимости, наши предки, сначала освоив возможности и условия пещерного пространства, затем стали сами возводить там, где это требовалось, временные укрытия. Такое положение, безусловно, расширило возможности первобытных племен для широкого освоения горных территорий, Ысык-Кельской котловины, долин и предгорий Кыргызстана.

1.4. Модели поселений эпохи бронзы (XVIII – VIII вв.)

Археологические исследования в пятидесятых годах XX века позволили установить, что в эпоху бронзы все нынешняя территория Кыргызстана была заселена первобытнообщинными племенами.

В качестве древнейших типов поселений эпохи бронзы, обнаруженных на территории Кыргызстана, историко-археологическая наука различает так называемые поселения «андроновской» и «чустской» культуры.

На основе археологических материалов, найденных на обширной территории Евразии, историки рассмотрели генезис андроновской культуры, в том числе особенности формирования типов жилищ и поселений. В результате был выявлен семиреченский тип андроновской культуры, исторические закономерности которой нашли подтверждение и в опыте Древнего Кыргызстана.

Северная часть Кыргызстана изобилует археологическими памятниками, соответствующими андроновской культуре. Многочисленные племена андроновской эпохи вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством и охотой, выращивали хлеб, отливали из бронзы серпы, ножи, молоты, военные орудия, делали из дерева телеги, занимались гончарным ремеслом, осваивали ткачество.

Роды и племена андроновской культуры жили группами объединившихся семей, во главе их стояли мужчины (патриархат), особыми привилегиями обладали вожди войск и религиозные личности (шаманы).

В планировочном отношении поселения андроновской культуры состояли из группы жилищ для больших семей, удаленных друг от друга,

между которыми оставалось свободное пространство, служившее для прогона скота и бывшее своего рода нейтральной территорией между семейными группами. Андроновские племена не укрепляли поселение валами, а ограничивались защитой своего группового жилища. Основными типами жилища были полуземлянки и шалаши. Конфигурация и планировочная форма поселения была аморфной, т.е. не обладала регулярностью. Специальные хозяйственные постройки занимали малый процент застройки. Вожди родов и племен свое жилище ставили в центральной зоне поселения, возле которой имелась открытая площадка для собраний и культовых ритуалов. В целом андроновское поселение было приспособлено преимущественно к скотоводческой хозяйственной деятельности и быта.

Среди археологических памятников севера Кыргызстана к андроновским типам поселений относятся: Жайылма, Каинды, Беловодское, Аламединское и Александровское поселения [5].

Население южного региона Кыргызстана в отличие от северного занималось преимущественно земледелием, что наложило свой отпечаток на типологические особенности их поселений. Археологические раскопки в селе Чуст (Наманганской области, Узбекской Республики), по мнению историков, выявили самые характерные признаки, свойственные поселениям этого времени. Памятники чустской культуры археологи до сих пор обнаруживают в Ошской и Жалал-Абадской областях, среди них можно назвать раскопки в Ноокате, Оше, Кара-Суу, Узгене и др.

Племена чустской культуры достигли относительно развитого уровня в строительстве стационарного жилища из глины и дерева. Типы и планировка глинобитных жилищ отражают резкое социальное расслоение населения по имущественным признакам [30, 31].

К чустским поселениям южного региона Кыргызстана относятся следующие: Ошское поселение Чаян-Дёбё, Дыйкан, Бёрю-Дёбё, Хожамбаг-тепе, Шалтак-тепе, Мирзалим-тепе, Кош-тепе, Мады, Баш-Булак, Жапалак, Кошок-тепе, Долон-тепе, Маньяк и другие.

Одной из характерных особенностей чустских поселений является то, что они сосредотачивались группами в долинах небольших рек, образуя своего рода оазисы через 20-30 км друг от друга. Можно выделить Узгенский, Ош-Карасуйский, Карадарьинский оазисы. Во всех оазисах доминировали малые поселения с численностью жителей около 20-30 человек (например, Боз-Тепе).

В каждом отдельном оазисе среди малых поселений выделялся один небольшой административно-территориальный центр, где проживало около 300-400 человек (например, Дехканское поселение).

Практически все чустские поселения размещались на пологих холмах (дэбё). Некоторые поселения имели слабо выраженный вал, крепостных стен еще не было.

Историко-археологическая наука доказала, что в эпоху бронзы все древние поселения, обнаруженные на нынешней территории Кыргызстана, были сельского характера, протогородская культура еще не сложилась.

Древние сельские поселения Средней Азии, в том числе и Древнего Кыргызстана исторической и архитектурной наукой еще слабо освещены по сравнению с отдельными типами зданий, хотя в этом направлении давно ведутся исследования. Без рассмотрения сельских поселений, их планировки, состава застройки трудно реально представить историческую картину древности, так как важные социально-экономические, культурные, этнические и другие процессы совершались в деревне. Более того, надо иметь в виду, что большинство древних и средневековых городов Кыргызстана сформировались на базе сельских поселений.

Поселения эпохи бронзы по сравнению со стоянками палеолита создавались как долговременные места обитания пастушеско-земледельческого населения и служили в качестве центров их хозяйственной и общественной деятельности.

Выбор территории для разбивки поселения определялся с учетом многих естественных факторов. Наличие водоема, речки, родника, защищенность от ветра, освещенность солнечными лучами, топография местности (рельеф),

характер растительности и другие обстоятельства обуславливали преимущественно компактную планировку поселения, рядом как правило, кладбище. Археологические факты свидетельствуют о том, что в целях обеспечения безопасности поселения ограждались иногда валом и рвом. Основную массу застройки занимали жилые постройки, среди них выделяются дома, пригодные для совместного проживания от 10-20 до 35-40 человек. Соответственно площадь жилища доходила от 100 до 400 м². Отдельные строения предназначались для производственно-хозяйственных нужд, некоторые – для совершения культовых обрядов.

О характере поселений эпохи бронзы можно судить на примере следующих исторических памятников: Ошское поселение, Чаян-Дёбё, Мирзалим-тепе, Хожамбаг, Бёрю-Дёбё, которые располагались относительно близко друг от друга в окрестностях Сулайман-Тоо [36, 39, 44, 48, 49].

Высокий уровень развития материальной и духовной культуры Центральной Азии в эпоху бронзы отразился на совершенствовании строительного дела, постепенной эволюции конструкции жилых и культовых сооружений. Именно в этот период в южном регионе Кыргызстана возникают первые оседлые поселения земледельцев и скотоводов. Как считают историки, Ферганская долина в эпоху бронзы стала местом сложения культур земледельческих племен и общин, подобно другим областям Центральной Азии. Известными памятниками эпохи бронзы в Центральной Азии являются, например, такие поселения, как Сапаллитепе (Сурхандарьинская область Узбекистана), укреплено родовое поселение Дашли, Алтын-дильяр-Тепе, Кутлуг-Тепе (северный Афганистан), Каратепе, Намазтепе (Туркменистан) [70, 71, 73, 80, 81, 82, 86].

Тип, территориальный оборонно-политический статус, внутренняя функционально-планировочная организация, социально-этническая структура древних среднеазиатских городов были изучены С.П.Толстовым, Б.А.Литвинским, Г.А.Пугаченковой, В.М.Массоном и др. Так, В.А. Литвинским

было установлено, что в обстановке разложения первобытнообщинного строя на базе сельских поселений эпохи бронзы на рубеже 2-1 тыс. до н.э. возникают первые города-поселения с выделенными цитаделями. Следует отметить, что такого уровня развития ни одно поселение на территории Кыргызстана в эпоху бронзы не достигло.

Из поселений эпохи бронзы в Чуйской долине выделяются Беловодское поселение (XV-XIII вв. до н.э.), Аламединское, Александровское, Жайылма и Каиндинское (XII-IX вв. до н.э.), в Кара-Балте открыто коллективное жилище на 25 человек [1, 5, 97, 146].

Анализ сельских поселений Центральной Азии, функционировавших в эпоху бронзы, показывает характерную устойчивую особенность организации хозяйственно-бытовой жизни земледельческих общин, свойственную южной территории Кыргызстана. Земледельческое поселение формировалось постепенно в несколько этапов в виде замкнутого и, как правило, укрепленного защитными стенами пространственного образования, это так называемые «жилые массивы». Поселение (тепе) состояло из одного или нескольких жилых массивов, включающих в себя жилые, хозяйственные и общинные помещения, открытые площади и узкие хаотические проходы. Стены, в основном, возводились из кирпича-сырца без фундамента. Помещения имели плоскую или скатную кровлю. Жилые спальные комнаты отапливались очагами.

Таким образом, родовое поселение, состоящее из нескольких общинных домов, связанных между собой проходами, площадками и имеющих единую функционально-пространственную структуру, является типичной единицей расселения земледельческих племен эпохи бронзы.

Самым знаменитым историко-архитектурным памятником эпохи бронзы, обнаруженным на территории современного Кыргызстана, является так называемое «Ошское поселение». Это древнее селение с заранее обдуманной планировкой в виде террасы располагалось на южном склоне священной горы Сулайман-Тоо и просуществовало на протяжении нескольких столетий. Археологические исследования, начатые с 50-х годов такими учеными, как

Ю.А.Заднепровский, Б.П.Гуревич и другими, позволили довольно отчетливо представить зачатки планировочной, функционально-пространственной организации этого довольно компактного жилого и хозяйственного образования и проследить уровень строительного-технического умения древних земледельцев Ферганы, в сооружении полуназемных построек (землянок) для семейного проживания и домашнего хозяйства [108, 112, 113, 115, 119].

Ошское поселение обладает специфическими признаками, существенно отличающими его от других стационарных поселений эпохи бронзы, сформированных как на склонах, холмах, так и в долинных равнинах. На склоне горы под 40° при помощи специально вырубленных уступов образованы около десяти параллельных террас (ширина около 8 м, высота ступени около 2,5 м), на которых размещались более сотни землянок.

Застройка террасы осуществлялась двумя типами землянок: землянки со светодымовым проемом и площадью 40-80 м², и 2 малые круглоовальные землянки без светодымовых отверстий площадью до 12 м². Землянки имели перекрытия из деревянных срубов, в плане имели либо округлую, либо овальную форму. В тех землянках, которые использовались только для жилья, в центре располагался корытообразный очаг, по сторонам же были располаны 4 столба. По всей видимости, при помощи 4-х столбов образовались верхнее дымовое и световое отверстие. Расстановка 4-х центральных столбов в одних землянках в виде квадрата (расстояние между столбами 2,7 м), в других имеет форму прямоугольника (4х3 м). По периметру дуговидной стены расставлен ряд столбов, которые совместно с очаговыми и еще одним опорным столбом составляли вертикальные конструкции каркаса землянки. Так, диаметр основания в одной из малых землянок 6,5 м, а крытая площадь жилища составляла примерно 40 м².

Вышесказанное дает основание утверждать, что земледельцы древнего Ошского оазиса еще в эпоху бронзы усвоили традиции строительства землянок с 4-опорным светодымовым проемом. В Фергане

рода землянки в Дальверзине и в Чустском поселении. Несмотря на скальную породу склона древним удалось разровнять пол горизонтально, затем поверхность пола обмазывалась глиняным слоем. В отдельных землянках имелись хозяйственные ямы в качестве погреба. Вход в землянку в отдельных случаях осуществлялся с крыши. Также внутренние подземные стены частично укреплялись глиняной обмазкой. Малые по габаритам землянки с одной опорой в центре, по всей видимости, предназначались для длительного хранения зерна и других припасов, а также для работы в теплое время года. Они располагались по террасе между жилыми группами землянок. Ступенчатая, террасовидная планировка Ошского поселения представляет собой уникальное явление в древнем зодчестве Средней Азии, не имеющее аналогий до раннего средневековья. В самом выборе южного солнечного склона для поселения, в геометрической четкости ступенчатых террас, последовательной группировке жилых землянок в чередовании их хозяйственными постройками, а также в размещении на центральной террасе относительно большой землянки, по всей видимости, предназначенной для собрания общины, в качестве объемно-планировочного акцента наблюдается некая продуманная с разных сторон концепция застройки древних строителей.

Вместе с тем причина выбора террасной застройки в скальном грунте Сулайман-Тоо, неизмеримо более сложной для строительного освоения, чем на ровной площадке с лессовым грунтом вокруг, остается неразгаданной. Тем более не ясно расположение землянок в верхней части крутого склона на искусственно созданных террасах.

По вееру от Ошского поселения в радиусе 3-15 км расположены многочисленные малые поселения, представляющие собой группы домов-усадеб. Ошское было центром этих поселений.

В 1981-1982 гг. Ферганской экспедицией изучен холм Чаян-тепе размером 70x50 м, высотой около 5 м, выделяющийся над окружающими полями [122]. Под холмом обнаружены обломки керамических изделий, некоторые орудия труда.

Ю.А.Заднепровский полагает, что Чаян-тепе служил «сельским станом» для жителей Ошского поселения, которым принадлежали близлежащие поля. Поселение Чаян-тепе функционировало непрерывно на протяжении около 1500 лет. Во время Даваньского царства оно превратилось в кладбище.

Особый интерес вызывают руины поселения Маньяк в 15 км к северо-западу от Ошского поселения. Застройка здесь была осуществлена на склоне скальной горы. По конфигурации эта гора подобна Сулайман-Тоо, в ней выделяется также несколько вершин. Седловина горы, как считают археологи, использовалась в качестве «сезонной стоянки». Появление такого рода поселений на скалистых склонах гор, вероятно, было обусловлено какими-то неизвестными для нас специфическими потребностями первобытных обществ.

С восточной стороны Ошского поселения образовалось Отуз-Адырская группа, примыкающая к берегу древних притоков Талдык-Суу. Здесь археологами зафиксировано около 20 малых поселений. Среди них наиболее известными являются Хожамбаг-тепе и Мирзалим-тепе.

Хожамбаг-тепе расположен ближе к Кара-Суу. Усадебная жилая застройка окаймляет верхние склоны холма (размер подошвы холма 80x160 м), у подножия просматриваются следы рва. Археологами вскрыто 6 относительно самостоятельных усадеб, которые образуют фрагмент уличной планировки, с ориентацией с севера на юг. Два параллельных ряда жилищ разделены между собою некоторым свободным пространством. Каждая усадьба имела в своем составе культовое помещение. Несколько семей, объединившись в одну группу, имели единый хозяйственный двор. Размеры и форма помещений, предназначенных для жилья, почти все аналогичны.

Так, одна из этих домов-усадеб состоит из семи комнат и имеет в плане прямоугольную форму, кроме этого дом огражден массивной оборонительной стеной овальной формы. По предположению археологов, это дом рядового общинника. В плане дом представляет собой полуземлянку глубиной 0,5-1 м. Некоторые комнаты разделены на два помещения. Вход имеется с северной стороны массива. Посередине с севера на юг проходит улица связывающая

жилые помещения между собой. С правой стороны у входа расположено кухонное помещение, в нем размещены очаги и хозяйственные ямы, в зимнее время здесь содержался скот. А остальные помещения предназначены для жилья и хранения сельскохозяйственных продуктов. В жилых помещениях встречаются осветительные очаги и нары для сна. Остатки стен комнат сохранились на высоту 2,2-2,8 м. В строительстве применялись дерево и глина. С внутренней стороны стены жилища иногда обмазывались глиной. Естественное освещение было организовано через дверные проемы или с верхних отверстий. Полы, в основном, были земляные, отдельные участки обмазывались глиной. Крыши покрывались скорее всего камышом.

Мирзалим-тепе (на восточной окраине г. Ош) представляет из себя холм с площадкой, где выявлены остатки построек с восточной и северной стороны. В восточной стороне холма построен дом-усадыба на высоком фундаменте-стилобате, в целом он выглядит как укрепленный замок. Особо отличается план одного помещения в виде четырех лепестков. Этот дом, состоящий из семи комнат, обладает такой формой плана, которая не встречается в Фергане и в других областях Средней Азии. По мнению историков, эта постройка предназначена не только для хозяйственно-бытовых нужд, но и для культовых целей.

А в северной части тепе открыты остатки укрепленного дома площадью 400 м². Дом в планировочном отношении разделен на 2 части – северную и южную. Северная часть скорее всего предназначена для жилья и расположена в два ряда, состоит из 6 комнат.

В южной половине расположен квадратный зал (8,2x8,2 м). В центре зала стоит культовый очаг, вокруг очага сооружались колонны для перекрытия. Промежутки между колоннами закрывались деревянными плахами или плетнем. Сверху очага открыто отверстие для освещения и дымохода. Пол вымощен камнями. По мнению археологов, пространство зала могло служить для гостей или праздничных приемов.

Вторая группа поселений находится в Узгенском оазисе, восточная сторона Ошской области и Ферганы. Здесь исследованы 13 малых поселений: Боз-тепе, Кызыл-Октябрь и др. Центром этих поселений было Дехканское поселение (территория примерно 5 га). Судя по остаткам жилых групп, здесь могли проживать несколько общин земледельцев и скотоводов. Первоначально застройка состояла из двух частей. Меньшая часть была более укрепленная. По периметру холм (в нижнем диаметре около 200 м), постепенно обрастая застройкой из жилых, хозяйственных и других построек, превратился в единую взаимосвязанную структуру с численностью до 400 человек. Таким образом, можно констатировать, что в период поздней бронзы надземные жилища представляли собой большие дома-массивы хаотической спонтанной планировки, сооруженные из сырцового кирпича. Наряду с ними использовались прямоугольные в плане полуземлянки. Как правило, такие типы жилища также примыкали друг к другу или соединялись хозяйственными ограждениями.

В отдельных случаях в чустских поселениях встречаются дома из каркасно-столбовой конструкции. Самым крупным поселением эпохи бронзы в Древней Фергане считается так называемое Дальверзинское поселение, численность жителей доходила до 2000 человек [103, 108, 110, 112]. Дальверзин располагался близко к предгорьям Чаткальского хребта, на берегу реки на относительно обособленном холме (около села Аим, на расстоянии 30 км от Ошского поселения). Дальверзин был административно-культурным центром Ферганы и Ошского оазиса. По планировочной структуре состоит из трех частей: цитадель, жилой квартал и загон скота. Они все огорожены самостоятельной оборонительной стеной. Подобное членение, очевидно, обусловлено социально-экономической структурой общества. Ведущую роль играли в развитии ремесленное, металлическое и керамическое производства, строительное дело и ткачество. Поселение удовлетворяло потребности окружающих мелких поселений в торговом внешнем обмене.

Дальверзин занимал огромную территорию площадью около 25 га. Цитадель (2,2 га) расположена на северо-западной стороне участка и укреплена мощной стеной. На цитадели жилые постройки располагались по периметру оборонительной стены, а в центре находился двор. Жилые сооружения, примыкая друг к другу, занимали площадь 140 м². Жилые дома были глинобитные, без фундамента, полы обмазывались глиной. На крышах применялись дерево и камыш для перекрытия.

Большую часть застройки занимал жилой квартал. В жилом квартале выявлены два типа жилых зданий. Это глинобитные дома и дома столбовой конструкции (тип шалаша). По размерам жилые сооружения были: 15-20 м², 27-33 м², 42-63 м². Расположены они по ориентации С-Ю, З-В, СЗ-ЮВ.

Третье незастроенное пространство поселения окружено крепостной стеной, нигде не замечены постройки, поэтому археологи утверждают, что это пространство служило для загона скота.

Очевидно, что население Дальверзина было тесно связано с земледелием и скотоводством на протяжении около 800 лет (XV/XIV-VIII/VII вв. до н.э.).

Разумеется, приведенными в этом разделе памятниками эпохи бронзы не исчерпываются все сведения о жилых, погребально культовых строениях и сельских поселениях. Если полагаться на утверждения историков о том, что в эпоху бронзы «вся нынешняя территория Кыргызстана уже была заселена», то мы вправе предполагать, что за пределами нашего познания остались неизвестными множество объектов древнего строительства, образцы жилой и общественной, фортификационной архитектуры и поселения.

Выводы по 1-ой главе

1. Выявление самобытного вклада архитекторов Кыргызстана в общую копилку архитектуры центрально-азиатских стран имеет историческое и культурно-политическое значение. Историческая наука призвана вскрыть далекие корни, закономерности и специфическую природу пространственно-пластического языка кыргызской архитектуры.

2. Памятники древней и средневековой архитектуры Кыргызстана являются бесценным богатством нашего народа. Они одновременно составляют культурное достояние Востока и всего прогрессивного человечества.

3. Самоутверждение архитектуры Кыргызстана, поиск собственной духовной идентификации являются труднейшей проблемой творческого осознания в начале третьего тысячелетия.

4. Территория современного Кыргызстана была одним из древнейших мест, своеобразным очагом зарождения архитектурно - строительной деятельности человека на Среднем Востоке

5. Существенным моментом зарождения зодчества является переход от приспособления естественно-созданных пространств – пещер, гротов, к искусственному при помощи строительно-созидательной деятельности, установлением устойчивых порядков бытовых процессов и культовых ритуалах

6. Возникновение собственно-архитектурно-архаических объектов (жилище-культовые сооружения), стало возможно в результате резкого усовершенствования строительной деятельности в эпоху поздней бронзы и железа.

7. Важной составляющей генезиса архитектуры является изобретения конструкций глинобитной стены (из сырцового кирпича, пахсы, глиняных блоков), деревянных опор и покрытий, а также частично каменных конструкций.

8. Духовно-культурной причиной возникновения зодчества в древнем Кыргызстане явились формирование мифологического сознания среди охотников, скотоводов, первых земледельцев в процессе обживания и освоения долинных и предгорных территорий.

9. Существенным фактором генезиса зодчества является длительный процесс трансляции опыта строительства и архитектурных приемов от соседних территорий.

10. В процессе зарождения зодчества Кыргызстана наметились 2 параллельных направления – архитектура земледельческих долин и архитектура предгорных и горных кочевников.

Глава 2. Зарождение традиций в планировке и застройке древних городов

2.1. Города и сельские поселения эпохи железа (VIII в. до н.э. – II в. н.э.)

Некоторые признаки градостроительной деятельности в Древнем Кыргызстане проявляются в первой половине 1-го тысячелетия до н.э. и тесно связаны с существованием Даваньского государства. Исторический процесс в данное время протекал в условиях господства сако-усуньского кочевого племенного союза и постоянного разрушительного вторжения китайских войск с юго-востока.

Под влиянием нашествия Александра Македонского в 312-64 гг. до н.э. было создано крупное Селевкидское государство. В литературных источниках говорится, что селевкиды за короткое время в Даваньском государстве в восточной части Ферганы построили город «Антиохия за Йаксартом» (Сыр-Дарьей). Есть предположения историков, что этот селевкидский город был расположен рядом с нынешним Узгеном (Т.Чоротегин, К.Молдокасымов). Однако какая-либо связь Древнего Кыргызстана с Древней Грецией остается гипотетической, а город Антиохия не обнаружен археологами.

О древних городах Кыргызстана мы имеем сведения из двух источников: литературных и археологических. В целом они отрывочны и весьма противоречивы. В качестве древних городов в источниках называются такие крупные поселения (в период с V в. до н.э. по V в. н.э.): Эрши, Ю-чен, Гуйшан-чен, Шоробашат, Ош, Узген, Касан, Мады, Кара-Дарья, Чигу, Билавур-Дёбё, Дон-Булак и др. [98, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 115, 123].

Древние кыргызы, проживавшие в районе Восточного Тянь-Шаня (Тенир-Тоо), в это время, как свидетельствуют историки, занимали земли вокруг городов Манас, Кара-Шаар на территории нынешнего Восточного Туркестана. В 56 году до н.э. они создали первое независимое государство кыргызов. Древнекитайский историк Бан Гу именуется маленькое кыргызское

государство термином «го», т.е. «царство» (Кыргыз падышалыгы). Какие-либо других сведений о столице кыргызского царства не имеется.

По сведениям китайского автора Чжан Цзян (II в. до н.э.) в Ферганской долине существовало свыше 70 обнесенных стенами городов и поселений [5, 145]. В Евразии в данное время параллельно развивались несколько урбанизированных цивилизаций – Ближний Восток, Индия, Китай и Средняя Азия, где выделялись две тесно взаимосвязанные культуры: урбанизированная южная и западная части и степная, лесная и арктическая зоны. Южный регион Кыргызстана примыкал к урбанизированной южной части Средней Азии, а северный регион – преимущественно к степной кочевой культуре. Кочевое и полукочевое население Древнего Кыргызстана находилось в политической, хозяйственно-экономической и культурной взаимосвязи с урбанизированным Ферганским земледельческим оазисом. (Уже в раннем средневековье северный регион Кыргызстана становится относительно урбанизированной территорией, как и южный регион.)

Возникновение города (или городов) на территории Кыргызстана имеет специфические особенности, связанные со своеобразной эволюцией исторических процессов. Были ли в самом деле города в Древнем Кыргызстане? Если были, то чем они отличались от крупных поселений земледельцев, например, известных в Фергане? Какой город можно считать первым? Можно ли их сопоставить по статусу с городами античного мира или с городами Парфии, Бактрии, Согдианы, Хорезма? Располагает ли история Кыргызстана такого рода материалами?

К настоящему времени в результате многолетних исследований историками и археологами Кыргызстана для периода с V в. до н.э. – V в. н.э. только в южном регионе открыто около 200 древних поселений [5]. Отдельные из них были укреплены крепостными стенами.

Каковы базисные отличия «укрепленного поселения» от города? Естественно, нужны критерии, которые позволяли бы аргументированно

ранжировать древние поселения Кыргызстана на города и населенные пункты, не относящиеся к городам, по архитектурно-пространственному признаку. Занимаемая площадь, количество населения и литературное наименование как города иногда может оказаться неполноценной информацией с точки зрения архитектурно-градостроительной науки.

Изучение эволюции перехода из временных мелких поселений к городу как принципиально новому типу поселения, обладающему специфической социальной, экономической, профессиональной концентрацией различных форм социального общения, требует конкретно-исторического подхода. Ясно, что до возникновения город прошел длительный этап в истории, который требует развернутой характеристики.

Результатом такого подхода может быть построение эволюционного ряда типов поселений, имевших место в истории Древнего Кыргызстана. В таком случае «город» будет занимать верхнюю часть иерархической лестницы форм поселения. Выделение древнего города как такового важно с методологической точки зрения. Это позволяет конкретно представить исторические типы городов Кыргызстана, что составляет исходный предмет историко-архитектурной науки.

В настоящее время сложились как минимум два направления в изучении городов Кыргызстана: с позиций общественно-исторических наук и историко-архитектурной (профессиональной) школы. Эти направления не противоречат друг другу, но решают различные познавательные задачи. Историко-архитектурное направление рассматривает город как объект специфического градостроительного искусства. Это предполагает наличие соответствующих традициям архитектурной науки средств, графических материалов, достоверных фактов, концептуально-теоретического аппарата и др.

Как известно, тип и ранг поселения определяются на базе того или иного принципа классификации. Историко-архитектурный принцип

классификации поселений должен учитывать: а) время существования; б) регион и территорию размещения; в) величину (площадь застройки, количество населения); г) функциональные составные элементы; д) пространственно-планировочную структуру (композицию); е) архитектурный облик. Имея материалы по вышеперечисленным позициям, можно производить архитектурно-градостроительный анализ исторического типа поселения. Однако недостаток материала по тем или иным позициям затрудняет последовательное изучение эволюции типов поселения в Древнем Кыргызстане. Из-за недолговечности применяемых в то время строительных материалов многие древние постройки до нас не дошли, поэтому наши познания о древней архитектуре и градостроительстве Кыргызстана очень ограничены. Историко-археологической и градостроительной науке еще предстоит восполнить очевидные пробелы в этом отношении.

Т.Ф.Саваренская в книге «История градостроительного искусства» считает, что «Предшествовавшей городам формой расселения были городища, т.е. укрепленные поселения родовых общин» (с. 7). Термины «городище», «укрепленное поселение» можно считать синонимами по своему типологическому статусу, стоящими на порядок ниже от «города», но выше от «открытого селения» (селища).

На территории Кыргызстана найдены и изучены историками остатки многих городищ, существовавших в эпоху бронзы, железа и в Кушанское время.

Какие из этих городищ можно считать древними городами?

Строителям древних поселений было свойственно стремление к максимальному использованию природных особенностей местности в целях охоты, скотоводства, земледелия, рыболовство, а также для защиты от нападения извне, поэтому городища преимущественно располагались на возвышенностях (дэбё, тепе). Большая часть поселений в южном Кыргызстане размещались на равнинах части Ферганской долины и вдоль долин горных рек.

Они укреплялись валами, рвами и глинобитными стенами, иногда располагавшимися в два ряда.

Размеры городищ по периметру колеблются, и здесь нет определенной закономерности. По всей видимости, размеры городища соответствовали численности родовой общины.

В эпоху железа в Ферганской долине появляются города с прямоугольной формой планировки, окруженные крепостными стенами, с многочисленными башнями и бойницами. Подобная планировка была у столичного города Мархамат (Эрши) [106]. К такому же поселению относится Янги-Базарское городище (вблизи села Иски-Науката) – четырехугольное в плане с цитаделью. Некогда они являлись центрами земледельческих оазисов и административных частей Даваньского царства. Кстати, они очень похожи на Хорезмийские поселения (V-VI вв. до н.э.). Например, Калалыгыр был обведен прямоугольными крепостными стенами, в центре которых имелись ворота, особо выделенной цитадели здесь не было.

Устройство нескольких ворот ослабляло оборону, поэтому подавляющее большинство среднеазиатских городов имело одни ворота, от которых вела центральная дорога с отходящими от нее поперечными улицами. В застройке этих городов выделяются комплексы государственно-военных и культовых зданий, жилые и производственные кварталы, общественные площади и водоемы. Города, как правило, постепенно слагаются (исторически), и поэтому единого шаблона («генплана») нет, но есть единство градостроительных идей (а именно, крепостная стена, цитадель, жилые и производственные кварталы, магистраль ведет от ворот к цитадели и т.п.) [108].

Цитадель, как правило, представляет из себя замкнутую крепость. Примером крупной Бактрийской крепости II в. до н.э. (во времена Даваньского государства Ферганы) является городище Кухнекала в Таджикистане [82]. Оно было охвачено мощными стенами (около 270-110 м) с прямоугольными башнями (до 17 м). Контрфорсы вводили вертикальный ритм в архитектурный строй

сооружения. Имеется еще и внешний оборонительный рубеж. Внутренняя застройка располагалась вдоль стен, группируясь вокруг дворов или небольших площадей (с. 352-353 ВИА).

Хорезмийские крепости Джанбас-кала (VI в. до н.э.) и Топрак-кала (I – VI вв. до н.э.) строго прямоугольные в плане, обнесены стенами. В стенах имелись два яруса стрелковых галерей и огромное число прямо или мерно расположенных бойниц. Главное внимание было обращено на защиту ворот, где находилось особое предвратное сооружение со сложной структурой запутанных проходов, грозящих стать ловушкой для врага.

Жанбас-кала (IV в. до н.э. - I в. н.э.) в плане прямоугольный (185x170 м), обведен двойными стенами, между которыми образованы двухуровневые стрелковые галереи, крепостная стена без башен. Стены сложены из сырцовых кирпичей (40x40 см), а основания выполнены из пахсы. Стрелковые галереи снабжены косыми и прямыми бойницами, проемы которых перекрывались овальными арками.

Жанбас-кала пересекала компактно застроенная центральная улица, начиная от ворот до культового здания (храм огня). По обеим сторонам центральной улицы располагались протяженные два дома для общин, в которых имелись 150-200 комнат вместимостью до 1000 человек.

Простая и суровая внешность стен характерна для эпохи железа. Они защищались предвратными сооружениями (25x50 м). С верхней галереи стен, обходя поселение, можно было наблюдать приближение врага с разных сторон, а первый ярус служил в качестве казематов.

2.2. Городище Шоробашат, Эрши, Ош

Городище Шоробашат

Шоробашат в эпоху железа был религиозно-культовым центром земледельческого оазиса [1, 48, 53]. Городище расположено на пологом склоне гор на менее доступном месте. Место расположения городища выбрано

возле поймы реки Жазы, которая сливается с рекой Кара-Дарья. С восточной стороны к городищу примыкала полоса, состоящая из группы тепе. Они растянуты на 12 км, с запада на восток они сливаются с группами тепе Джиланда. С юго-западной стороны городище окружают отдельные тепе и курганный некрополь. Планировочная структура городища выглядит вытянутой вдоль реки с востока на запад. Занимаемая площадь около 70 га (примерно 1400x500 м). Его окружает единый вал длиной до 3 км, высота которого достигает 6 м. По всей видимости, городище было укреплено мощными крепостными стенами, о чем свидетельствуют развалины нескольких башен. Река служила естественной преградой с южной стороны.

Городище состоит из четырех относительно самостоятельных укрепленных частей: 1) цитадель, 2) религиозный комплекс, 3) убежище, 4) военный лагерь. Первая укрепленная стена с размерами примерно 250x300 м трапециевидной формы. Здесь найдены керамика, зернотерки и кружки эпохи бронзы. Судя по археологическим данным, жизнь в основном протекала в этом пространстве. Цитадель расположена с восточной стороны. С северо-западной части к цитадели примыкает огороженная территория для религиозных обрядов. От религиозного комплекса сохранились остатки двух помещений. В первом помещении найдены различные скульптурные изображения. Во втором помещении находились хозяйственные ямы и очаги. Западная часть территории служила убежищем для окрестного населения и для загона скота во время нападения врагов.

Геометрическая форма военного лагеря в виде скошенного квадрата резко отличается от овальной очертаний других укреплений.

Конструкция оборонительных укреплений Шоробашата не похожа на крепостные стены городища Мархамата (Эрши) и Эйлатана.

Столичный город Мархамат (Эрши), III в. до н.э. – I в. н.э.

Китайские источники, относящиеся к середине II до н.э., свидетельствуют о том, что столица Даваньского государства Эрши представляла из себя крупный город, он состоял из трех частей, каждая из

которых была укреплена самостоятельной фортификационной системой. Эти мощные крепостные стены города выдерживали на протяжении 40 дней натиск китайских войск. Даже после поражения длительное время город Мархамат выполнял столичную функцию государства, а также непосредственно влиял на социально-политические, культурно-экономические процессы во всей Фергане.

В результате археологических исследований, проведенных в 1947 году А.Бернштамом в городище Мархамат, было установлено, что в развитом состоянии общая площадь города доходила до 40 га [96, 97, 98, 106].

Город имел развитую функциональную структуру, была заранее спланирована пространственная концепция, которая получила четкую планировку, подобную античным среднеазиатским городам.

Бернштам указывает, что Эрши состоял из двух так называемых частей «внутренней» и «внешней». Во внутреннем городе, обнесенном крепостной стеной, выделяются жилые кварталы, дворцы правителей, религиозный центр и др. Ориентированный по странам света «внутренний город» имел четкий план в виде строгого прямоугольника размером 500x750 м, и состоял из трех кварталов: дворец с религиозным комплексом, ремесленный центр и жилой квартал. Дворец был возведен из глины, в плане имеет «Г»-образную планировку. Напротив дворца располагался вытянутое с востока на запад храмовое сооружение, а между ними обозначена площадка для священного огня. Середину городища формировали ряд мастерских и жилые дома ремесленников. Жилые дома тесно примыкали друг другу и образовывали целые монолитные кварталы. Стены в жилых домах возводились солидной толщины, что позволяло предусматривать в них несколько ниш. О планировке жилых домов судить трудно, поскольку не имеется археологических сведений об этом. Так, большинство помещений не имели входов, иногда они были выложены большими камнями или деревянными решетками. Перекрытия были плоскими и частично купольными. Для обеспечения населения водой был проведен во внутренний город проточный канал и образован водоем.

Внутренний город защищен высокой и прочной крепостной стеной с башнями, для возведения стен использовались крупные квадратные кирпичи с размером 40x40x10 см. Предвратное сооружение и трое ворот обеспечивали связь с внешним окружением. Внешний город был также обнесен оборонительной стеной, но без башен. Внутри этого пространства сохранились многочисленные остатки отдельных сооружений и холмы в виде тепе.

По историческим сведениям, данный город построили племена аристеи. Бернштам указывает, что эти племена скифского происхождения славились своими лошадьми и почитали культ коня.

Во внутреннем городе жили знатные люди, а население внешнего города занималось земледелием и скотоводством, которые обеспечивали знатных людей сельскохозяйственными продуктами.

В окрестностях столичного города были следующие поселения: Северо-Араван, Иски-Араван, Мыкты-Пошо, Киркидон, Мазар-тепе и другие тепе. Они были в административном подчинении у столичного города Мархамат.

Город Мархамат просуществовал до конца II в. до н.э. – до разрушительного нападения китайских войск, которое возглавлял китайский полководец Ли-гуан-ли в своем втором походе 101-99 гг. до н.э. Наряду с Мархаматом имеются сведения о других поселениях даваньского времени. Например, Чач-Тепе около города Ош, а также с Кашкар-Кишлакское городище. По археологическим наблюдениям они состояли из двух частей. В Чач-тепе не сохранились следы застройки, но во «внешнем городе» Кашкар-Кишлакского городища обнаружены остатки продолговатых построек.

В китайских источниках укрепленные крепостными стенами города называют «чэнгтями», а поселения, состоящие из домов-усадеб, обозначают как «уши».

По всей видимости, градостроительный опыт соседних государств был использован в строительстве Мархамата даваньскими строителями. Дополнен

включением сельскохозяйственных предместий для усиления обороноспособности столицы как третий оборонительный барьер.

Существует предположение, что вторая столица Даваньского государства Гуйшань-чен («Город на подножье взлелеянной горы»), датируемая примерно 1 в. н.э., находилась на месте современного города Ош, т.е. у подножья священной горы Сулайман-Тоо. Другое предположение связано с идентификацией с городом Касан, однако и в том, и в другом случае нет археологических доказательств. Также остается гипотетичным отождествление города Ю-чен с Узгеном.

Отдельные историки полагают, что Биловур-тебё, расположенный в 8 км западнее от Оша (площадь 1 га) был малым городом, служившим западным форпостом Ошского ареала. По всей видимости, город был также разгромлен войсками Ханьской династии.

Наряду с Мархаматом такие поселения, как Шоробашатское, Кара-Дарьинское, Дён-Булакское, которые занимали более десятка гектаров, Ю.А.Заднепровский относит к числу крупных городов Древней Ферганы.

Ош – самый древний город Центральной Азии (Ю.А.Заднепровский)

Осенью 2000 года жители Кыргызстана и международное сообщество торжественно отметили 3-тысячелетний возраст города Оша – современной южной столицы республики.

В процессе подготовки к юбилею был организован ряд международных научных конференций, вышла в свет серия публикаций, существенно раскрывших и обогативших архитектурно-градостроительную историю древнего города. На основе археологических материалов было установлено, что по сравнению с такими всемирно известными городами, как Самарканд, Бухара, Ходжент город Ош был основан на 500 лет раньше. По мнению Ю.Заднепровского, Ош является ровесником города Еревана – самого древнего города на территории бывшего СССР [50, 103, 105, 112, 115, 121, 122, 123].

История возникновения города Ош весьма сложная. В качестве точки отсчета отдельные исследователи берут время поздней бронзы, когда было построено и полноценно функционировало Ошское поселение. Одним из важных признаков причисления к статусу древнего города археологи считают величину занимаемой площади городища (поселения). На территории Ближнего Востока такой величиной принято считать 6-7 га, а в Центральной Азии – 3-6 га. Ровесник Ошского поселения Дальверзин – самое большое пространственное образование чустской культуры, который находился на удалении от Оша в 30 км, занимал площадь около 20 га [32, 33, 34, 35, 36, 40, 41].

Как уже отмечали, Дальверзин состоял из трех частей (цитадель, основная жилая застройка, загоны для скота), каждая из которых была укреплена крепостными стенами, соответствующие довольно высокому уровню строительства.

Будучи административным и культурным центром Ферганской долины эпохи бронзы, Дальверзин поддерживал тесные связи с Ошским оазисом, в том числе с Ошским поселением. Это убедительно доказано археологическими материальными аргументами. Площадь Ошского поселения намного меньше, чем Дальверзина – 2,2 га. Не было там и крепостной стены. Вместе с тем довольно плотная террасная застройка на крутом скальном грунте говорит о более высоком уровне строительства, чем в Дальверзине. Конструктивная основа землянок с четырьмя опорами в центре, где размещался ритуальный очаг, аналогична землянкам, обнаруженным возле нижней крепости Дальверзина.

Ю.Заднепровский полагает, что время возникновения Ошского поселения синхронно с начальным этапом формирования Дальверзина, но дальнейшая судьба его сложилась иначе. Ошское поселение не стало территориально обрастать и расширяться, как другие земледельческие оседлые поселения. Феномен Ошского поселения заключается в том, что оно выполняло роль сакрального центра огромного ареала, все больше и больше притягивая к

себе земледельческое население, которое селилось близко к нему на отдельных холмах, у подножья Сулайман-Тоо. Изначально Ошскому поселению было суждено стать узловым пунктом (центром) Ошского оазиса.

В 1998 году кыргызскими археологами были обнаружены остатки Древнего Оша, трехтысячелетие которого широко отмечалось в 2000 году [48, 50]. Городище Ак-Бура, расположенное недалеко от Сулайман-Тоо в юго-восточной части современного города, нижние культурные слои датируемые археологами рубежом н.э., а верхние – ранним средневековьем, было одним из 70-и ферганских городов, функционировавших в русле Великого Шелкового пути. Полагаясь на китайские источники, Л.Боровкова считает, что «город у святой и высочайшей горы» Гуйшань-Чэн, поздняя столица Даваньского государства, и есть древний город Ош.

Ранее, городище Ак-Буура А.Н.Бернштам, Ю.А.Заднепровский трактовали как крепость, служившую южным форпостом раннего средневекового Оша. Последние исследования показали, что остатки крепости относятся к верхним слоям городища. В плане городища выделяется двухъярусная цитадель. Каждый ярус цитадели был окружен крепостными стенами, углы которых обозначены прямоугольными башнями [27, 28].

Прилегающий к цитадели шахристан также был окружен стенами, очертание которых повторяет изгибы естественного рельефа. Трехрядовая фортификационная система обороны была характерна для многих горных и предгорных городов Древнего Кыргызстана, древний Ош в этом смысле не был исключением. Судя по площади (5-7 га) Ош относился к малым городам, площадь цитадели не превышает 20-25 % от общей площади. Начатые раскопки еще не дают ясного представления о планировке и застройке города. Археологам удалось определить дворовое пространство цитадели, ее престижные постройки, зал с алтарем прямоугольной формы размером 7,5х5,7 м, проход – коридор со сводчатым перекрытием, несколько прямоугольных в плане помещений, стены которых были возведены из сырцового кирпича. При

раскопке шахристана обнаружены культурные слои, относящиеся, в основном, к раннему средневековью и караханидскому периоду.

Раскопки городища Ак-Буура, а также поселений–крепостей Тотон-Дёбё и Ооз-Дёбё, находящихся на близлежащих территориях центра современного Оша, многочисленные керамические, нумизматические и другие исторические материалы свидетельствуют о том, что Ош является одним из древнейших очагов материальной и духовной культуры Кыргызстана, непрерывно функционировавшим начиная с эпохи железа в качестве города.

2.3. Сельские поселения эпохи железа

Городище Жаны-Базар расположено в 8 км к юго-востоку от села Иски-Наукат (Ноокатский р-н). Городище стоит на равнинном месте, обведено мощными крепостными стенами. Планировочная структура Жаны-Базара вытянута с юга на север, по плану неправильного четырехугольника с размером 400x250 м. Имеется предвратное сооружение северной стороны, которое вогнуто за пределами стен городища. На крепостных стенах сохранились остатки башен. Во внутреннем пространстве явно заметны два холма, один с южной стороны, другой примыкал к восточной стене. Южный холм, очевидно, представлял из себя цитадель, обведенную вокруг арыком. Археологи обнаружили здесь руины жилой застройки [109, 111,].

По вееру от Жаны-Базара располагались мелкие поселения: Урус-тепе, Иски-наукат, Мазар-тепе и крепость возле Мазар-тепе. Они имели торговые и административно-политические отношения с Жаны-Базаром. Среди этих поселений крепость возле Мазар-тепе на несколько столетий были военно-политическим форпостом этой долины. Такого рода крепости располагались практически в каждой обжитой долине на территории Кыргызстана. Например, известная крепость возле города Ош расположена в 4 км к западу города. Она в плане прямоугольная (320x220 м), в углах заметны остатки башен. Внутреннее пространство не было застроено. Внешний облик отличается суровостью от

поселений Ак-Бура, Савай, Хаит-тепе. Иногда встречаются крепости, поселения, располагавшиеся у входной части долин: например, Шалды-Балды сформировался в узкой части долины р. Исфана-Сай (Лейлекский район). Это поселение, расположенное у подножия горы, перегораживало входную часть долины. С двух сторон его огораживают естественные преграды, южную часть – р. Исфана-Сай, северная же часть примыкает к подножью горы. Кроме этого поселение было укреплено валом и рвом [145, 147, 148].

Как видно из приведенных примеров, в эпоху железа по сравнению с эпохой бронзы появляются укрепленные сельские поселения. Их появление связано с развитием скотоводства (экономическая причина) и усилением межплеменных и межродовых столкновений. Защита села, имущества, детей и женщин и всего населения стала в эпоху железа первоочередной заботой мужчин в оседлых поселениях. Практически сельские поселения земледельцев представляли из себя небольшие крепости. При помощи глинобитных стен, рва и валов решалась проблема защиты населения и охраны села в ночное время. В среднем население сельского поселения составляло 100-150 человек.

2.4. Поселения древних кочевников

История поселений кочевников начинается с древних сакских племен, обитавших на территории Кыргызстана с глубокой древности. Однако исторически достоверных сведений о величине, характере и других сторонах кочевых поселений тех времен недостаточно. Имеются лишь некоторые косвенные свидетельства об усуньских полуоседлых поселениях. Исторической науке еще предстоит собрать сведения, позволяющие представить специфику ранних кочевых поселений. Распространено суждение о кочевых поселениях на основе типов временных жилищ, сведений о которых собрано довольно много. Наиболее развернутые археологические материалы имеются о знаменитых сакских курганах, однако они мало могут помочь в изучении сакских кочевых

поселений. О саках очень скупо сообщают древние авторы, хотя есть отрывочные сведения о сакских ставках.

Большое количество сведений имеется об усуньском племенном союзе (III в. до н.э. - I в. н.э.), который был создан на базе горных долин Тенир-Тоо.

В древнекитайских источниках упоминается их главная ставка – поселение Чигу. Китайский посол Чжан Цзян в 116 г. до н.э. был в столице усуней на берегу Ысык-Кёля в городе Чигу. Здесь он установил дипломатические отношения с государством усуней и отсюда далее отправил своих помощников к западным странам. Археологам еще не удалось точно установить местоположение города Чигу, который существовал по крайней мере со второго века до н.э. до 12 г. до н.э. Город был разгромлен хуннами.

Усуни, как и саки, хунны вели кочевой образ жизни, но с I века н.э. начали осваивать земледелие, заниматься садоводством и переходить частично к оседлым поселениям. В Ысык-Кельской котловине и Чуйской долине обнаружены такие села усуней. Сохранился достоверный источник, что усуньский правитель на рубеже веков жил в юрте. Это позволяет нам время возникновения юрты как переносного жилища датировать II-I вв. до н.э. В песне китайской принцессы, выданной замуж за усуньского куньмо (Кюн-бия) говорится:

«Деревянные ууки (жерди юрты) – мое жильё,
Стены дома сделаны из кошмы (шерсти),
Пью только кумыс, айран и молоко,
Ем всегда лишь (ох, как надоело) только мясо».

Усуни имели зимовки в виде постоянной обжитой территории, где после перекочевки с летних пастбищ обустроивали свои жилища.

Зимовки усуней обычно располагались у горных ущелий, в защищенных местах. Возле зимовки, как правило, возникали родовые кладбища (курганские некрополи).

Знатные усунь имели ставку в виде укрепленного валом маленького поселения, которое китайцы называют «чэн».

В поселении усуней, обнаруженном А.К.Абетековым возле г. Кара-Балты (в Чуйский долине), вскрыты остатки глинобитных домов, хозяйственные ямы и очаги, что свидетельствует о том, что в среде кочевников–усуней уже складывались признаки земледельческой жизни.

По всей вероятности, в качестве стационарных поселений усуней использовали только зимовки.

Интересно мнение Н.Аристова об усунях, что они являются частью кыргызов, их древнейшей западной ветвью. И еще – «каракыргызы занимали горные местности западного Тенир-Тоо со второй половины II века до н.э.».

Усуньские поселения были разбиты и разграблены гуннами, такими же кочевниками, но более организованными, под единым руководством и имевших военно-демократический строй [1, 5].

2.5. Градостроительные процессы в I – V вв. н.э.

Население, живущее на территории современного Кыргызстана, в Кушанское время (I-V вв.) испытывало социально-политическое и культурно-экономическое влияние с северо-запада – Согдианы, Бактрии и с востока – сако-усуньских кочевых племен, с юга – ханской династии Китая.

На рубеже нашей эры через территорию Древнего Кыргызстана был проложен первый в истории человечества трансконтинентальный коммерческий и дипломатический маршрут общей протяженностью около 6400 км, ныне именуемый «Великий Шелковый путь».

В начале он соединил две мощные империи – Китай и Рим, синхронно существовавшие на разных континентах, затем география маршрута вовлекла в себя многие страны Восточной Европы, Малой Азии, Центральной Азии и Дальнего Востока. Торговый путь непрерывно функционировал до позднего средневековья, оказывая существенное влияние на развитие архитектуры, градостроительства, сельского хозяйства, промышленности и в целом на материальную и духовную культуру многих стран Евразии, в том числе Древнего Кыргызстана [146, 147, 148].

Ю.А.Заднепровский отмечает: «Целая цепочка поселений и городов долины Жазы и Кара-Дарьи маркирует направление торговых путей. Бурный рост Даваньи был обусловлен развитием сельского хозяйства и особой ролью международной транзитной торговли по Великому Шелковому пути, который проходил через городские центры этой страны» [149, с. 109].

В территориальном отношении нынешнюю кыргызскую землю и тогдашнее население можно считать составной частью или периферией Кушанского царства – одного из северо-индийских государств со столицей Пурушапур (современный Пешевар) протяженностью около 2 тыс. км.

Территория Кушанской державы включала в себя Северную Индию, почти весь Афганистан, многие области Средней Азии и Восточного Туркестана (в том числе Ферганскую долину), т.е. от берегов Индийского океана до Аральского моря [154, 155, 164, 165].

Для ведения строительства и для функционирования ремесленных мастерских необходимо было иметь сырье. В качестве подручного местного материала использовался лесс, который отличается плотностью, малой теплопроводностью, – это смесь глины и песчаника. Добыча полезных ископаемых в кушанское время резко возросла. Из недр извлекались металлические ископаемые, драгоценные камни, строительные материалы.

Для возведения стен жилых, дворцово-культовых и производственных зданий обычно употреблялись пахсовые блоки и сырцовые кирпичи (квадратного формата). В горных местностях иногда использовались каменные блоки. Колонны и перекрытия чаще всего были деревянными. Несущие конструкции перекрытий изготавливались из деревянных столбцов, при сравнительно небольших проемах встречаются арки, а отдельные помещения имели сводчатое покрытие.

Население Кыргызстана на протяжении всего кушанского времени вело внешнюю торговлю с Китаем, приволжскими сарматскими племенами, гуннами, Согдианой, Бактрией и многими другими царствами, поскольку через

территорию Кыргызстана пролегал один из путей «Шелкового пути», по которому следовали на запад караваны торговцев [5].

В Кушанской державе среди множества городов и мелких поселений выделяются такие города, как Таксилах, Термез, Самарканд, Топрак-Кала и другие. На основе археологических раскопок и изучения китайских, индийских, тибетских, греко-бактрийских и согдианских письменных источников установлено, что земледельческое население наряду с вышеназванными известными крупными городами преимущественно проживало в компактных городах (общая площадь до 40-50 га), имеющих крепостные стены со сторожевыми башнями или окруженных глиняными заградительными валами, и в малых поселениях сельского типа. Застройка малых городов и поселений формировалась на основе следующих типов сооружений: 1) дворцовые постройки (для правителей и городской знати); 2) культовые сооружения (зороастрийские, буддийские храмы и монастырские комплексы); 3) жилые дома из пахсовых блоков и сырцового кирпича, частично из камня; 4) производственные сооружения (мастерские для изготовления оружия, гончарных изделий, по обработке шерсти, кожи и др.); 5) хранилища (для зерна, хлопка, овощей и т.п.); 6) фортификационные сооружения (крепостные стены с бойницами, сторожевыми башнями); 7) ирригационные сооружения. Улицы имели довольно хаотичную конфигурацию, где местами выделяются асимметрические по форме отдельные площади. В оазисных городах в зависимости от природно-климатических условий разводили загородные и приусадебные сады и огороды. В кушанский период среднеазиатские земледельцы возделывали почти все сельскохозяйственные культуры, известные и в средние века: зерновые, технические, садовые, кормовые и др. [150, 154, 158, 160].

В южном регионе Кыргызстана, который находился в западной части Ферганской долины, наряду с земледелием развивается отгонное скотоводство, связанное с полукочевым образом жизни части населения, его сезонными перекочевками. По сведению отдельных авторов, ферганские кони (аргамаки)

по-прежнему вызывали зависть соседей и широко вывозились за пределы государства. Вместе с тем следует подчеркнуть, что основное население по всей территории в это историческое время ведет в целом кочевой образ жизни, поэтому с большой вероятностью можно предполагать, что крупные города не строились не только в малообжитом северном регионе, но и на самой Ферганской равнине и в предгорной местности.

Интенсивное заселение предгорий Ферганы наблюдается в начале I тыс. н.э., когда началось массовое переселение из долины в предгорья. Основную часть поселенцев, пришедших в предгорье, составляли скотоводы.

Сельские поселения стационарного типа стали возникать в узких межгорных долинах, образуя изолированные в территориальном отношении предгорные ареалы.

В юго-западных предгорьях вдоль водных артерий, таких как, например, Исфана-Сай, Кожо-Бакырган, Лейлек, Исфара, сложился тип застройки из одиночных усадеб и замков. По сравнению с долинными поселениями они были слабо укреплены. Единой непрерывной цепи крепостных стен, окружающих поселения, здесь не было. Г.А.Брыкина на основе археологических исследований показала, что в долине Исфары имелась целая сеть укрепленных замков, которые были возведены на высоких платформах. В замке были внутренний двор, жилые и хозяйственные помещения, перекрытые сводами [145, 147, 148].

Если в Ферганских предгорьях Кыргызстана расселение уже имело очаговый характер, в северном регионе население вело подвижный (сезонный), кочевой образ жизни, что является другой формой освоения территории и жизненного обитания человека и общины. Здесь часто происходили столкновения между племенами-соседями.

В южном регионе Кыргызстана в это время устанавливаются тесные торгово-хозяйственные и культурно-бытовые связи между оседлыми земледельцами, а также кочевниками-скотоводами и охотниками. В данном историческом периоде наблюдается 2 типа расселения: 1) равнинно-долинное

расселение, которое имело в Фергане очаговый, стационарный характер, периодами уплотняющееся или разрежающееся в зависимости от изменения военно-политической ситуации, социально-экономических, климатических и других условий; 2) предгорное расселение родо-племенных общин, подверженное быстрым динамическим трансформациям в силу ведения кочевого хозяйствования и быта.

В начале нашей эры Средняя Азия вступает в стадию разложения рабовладельческих и полурабовладельческих государств и обществ. Общеисторическая ситуация в I в. до н.э. - III в. н.э. складывается таким образом, что производительные силы и общественные отношения достигают более высокого уровня, чем в предыдущую эпоху. Возникает огромное Кушанское царство, под господством которого оказалась южная часть Древнего Кыргызстана.

Число городов становится, как отмечает Б.А.Литвинский, максимальным за все время истории древней Средней Азии. Под влиянием этого времени и кушанской культуры формируется один из древних и знаменитых городов Кыргызстана Узген, а также города Касан и Кара-Дарья. Количественно вырастает сеть сельских поселений, находящихся в экономической и политической зависимости от городов. Именно в это время возникают контуры системы «город – деревня – мобильное кочевое поселение», которому было суждено в разных соотношениях функционировать вплоть до XX века [152, 154].

Важнейшими городами, вобравшими в себя достижения и противоречия кушанской культуры, в Средней Азии были Топрак-Кала, Дальверзин-Тепе (систематические раскопки производились под руководством Г.А.Пугаченковой), Зар-Тепе (В.М.Массон), Кара-Тепе (Б.Я.Ставиский), Эр-Курган (Р.Х.Сулейманов), Дильберджин (И.Т.Кругликова), Фаяз-Тепе (Л.И.Альбаум) и другие [150, 151, 152, 153, 155, 157]. Археологические раскопки данных исторических памятников стали источником для воссоздания

планировки, характера застройки пространственно-количественных и других сторон среднеазиатского города кушанского времени.

Древними городами Средней Азии (кушанское время) являются:

а) хорезмийские города: Топрак-кала (17,5 га), Кюзелы-гыр (25 га), Калалы-гыр (70 га), Гульдурсун-кала (35 га), Базар-кала (31,3 га), Думан-кала, Джанбас-кала, Акча-Гелин, Хайван-кала, Кой-кырылган-кала;

б) древнебактрийские города: Зар-тепе (16 га), Бухара, Самарканд (Мараканда), Балх, Термез, Халчаян;

в) древнепарфийские города: Ниса, Мерв, Дурнали, Чильбурж;

г) Афганистан: Бактри, Пули-Хумри, Балшан, Герат, Кабура (Кабул), Каписи.

Городская жизнь в земледельческих оазисах Средней Азии, в том числе в Ферганской долине, становится несравненно интенсивней, чем в предыдущий период. Усиливается роль городов в экономической жизни регионов, в укреплении власти кушанских правителей, в культово-религиозном отношении, особенно в сооружениях буддийских сооружений, а также некрополей. Постепенно увеличивается количество жителей городов (т.е. плотность населения и демографический состав).

Как установили историки, планировочная структура среднеазиатских городов в кушанское время начинает формироваться в двух направлениях. Первое – трехчастная структура в виде цитадели – собственно город, пригород (включающий, кроме жилых, производственных, культовые (буддийские) сооружения), и второе – двухступенчатая, состоит из безцитадельной, огороженной стеной крепости в центральной части и прилегающей к ней усадебно-застроенной пригородной территории.

Преобладающей формой города, как и в предыдущие периоды, остаются прямоугольные, реже другие очертания. Это было неслучайно, так как при строительстве городов в Кушанском царстве (в индийской части) уже начали руководствоваться специальными архитектурно-градостроительными трактатами.

В таких древнеиндийских книгах, как «Архашастра» (III век н.э.), «Ваштушастра», «Милинда-паньха» (I в. до н.э. - II в. н.э.) содержатся ценные сведения о городской жизни и методах строительства кушанских городов, об архитектурной «науке», о характере работы архитектора и другое [154].

В «Миланде-паньха» говорится о том, что «архитектор – строитель города – должен вначале найти местность, которая должна быть плоской. После того как он сделает плоскими (те участки), которые были неровными, очистит территорию от деревьев и зарослей колючки, он может строить здесь город. Город должен быть красивым и упорядоченным, хорошо распланированным, с глубокими вырытыми оборонительными рвами и окружающими город стенами, прочными городскими воротами, сторожевыми башнями, бесчисленными перекрестками, площадями, пересечениями и местами, где соединяются три или четыре улицы. Главные улицы должны быть чистыми, плоскими и ровными; базарные лавки хорошо распланированными. Город должен изобиловать парками, водоемами, его должны украшать разнообразные лишенные недостатков святилища, посвященные божествам» [154, с. 122].

Центр города – место размещения резиденции – дворца правителя. Дворцовые здания имели несколько этажей, с многочисленными помещениями, украшенными скульптурой, резьбой и живописью. В дворцовых парках были пруды с островками, на которых были воздвигнуты беседки. Городские жилые дома часто имели сад во внутреннем дворе. Наиболее оживленной частью города являлся базар.

Торговцы и ремесленники занимали особые районы (вне городских стен) где располагались пригороды; жилые кварталы имели замкнутую структуру, улицы запирались воротами. Население каждого квартала составляло общину.

Топрак-кала – один из значительных по площади городов Хорезма (площадь прямоугольного городища примерно 17,5 га), количество жителей 2000-2500 человек [150].

Прямоугольный план городища Топрак-кала (500x350 м) нарушен только в одном углу выступом дворца. Город симметрично пересекает центральная магистраль: поперечные улицы определяют границы прямоугольных кварталов. Главную улицу замыкает храмовый комплекс.

Эта одна единственная, центральная улица ориентирована с севера на юг. Направление улицы определено местом расположения «священного участка», начало центральной улицы – единственные ворота города. Центральная улица была мощеная. Еще один важный момент – направление улицы совпадает с направлением господствующих ветров. Ширина центральной улицы 9-10 м, а поперечных к ней около 4 м.

В основе построения системы улиц лежит решетчатая схема (регулярно-сетчатая схема), подобная схеме древнеиндийских, античных и древнеегипетских городов. Можно сказать, что здесь использована «идеальная модель античного города». Считается, что решетчатая схема удобна для «царского», религиозного церемониала, разделяя зоны для ремесленников, воинов, торговцев (рынков), их групп, для определения габаритов многокомнатных домов, для организации обороны при военных ситуациях.

Характерными архитектурными решениями Топрак-кала является:

- вертикальное членение крепостной стены выступами-лопатками,
- мощные разновысокие объемы дворца, городских построек,
- высокие искусственные платформы под цитаделью (храмом, дворцом);

Цитадель Топрак-калы окружена стеной с внутрискладным коридором, включает в себя «храм огня», «дворец», хранилище и казармы для военных.

Считается, что древние среднеазиатские города возникали двумя способами: а) сначала строились цитадели, затем происходило обрастание вокруг «решетчатой схемы», и после возводились крепостные стены; б)

аналогично происходило обрастание вокруг «базара», затем строительство цитадели. Есть еще религиозный «способ» - т.е. строительство храма и затем остальное. В Древнем Кыргызстане такие случаи практически отсутствуют. Жилые кварталы в этих городах, как правило, составлены из «многокомнатных жилищ» («дом-массив», где около 50 комнат).

Многие вышеперечисленные характеристики кушанских городов были свойственны и городам Ферганской долины.

В источниках этого периода упоминается о высоком социальном статусе архитектора. В индийских трактатах говорится об «архитекторе-жреце», который ведал планированием и устройствам религиозных сооружений, всей совокупностью градостроительных работ и пользуется большим почетом. Такой архитектор должен владеть традиционными учениями («шастра»), практическим опытом, знанием и умением («карма»). Архитектурно-строительная деятельность рассматривалась подобно ведическим жертвоприношениям как религиозный акт.

Одним из известных кушанских городов является Дальверзин-тепе.

Дальверзин-тепе расположен в Сурхандарьинской области (Узбекистан), между горными хребтами Байсунтау и Бабатага.

Узбекистанская искусствоведческая экспедиция в 1962-1963 гг. провела разведочные вскрытия на цитадели Дальверзин-тепе. Многолетние стационарные раскопки крупнейшего города в Южном Узбекистане позволили установить время основания города примерно в середине II тыс. до н.э. [158]

Наивысшего расцвета город достиг в Кушанское время. Его территория в это время была густо заселена и имела довольно плотную застройку. Многочисленные крепостные стены были хорошо укреплены к возможной долговременной обороне. По периметру крепостных стен обведен ров. Рвы достигали по ширине 20-25 м и заполнялись водой, для чего использовалось естественное русло древнего притока Кармаки-сая. В районе цитадели проток реки делает резкий поворот и уходит к пойме р. Сурхандарьи.

В планировочном отношении Дальверзин-Тепе состоит из двух относительно самостоятельных частей: так называемый «Вышгород» (170x200 м) и «Нижний город» (650x500 м).

Цитадель располагалась на высоком холме в юго-западном углу «Вышгорода» и занимала территорию более 3 га. С восточной стороны выделяются главные ворота, мощные крепостные стены, монументальные дворцовые постройки, угловые и рядовые башни создают образ непреступной горы, олицетворяют власть правителей города.

Иначе построена объемно-планировочная структура «Нижнего города», здесь нет длинных и прямых магистралей, отсутствует строгая внутриквартальная уличная сеть, едва наблюдаются изломы улиц и контуры жилых кварталов. Более продумана внутриквартальная застройка. Открытые пространства между кварталами использовались в качестве городских площадей, где имелись бассейны и хаузы.

Аморфная, запутанная планировочная структура «Нижнего города» сознательно предназначалась для дезорганизации нападающего врага. Таким образом, отсутствие прямых планировочных осей было продиктовано фортификационными соображениями.

Археологи установили определенный уровень коммунального благоустройства города. Здесь имелись внутригородская арочная сеть, система водоемов, были продуманы проблемы отвода атмосферных и бытовых вод за черту города. В отдельных участках раскопам обнаружена система кобуров, которые нанизаны друг на друга (длина кобура от 80-93 см при диаметре 30-42 см). Линия системы кобуров тянется в западную сторону, оттуда вода сбрасывалась в ров. Во дворе горожан имелись поглощающие устройства воды, скорее всего подземные дренажи.

Функционально-планировочная организация города обусловлена социальной иерархией населения по имущественному признаку. Центральная часть города застраивалась домами и дворцами зажиточных людей из верхушки, дома середняков размещались по окраинам центра. Дома

ремесленников и бедных горожан, как правило, входили в состав производственных кварталов.

При планировке и возведении жилых домов строители учитывали направление господствующих ветров, характер атмосферных осадков и другие климатические факторы. Ремесленный сектор был расположен в южной зоне Дальверзин-тепе тоже с учетом направления господствующих ветров, которые относили дым от главной зоны жилья.

Город имел ярко выраженную религиозно-культурную сеть сооружений и площадей. Характерный для Кушанского времени буддийский комплекс со святилищем раскопан в загородной части города. Среди жилых кварталов обнаружены два культовых здания. Храм огня с площадью располагался в центре города.

За северной крепостной стеной на удалении 200-400 м виднеется территория кладбища с монументальными и мемориальными постройками. Сооружение типа науса здесь превалирует над другими типами погребений.

Дальверзин-тепе на протяжении многих веков служил крупным торговым центром обширного ареала, а торговый путь пролегал с западной стороны.

Столичный город Касан

Город Касан (I-III вв. н.э.) размещался на обрывистом берегу реки Касан-Сай (высота обрыва 50 м), с точки зрения фортификации на хорошо защищенном мысе. Из небольшого поселения (I половина I тыс. до н.э.) в пору рассвета Ферганы как части Кушанского царства возник город Касан, которому было суждено просуществовать до периода развитого средневековья и сыграть высокую политическую и социально-культурную роль в истории юга Кыргызстана.

Историко-археологическим исследованием развалин города Касан занимались Н.Н.Щербина-Крамаренко (1986 г.), Н.Бряннов (1897 г.), В.В.Бартольд (1990 г.), но наибольший вклад внес А.Н.Бернштам (1946-50 гг.),

который составил схематичный план городища, дал градостроительную поэтапную характеристику застройки и внешнего облика, предложил графическую реконструкцию Касана [1, 145].

В китайских источниках наименование города обозначается как «Гуйшань» или «Гесай». По мнению А.Берштама, название Касан восходит к этнониму «кушан», который, в свою очередь, связан с этнонимом «усунь», «хюсюнь».

Крепостные ломаные стены городища повторяют естественные очертания горно-скалистого рельефа и достигают по периметру 600 м (ил. 13). Общий периметр в раннем средневековье достигал 2 км. Юго-западную (трапециевидную по плану) часть занимала цитадель, возвышающаяся над всей застройкой. Археологические обследования конструкций стен и керамических материалов показывают, что город строился постепенно, в течение многих десятилетий. Цитадель была первым строительным сектором, затем была построена ограждающая площадка шахристана размером 90х70 м. Шахристан имел 6 башен и двое входных ворот. Четыре мощные башни шахристана частично сохранились.

В целом план Касана состоит из двух частей: восточной (Муг-Кала) и западной (Муг-Тепе). Последняя включает в себя цитадель шахристан, исторически соответствующий древнему периоду. Восточная часть была возведена в раннем средневековье строителями тюркского каганата.

Западную часть Касана можно рассматривать отдельно как типичный город кушанского времени, где просматриваются характерные архитектурные градостроительные традиции и строительно-конструктивные приемы таких городов, как Дальверзин-Тепе, Дильбержин.

Город имел довольно стройную фортификационную систему. Мощные заградительные валы перед воротами, затем ров вдоль крепостных стен, наполненный водой (глубина до 2-3 м, ширина 2-5 м), крутой обрыв служили внешним рубежом обороны города. Это показывает, что при выборе

месторасположения города первостепенное значение придавали оборонным сооружениям, обеспечению водой, укреплению ворот.

Очертание крепостной стены – замкнутое, строится из прямых отрезков (участков), а на изгибах возведены высокие башни различной величины. Крепостная стена, башни и «лабиринтные» ворота являются основными военно-оборонительными, но срединными в пространственном отношении элементами фортификационной системы. Тупиковые и разветвленные конфигурации улиц шахристана, мощная крепостная стена цитадели служили внутренним рубежом обороны. Такая система фортификации городов в кушанское время обеспечивала эффективную оборону при длительной осаде вражеских войск.

Судя по археологическим раскопкам и литературным источникам, внешние крепостные стены были двойными: внутрискладное пространство в виде коридора-анфилады приспособлено для обеспечения связей и ведения оборонных мероприятий. В отдельных случаях устраивались внутрискладные казематы.

На башнях располагались площадки для камнеметания, а внутри встроены стрелковые камеры. Лестницы в башнях обеспечивали доступ к верхней междустенной галерейной площадке, по всей видимости, гребенчатый парапет крепостных стен не является просто украшением, а прежде всего предназначен для ведения огня с верхней площадки.

Внешние фасады стен были относительно гладкими, иногда они членились вытянутыми прямоугольными пилястрами.

Цитадель была воздвигнута поверх раннего поселения, используя его развалины как своего рода платформу под крепостную стену. Толщина «фундаментной» платформы в отдельных местах превышает 5 метров. Она была сложена из сырцового кирпича размером 50x25x10 см и пахсовых блоков.

Представление о характере застройки шахристана в какой-то мере дают археологические остатки жилого дома с продолговатыми комнатами шириной

по 2 м. Жилые постройки имели айваны, в одном из них найдена часть деревянной колонны. Стены сложены из пахсы (60x40 см), толщина шва 8 см, внутренняя сторона оштукатуривалась глиняной примесью. Дверные проемы в отдельных случаях имели арочное завершение.

В хозяйственных помещениях вырыты ямы, куда помещались хумы, имелись очаги. Перекрытия, возможно, были балочными или сводчатыми, достоверных сведений нет.

При раскопке цитадели был обнаружен овальный в плане очаг размером 1,5x2,5 м. Внутри очага сохранился слой белого пепла, свидетельствующий, по мнению А.Бернштама, о культовом, а не хозяйственном назначении очага. Такие очаги использовались для разведения ритуального кострища. Конструктивные характеристики аналогичны очагам «домов огня» («алаухана»), обнаруженных археологами в кушанских городах. Например, в городе Джанбас-кала С.П.Толстов указывает на такое помещение с очагом, предназначенным для религиозного культа зороастрийцев.

Как отмечает А.Бернштам, «Касан – город-ставка, лагерь-крепость, возникший на рубеже н.э. в связи со становлением Кушанской династии Ферганы. Это военно-политический центр, это «военная столица», а не центр культуры и экономики. Этим объясняется суровый облик города, строгость инвентаря, в этом его самобытность [145, с.125].

Примерно в III-V вв. н.э., как это установлено историческими исследованиями, город переживает период упадка в связи с перемещением политического центра кушан из Ферганы в Заравшанскую долину. Возрождение городской жизни произойдет уже в средневековье, когда Касан станет вновь одним из военно-политических центров – городом-ставкой тюркских ханов. Руины восточной части, так называемая Муг-Кала, отражают следы города-ставки кочевников, имеющего такие же принципы застройки, как и западная.

Исключительно выгодное географическое местоположение Касана как связующего звена между земледельцами и кочевниками позволило ему

обеспечивать политические, торгово-экономические связи в северном ареале Ферганы на протяжении многих столетий.

В отличие от Касана иная историческая роль была предназначена другому городу Ферганы – Узгену.

Древний Узген

В китайских источниках содержатся сведения о городе под названием «Ю», существовавшем в эпоху железа, который размещался близко к горам в пойме двух рек. Изучавший этот вопрос Ю.Заднепровский высказал мнение о том, что этим городом могло быть Шоробашатское городище, однако А.Бернштам, сопоставив археологические раскопки Мархамата (Эрши) с признаками города «Ю», признал их идентичными. Он специально провел разведывательные раскопки в трех буграх Узгена и на основе найденных исторических предметов пришел к ошибочному заключению о времени существования города Узген в эпоху Кушанского царства [118, 145].

Исследования археолога Н.Малицкого позволили затем все же считать руины Древнего Узгена наиболее подходящим претендентом для отождествления их с городом «Ю».

Древний Узген представлял из себя величественный город, распластаный на нескольких холмах с высокими крепостными стенами. С южной стороны подножья холмов омывает река Кара-Дарья. Эти холмы тянутся с запада на восток. Наиболее из них старое городище находится на западном бугре с размерами 400x800 м. Оборонительные крепостные стены города разрушились, и практически не осталось сколько-нибудь отчетливых следов. В планировочном отношении город был ориентирован по сторонам света. С юго-западной стороны возвышались наружные городские ворота. От этих ворот до дворца правителя симметрично делила город на две части центральная улица. С этой же улицы можно было попасть на внутриквартальные проулки и тупиковые улочки. Жилые дома и кварталы

непосредственно примыкали друг к другу, но пространственно отделены от дворцового комплекса.

Планировочную структуру Древнего Узгена в какой-то мере можно считать идентичной с планировкой столичного города Мархамат. Как утверждают историки западная часть городища в качестве города существовала до разрушительного нашествия китайского полководца Ли-Гуан-Ли (99 г. до н.э.).

Бернштам отмечает в своих археолого-разведывательных исследованиях, проведенных на втором западном холме, что сохранились исторические следы иного времени, скорее всего отражающие типичные черты кушанских городов.

После разрушения города «Ю» кушанские мастера возвели огромную крепость размерами 400х600 м на другом близлежащем холме. Это в настоящее время городище Узген-2. Руины крепостных стен в плане выглядят в виде неправильного прямоугольника. В течение длительного времени рассматриваемая крепость

служила форпостом для одной из династий Кушанского царства.

Археологи на левом берегу реки Кара-Дарьи обнаружили остатки кушанского замка, который имел типичную высокую платформу, в углах возвышались башни с бойницами. В задачу замка входила в первую очередь защита безопасности переправы через реку в город от нападения врагов.

Древний Узген на протяжении нескольких столетий служил административным, культурно-религиозным и торгово-ремесленным центром оазиса, вокруг которого образовались созвездия малых сельскохозяйственных поселений. В различных источниках упоминаются названия такого рода поселений: например, Дун-Булак, Южноузгенское, Североузгенское, Жиланда и т.д. (ил. 14).

Кара-Дарьинское городище, как считают археологи, судя по территориальному размещению и занимаемой площади могло быть одним из крупнейших ремесленно-торговых центров земледельческого оазиса восточной части Ферганской долины [97, 104, 149].

Оно расположено у слияния рек Тар и Кара-Кульджа, на юго-востоке от Узгена на удалении 15 км. Вокруг городища образовалось около 90 тепе в виде сельских поселений.

Кара-Дарья в плане представляет из себя неправильный четырехугольник (самая большая сторона 330 м) и состоит из следующих функциональных частей: цитадель, религиозный комплекс, ремесленный квартал, лабиринтовые ворота и военный лагерь со смотровой башней. Оборонительная крепостная стена имела многочисленные башни и бойницы. Окружена тремя рвами, которые повторяют по конфигурации план городища. Один из них наполнен водой и был непосредственно соединен с рекой Кара-Кульджа. Оттуда же заведены два арыка, протекающих по внутренним кварталам города.

С западной стороны цитадель особенно выделяется с мощной оборонительной стеной. «В 1958 г. начато изучение цитадели этого. Верхняя площадка ее квадратной формы с закругленными углами, размером 20x20 (400 м²), возвышается на 10 м над поверхностью городища с восточной и северной стороны и на 20 м над уровнем западного рва» [149, с. 25]. При раскопке восточной части цитадели найдено большое количество керамики. По этому можно судить, что Кара-Дарьинское городище служило в качестве ремесленно-торгового центра в окружающем оазисе. В Шоробашате и других соседних поселениях обнаружено их незначительное количество. Религиозный комплекс включает в себя хауз и площади для священного огня.

Для предотвращения злых вражеских умыслов в южной части сооружены своеобразные лабиринтовые ворота. В юго-восточном углу военного лагеря была возведена высокая смотровая башня, с круговыми бойницами (высота ок. 15-20 м).

По всей видимости, судя по археологическим данным, цитадель существовала начиная с I половины I тыс. н.э., сам же город функционировал на протяжении Кушанской эпохи.

На расстоянии около 30 км от Кара-Дарьи сохранились остатки крепости Ой-Тал. Глинобитная крепость в плане имеет почти квадратную форму (106x105 м), наружные стены ориентированы углами по странам света. Во внутреннем пространстве крепости в северо-восточном углу сохранилось четырехугольное грунтовое возвышение. Археологические раскопки тут еще не производились, поэтому не представляется возможным высказать конкретные суждения о характере застройки во внутреннем пространстве крепости.

По вееру от Кара-Дарьи расположены сельские поселения (группа тепе, поселение Там тепе), население которых занималось преимущественно земледелием и скотоводством.

И Кара-Дарья, и Ой-Тал в течение нескольких столетий были военно-политическими форпостами южной части Узгенской долины.

Выводы по 2-ой главе

1. Первоначально оседло-земледельческие поселения на рубеже 1-го тысячелетия до н.э. возникали и развивались, видимо, без предварительно намеченной схемы. Группы усадебных строений образовали некую населенную местность, куда постоянно мигрировали скотоводы-кочевники. Военно-хозяйственные стычки между оседлым населением и кочевниками происходили регулярно. Возведение вокруг групп усадебных строений оборонительной стены становилось жизненной необходимостью для земледельцев. Практически стихийно сложившиеся неукрепленные населенные пункты так или иначе вынуждены были преобразовываться в небольшие компактные поселения площадью около 3-4 га. По естественно сложившему периметру населенного места узаконивалось обжитое пространство земледельцев, поэтому очертания оборонительной стены, как правило, не имеют правильной геометрической формы [147, 148, 156, 164, 165].

2. Новый подъем городской жизни в II-IV веках н.э. испытывает г. Касан в связи с расцветом Кушанского царства. Время наивысшего могущества Кушанской империи отмечено возведением многочисленных зданий,

осуществлением грандиозных фортификационных работ, что нашло свое отражение и в планировке и застройке Касана.

3. Касан, Шоробашат, Мархамат как развитые оазисные города Кушанского времени, судя по археологическим данным, имели довольно стройную фортификационную систему: мощный заградительный вал, затем ров, наполненный водой (глубина до 2-3 м, ширина 4-5 м) и прочные крепостные стены. Естественные обрывы по рельефу, иногда широкая пойма реки служили внешним рубежом обороны города. Поэтому при выборе места расположения города обеспечение водой и военно-оборонные соображения имели первостепенное значение.

Очертание крепостной замкнутой стены строится из прямых участков (секторов), а на изгибах возводятся башни. Крепостные стены с башней и лабиринтными воротами являются основными элементами фортификационной системы. Мосты прокладывают через рвы. Они, как правило, были съемными.

Судя по археологическим раскопкам, крепостные стены были двойными, внутрстенное пространство приспособлено для связи и других оборонных мероприятий. На башнях располагались площадки для камнеметания, а внутри встроены стрелковые камеры, лестницы обеспечивали доступ к верхней между стеной площадке.

В отдельных случаях устраивались внутрстенные казематы. Гребенчатый парапет стен не является чисто украшенческим, а предназначен для ведения огня с верхней площадки.

Фасады внешних стен были относительно гладкими, иногда усиливались вытянутыми прямоугольными пилонами или пилястрами.

4. Можно утверждать, что в основном древние города выросли на базе малых населенных мест.

Первоначально древние города Кыргызстана были лишь административными центрами, объединявшими разнообразные сельские общины. Некоторые города возникали на торговых путях. Укрепленная

территория города иногда использовалась как убежище для сельского населения при нападении врагов, т.е. как военная крепость.

По мере развития ремесел города становились местами сосредоточения ремесленников, обслуживающих главным образом нужды правителей. Таким образом, можно считать, что возникновение городов прямо связано с существованием государственно-военного устройства на определенной территории.

Глава 3. Протоархитектура древнего Кыргызстана

3.1. Особенности архаического жилища

Как мы уже отмечали, археологи Кыргызстана обнаружили более сотен пещер и гротов, полузамкнутое пространство которых древние люди каменного века использовали в качестве жилища. Вместе с тем, начиная с каменного века древние люди сами создавали и постоянно совершенствовали различные архаические типы жилища.

Развитие двух типов хозяйственной деятельности и культурно-бытовой жизни (кочевников и земледельцев), которые сложились исторически на территории Кыргызстана еще в первом тысячелетии до н.э., обусловило параллельное существование двух видов жилища – переносного и стационарного.

Кочевники пользовались такими разновидностями переносного и легко сооружаемого жилья как шалаши, шатры и юрты. Полукочевники могли прибегать к обоим видам жилища. Диапазон стационарного жилища был довольно широк. Это жилище в виде землянок и полуземлянок, дома из глины, каменно-глиняные и из деревянных срубов. В отдельных случаях для жилья приспособляли искусственные и естественные пещеры и гроты. Стационарные жилые строения от переносных отличаются не только конструкцией, материалом, но и более развитой планировкой, включающей хозяйственные помещения, иногда дворные пространства [167, 170, 171].

Все эти виды жилища имели место в древней и средневековой истории Кыргызстана. Вместе с тем юрта, по сравнению с другими видами наиболее приспособленная к традиционному образу жизни кыргызов, по праву считается основным типом жилища, воплотившим в себя пространственно-космологические, мифопоэтические, духовно-эстетические архитипы этноса.

Историю стационарного жилища Древнего Кыргызстана можно начать с эпохи бронзы, на примере опыта домостроения из глины и дерева. Богатый

археологический материал накоплен на основе раскопок сельских поселений Ошского региона.

Здесь мы видим, что земледельцы-скотоводы строили несколько типов жилых домов. Им были хорошо знакомы методы строительства подземных, полуподземных жилищ-землянок, одиночные надземные дома (из нескольких комнат) и глинобитные коллективные «дома-массивы», а также использовались шалаши и другие временные типы жилья [168, 178].

Одним из древних образцовых типов многосемейного дома (здесь примерно проживало 20-25 человек), имевших широкое распространение в сельских поселениях, можно считать полностью раскопанное жилище в Боз-Тепе. Судя по плану это так называемый «дом-массив», образованный из разновеликих комнат (площадью от 4 до 30 м²). С внешней стороны благодаря прямоугольному очертанию периметра это глинобитное строение воспринималось как единое сооружение. Практически все «дома-массивы», имея по периметру мощную стену из пахсы, сырцового кирпича, выглядели как миникрепости.

Большинство комнат в Боз-Тепе примыкали одной стороной к периметральной внешней стене. Это говорит о том, что «дом-массив» возникал последовательно, процесс строительства был длительным, вновь образованные парные семьи по своему усмотрению (хозяйственно-бытовым потребностям) выбирали количество комнат и площади, всегда используя предыдущее состояние строительства. «Дом-массив» не мог иметь заранее предполагаемый подробный план строительства, он планировался, скорее всего, по ходу жизнеустройства, по мере роста многосемейного коллектива.

Как показывают примеры вскрытых археологами общих планов «домов-массивов», в них также видна спонтанная структура планировки, регулярность наблюдается лишь в пределах 2-3 комнат.

Судя по остаткам очагов, отдельные комнаты отапливались в зимнее время и предназначались для жилья, другие комнаты могли использоваться для хозяйственных целей. Внутри комнат для хранения зерна и других. Освещение

комнат предусматривалось с дворовой стороны, возможно, в отдельных комнатах свет проникал сверху, через проемы на крыше. В «домах-массивах», как показывают специальные исследования, всегда было много «темных» помещений. В качестве освещения в глинобитных домах древности чаще всего использовались дверные проемы.

Для сообщений между помещениями или группами помещений в «домах-массивах» имелись узкие проходы. В отдельных случаях между группами комнат оставались открытые пространства. Заранее продуманный единый внутренний двор возникает гораздо позднее (в эпоху железа). Имел ли «дом-массив» сплошную кровлю или каждое помещение перекрывалось самостоятельно? Об этом, к сожалению, нет достоверных сведений. Конструкция крыши для «домов массивов», по всей видимости, была сложной строительной проблемой.

А.Н.Бернштам, Т.Г.Оболдуева считают, что в кушанское время в Фергане сельское жилище было в виде отдельных укрепленных домов-замков. Их появление – результат разрыва родообщинных связей, приведшего к выделению патриархальных семей [167].

Каждый такой дом-замок представляет собой мощную башню, сложенную из крупного сырцового кирпича или блоков, стоящую внутри огороженного стеной двора. Замок строился на высоком цоколе.

Появление укрепленных усадеб-замков в Фергане в первых веках н.э. могло быть вызвано ее окраинным положением, окруженным кочевыми племенами, отсутствием государственной власти, достаточно сильной, чтобы создать организованную защиту сельского населения. В следующий период (между тюрками и арабами) отмечается «стягивание» неукрепленных сельских поселений вокруг феодального замка, что указывает на развивающуюся феодализацию общества (VI-VIII вв. н.э.).

Таким образом, в VI-VIII вв. н.э. сельское население Средней Азии жило уже в укрепленных селениях, реже в усадьбах, а жилищем земледельческой знати стал дом-замок (усадьба с донжоном).

Выявление происхождения монументальных типов дворцов замковых жилых зданий из сырцового кирпича на глиняной платформе в III-V вв. в

значительной степени затрудняется тем, что обусловившие появление их в известной степени строительная культура, традиция планировки, объемно-пространственного построения не сохранились, кроме территории южного Кыргызстана (кроме Калаи-Бола). Недолговечные и в силу этого не дошедшие до нашего времени сырцово-деревянные постройки дворцовой архитектуры, по всей видимости, имеют прямую связь в строительно-технологическом отношении с постройками более укрепленных цитаделей городов кушанского времени и раннего средневековья, где имеются элементы и формы каменной архитектуры.

3.2. Погребально-культовые и религиозные сооружения

Из всех первобытных религиозных воззрений в древности погребальный культ получил самое широкое распространение. Некоторые ученые считают погребальный культ самой древнейшей формой религии. Содержание погребального культа является духовно-пространственной основой формирования погребальных сооружений, начиная от самых примитивных (могильная яма) до наиболее сложных (мавзолеей, некрополь).

Под «погребальным культом», как правило, понимают совокупность религиозных обрядов, относящихся к умершим, и связанные с этим системы верования. Практически во всех древних культурах погребальный культ предполагал строительство специальных сооружений, а сам процесс строительства составлял необходимое звено погребального ритуала. В этом отношении история Древнего Кыргызстана не составляет исключения.

У древних кочевников и земледельцев была прочная вера в посмертное существование души умерших, поэтому они себя считали обязанными «кормить» покойников (жертвоприношение), обращаться к ним за помощью (молитва), оберегать тела покойников от злых духов (сооружение гробниц, могил), устраивать проводы в иной мир (погребальный обряд), ставить

памятные знаки и др. Некоторые исследователи древности высказывают мысль о том, что первобытный человек как-будто бы не замечал вообще момент наступления смерти умершего, поэтому он продолжал заботиться о нем еще продолжительное время. Лучшей формой заботы об усопшем было возведение «дома для мертвых».

Погребение умерших, по всей видимости, начали еще неандертальцы. Об этом свидетельствует захоронение детского черепа, найденного в гроте Тешик-Таш (Узбекистан), который был окружен несколькими парами козлиных рогов [180].

Г.Спенсер, Липперт видят в истоках возникновения погребального обряда инстинктивный страх перед покойником, свойственный всем живым существам. Состояние страха перед покойником в какой-то мере объясняет момент возникновения религиозно-мистического чувства. На заре человеческой истории зародились два противоположных инстинкта: 1) стремление избавиться от умершего; 2) стремление сохранить его близко от себя.

Знакомство с археологическими материалами, найденными на территории Кыргызстана, подтверждает факт, что в устройстве, местоположении, в размерах древних погребальных сооружений при всем их разнообразии лежат в более или менее видоизменной форме либо та, либо другая из тенденций захоронения.

Формы погребения в Древнем Кыргызстане, как и на сопредельных территориях, были многообразными, но в основном сводились к труположению или трупосожжению. Очевидно, что обычаи древних, касающиеся способов обращения с телом умершего, складывались под воздействием разнообразных исторических, географических, строительно-технологических и других условий.

Важнейшим фактором эволюции архитектуры погребально-культовых сооружений является развитие форм (способов) погребения.

Изучение археологических материалов и литературных источников позволяет увидеть трансформацию форм погребения в Древнем Кыргызстане, которые затем претерпели существенные изменения в средневековой культуре.

Форма погребения показывает способы обращения к умершему, который становится устойчивой традицией в рамках той или иной культуры. У каждого отдельного народа, населявшего территорию Древнего Кыргызстана, практически был свой способ погребения. Сакские курганы отличаются от древнетюркских погребений не только внешне, но и изнутри, хотя те и другие кочевники вели сходный кочевой образ жизни. Существенно рознятся от них «перевернутые» хуннские курганы.

Археологи Кыргызстана установили, что все основные формы погребения – зарывание в землю (ямные могилы), пещерное, наземное погребение, кремация (трупосожжение), хранение в жилище, в хумах, оссуриях, урнах, захоронение костей, склепы, и конечно же, возведение кургана, характерное для древней Евразийской цивилизации, имели место в древней и раннесредневековой истории Кыргызстана. Вместе с тем не обнаружены факты мумификации, воздушного, водяного погребения, рассечения трупов, каннибализма и другие формы погребения, свойственные некоторым древним цивилизациям. Интересно, что изменчивость формы погребения не была прямо связана с природно-климатическими, экономическими условиями, имеющими существенное значение для эволюции архитектуры и строительства. Распространение той или иной формы погребения, думается, уместно связывать с духовными, мифо-религиозными представлениями народа, с взаимовлиянием культур, этикета, может быть даже «древней моды».

Структура древнего погребального культа, сама по себе весьма ответвленная, состоит из нескольких относительно самостоятельных частей. Это погребальные дары и жертвы: устройство околomoгильных, надмогильных огней; погребальная тризна, пиршество, ритуальные игры; посмертный траур и запреты; выбор места для погребения; процесс строительства надгробия,

курганов; организация охраны и постоянная забота о сохранности места погребения; символизация атрибутов погребения и другое.

Как известно, различные типы погребальных сооружений сложились еще в каменном веке. Специальные археологические раскопки, тщательно проведенные такими исследователями-историками, как А.Н.Бернштам, А.К.Абетеков, К.И.Ташбаева, Ю.А.Заднепровский, Д.Ф.Винник, К.Ш.Табалдиев и другими, позволяют судить о строительных конструкциях, материалах, планировочных параметрах, ориентации, месте размещения и геометрической форме погребальных сооружений [179, 184, 188, 191].

Первобытные люди в каменном веке для захоронения преимущественно использовали примитивные могильные ямы, «каменные ящики», нередко расщелины скал, иногда наземные формы захоронения. Первые признаки или зачатки архитектурного осмысления формы погребального сооружения можно заметить в так называемом «кургане». Это искусственно созданная из массы камней или грунта некая возвышенность над подземным или наземным погребением или каменная ограда вокруг места захоронения. Земляная или каменная насыпь имеет по абрису прямоугольные (квадратные) или округлые (овальные) очертания. Простые геометрические фигуры в плане характерны также для каменных град. Размеры по диагонали (в круглых) и по сторонам (в прямоугольных) курганах колеблются от 10 до 100 м. Размещенные относительно близко друг от друга такие курганы образуют нечто вроде некрополя «города мертвых» и могут восприниматься в целостности. Они беспорядочно разбросаны как в высокогорных, так и в долинных местностях Кыргызстана.

Можно считать, что курган является наиболее специфичным видом наземного погребального сооружения, характерного для Древнего Кыргызстана.

Ранние кочевники совершали погребения по строго определенному обряду. Более знатных хоронили в обширных могилах и курганах, с богатыми предметами быта. Рядовые члены общества погребались в простых,

небольших могилах. У них существовала особая процедура погребения, связанная с сожжением костров во время захоронения. Около могилы при таких захоронениях находят остатки костров, кости жертвенных животных. Погребенных сопровождали предметами постоянного обихода, так, мужчин – военными мечами, конями, конским снаряжением женщин – бусами, зеркалами, глиняной посудой и т.п. Было также широко распространено коллективное захоронение. В целом, вокруг умершего создавалась обстановка, окружавшая его при жизни. Существовало поминальное угощение, т.е. обряд жертвоприношения.

Изучение курганов скифов-саков Евразии началось лишь в XIX веке. В начале XX века уже были известны конструкции могил и особенности погребального обряда древних кочевников. В результате сложился устойчивый стереотип о курганах как о больших кучах земли (насыпях) над могилами скотоводов, охотников, степняков.

Предыстория возникновения курганов, как считают отдельные археологи, уходит к середине IV тысячелетия до н.э., ко времени строительства египетских пирамид и зиккуратов Месопотамии. Это было время смены охоты и собирательства на скотоводство и земледелие.

Изучение сако-усуньских курганов на территории Кыргызстана было начато В.В.Бартольдом в конце XIX века (1897 год). Он правильно соотнес датировку сакских курганов к памятникам эпохи железа, не раскопав ни одного кургана (А.К.Абетеков).

В конце 30-х годов М.В.Воеводским и М.П.Грязновым впервые археологическим методом были изучены курганы древних усуней, которые находятся на восточном побережье Ысык-Кёля (Челпекская и Кара-Кольская группы курганов).

В дальнейшем раскопки курганов саков и усуней проводили в Ысык-Кёльской котловине Л.П.Зяблин (1955), Д.Ф.Винник (1982), В.П.Мокрынин (1975), А.К.Абетеков (1978), Л.Р.Кызласов (1972) и другие.

В 1938 г. в верховьях реки Талас А.Н.Бернштам открыл так называемый «Кенкольский могильник», своеобразный некрополь, оставленный гуннскими племенами в начале нашей эры [181]. Позже было обнаружено более десятка некрополей древних кочевников, такие как Таш-Башат (I-IV вв. н.э.), Чет-Тобе (I-V вв. н.э.), Котур-Сай (сако-суньское время), Таш-Арык (II в. до н.э.), Доон-Тобе (I-V вв. н.э.) и другие.

В Ошском оазисе изучены археологами два некрополя сакского времени: «Тулейкан», расположенный в 10 км к западу от Оша, включает в себя 22 каменных полусферических насыпей (А.Н.Бернштам, 1947), «Озгор II» находится в 10 км к югу от Оша, состоит из 25 курганов (Ю.А.Заднепровский, 1980).

Курган сакского времени раскопан (Д.Ф.Винник, 1970) в Узгенском оазисе в долине реки Жазы, в 15 км от села Мирза-Аки (некрополь Кош-Этер).

Наибольшее количество сакских курганов обнаружено в Алайской долине и предгорной зоне юго-западной Ферганы. Ю.Д.Баруздин (1954) открыл эталонный памятник катакомбно-подбойной культуры – некрополи (могильники) Кара-Булак и Тура-Таш (I-IV вв. н.э.). Кроме них можно отметить следующие некрополи: Чакмак, Кара-Швак, Шарт I и II, Чак, Кургак, Даурат-Курган, Нура I и II, Чагир, Эльтеке, Кек-Суу. В них захоронения совершались в неглубоких грунтовых ямах (65 %), в каменных ящиках (20 %) и на дневной поверхности (12 %), как указывает К.И.Ташбаева.

К известным некрополям сако-усуньского времени относится могильник «Темир-Коруг» Наукатского района Ошского оазиса, датируемый II в. до н.э. - I в. н.э.

Археологи И.Кожомбердиев (1975), Н.Горбунова (1961), К.Ташбаева (1981) и другие подвергли изучению курганы и некрополи Кетмен-Тюбе. Здесь выделяются так называемые «длинные» курганы и компактные некрополи, состоящие из цепочек крупных курганов, вокруг которых бессистемно расположены насыпи меньших размеров. «Насыпи курганов, в

основном, земляные или каменно-земляные округлой формы. Захоронения совершались в простой грунтовой яме овальной или прямоугольной формы, ориентированной в основном по линии запад-восток. Очень часто могильные ямы имели перекрытия из дерева, а в северных стенках имелись ниши, в которых ставился погребальный инвентарь» [184].

Сако-усуньские курганы Чуйской долины (А. Абетеков), внутреннего Тянь-Шаня (Д. Табалдиев, К. Ташбаева) также дали богатый материал для изучения культуры кочевого населения Древнего Кыргызстана.

Древние кочевники (усуни) в Чуйской долине в основном оставили погребальные сооружения на северных склонах Кыргызского Ала-Тоо, возле горных рек в ущельях Джиламыш, Каинды, Сокулук, Кегети, Ала-Арча и других. Курганы здесь образуют цепочки, ориентированные часто по линии север-юг, запад-восток. Диаметр курганов колеблется от 10 до 20 м, при высоте до 1,5 м, они датируются III в. до н.э. - I в. н.э. Наземную часть кургана усуни в основном укрепляли каменными концентрическими кругами. Обрамление подножия курганной насыпи является наиболее устойчивой традицией погребального обряда кочевого населения Кыргызстана, которая продолжалась около 2 тыс. лет (до IV века).

Курганы и некрополи Чон-Кемина и Кичи-Кемина сако-усуньского типа изучены слабо. В 1980 годы историкам удалось установить здесь следующие памятники-некрополи: Таш-Кыя и Бузулган-Сай в верховьях реки Чон-Кемин, Тегерменты, Кайынды, Тарсу в среднем течении реки Чон-Кемин, Джаны-Жол, Далпарсы, Кара-Булак – в бассейне реки Кичи-Кемин. Эти памятники состоят обычно, не из одиночных, а из групповых курганов, земляных и каменных. Некоторые из них возвышаются на несколько метров и растянуты цепочками, встречаются плоские курганы (тип «таш-коргончо») – выкладки из камней.

В конце V в. н.э. основная масса тянь-шаньских кыргызов переселяется в Енисейский край. Здесь кыргызы оставили за собой специфичные захоронения, так называемые «чаатасы» («Жоо ташы», т.е. «Вражеский

камень»). «В эпоху чаатас появились могильники для захоронения тел умерших, в каждом из них был прах одного сожженного тела в специальной посуде или в мешочке». Над холмиком могил устанавливались камни-ступеньки, а чуть поодаль – каменные изваяния (мамы) – столбы. Археологические исследования позволили установить разновидности чаатасов.

Минусинская котловина («Мин-суу») – окруженная горами степная территория на среднем Енисее (Хакасия и Красноярский край) даже сегодня буквально усеяна вертикально вкопанными каменными идолами. Это остатки древних кыргызских курганов с надгробиями (здесь имеются также наскальные изображения). Начало исследованию исчезнувшей культуры кочевников и енисейских кыргызов положил Д.Мессершмит в 1721-1727 годах, затем ряд русских ученых, такие как Н.Мартьянов, С.А.Теплоухов, М.П.Грязнов, С.В.Киселев, А.А.Формозов, Ю.С.Худяков и др., составили разнообразную историческую картину культово-погребальных объектов, начиная с бронзового века до средневековья.

Выяснилось, что большинство курганов были перекопаны и разграблены золотоискателями. В 1960 году при сооружении Красноярской ГЭС были затоплены сотни курганов и другие памятники древности и средневековья, расположенные по обоим берегам Енисея.

В результате археологических работ было установлено, что в бронзовом веке у населения Минусинской котловины практиковались одни, а в эпоху железа – другие погребальные обряды. Если в бронзовом веке погребения были в невысоких ящиках из плитняка, обведенные кромлехами, то в эпоху железа скифские кочевники начали сооружать огромные по диаметру и высоте искусственные холмы-курганы с вкопанными с четырех сторон каменными, штопанными, вертикальными монолитами. Так, Солбыкский курган (диаметр около 50 м, высота 25-30 м) под насыпью имел настоящий «каменный дом» (квадратный в плане размером 7х7 м), высота каменных монолитов – 3 м. Вертикальные монолиты, установленные в специальной узкой траншее на

одном уровне, образовывали своеобразную каменную стену, под монолитами подложено дерево-амортизатор, оберегающий глыбы от растрескивания. На огороженной площадке обнаружены зольные прослойки от пяти кострищ, заживавшихся, по-видимому, при совершении тризны. В центре помешался покойник-вождь, а вокруг – принесенные в жертву жены, рабы, животные. В насыпи прослежены вымостки из бревен, по всей видимости, использованные для затаскивания грунта на вершину холма.

Курганы последующих времен енисейских кыргызов VI-VIII вв. вошли в науку под названием «чаа-тас». Это сплошные каменные курганы в виде пирамиды или параллелепипеда. Устойчивость «чаа-тасов» по отношению к земляным курганам оказалось во времени, как ни странно, более уязвимой, практически все они разобраны или разрушены.

Курганы енисейских кыргызов, которые называются «чаатасами», были изучены археологами С.В.Киселевым, Д.А.Евтюховой в 1938-1940 годах (копенский, уйбатский чаатасы). Они считали, что в системе расположения чаатасов – каменных курганов можно видеть отражение внутренней общественной структуры кыргызского древнего государства. Большие чаатасы, по существу, являются родовыми захоронениями. Основную часть некрополя занимает несколько больших, до 30-40 м в диаметре, каменных курганов, тесно расположенных цепочкой, один вслед за другим, вокруг больших группировались средние и маленькие диаметром 3-5 м. Маленькие курганы не располагаются среди больших, так как это не отвечало общественному положению умерших.

Одной из основных особенностей чаатаса является устройство прямоугольного или квадратного «дома мертвых», обнесенного вертикальными каменными глыбами высотой до 3 м.

Во всех кыргызских погребениях археологи находили кости баранов. В некоторых из них обнаружены деревянные, искусно вырезанные фигурки баранов, обложенные листовым золотом и серебром. Очевидно, бараны символизировали богатство их обладателей.

Вокруг чаатасов ставились надмогильные камни, с эпитафией на орхон-енисейском алфавите и с рисунками.

Кроме этого возле чаатасов были найдены археологами тайники, содержащие высокохудожественные изделия из золота и серебра. По всей видимости, обряд погребения здесь был в виде трупосожжения.

В отличие от енисейских кыргызов, тянь-шаньские кыргызы ставили у могилы так называемые «балбалы», считает А.Н.Бернштам, опираясь на китайскую летопись. Балбалы, по его мнению, являются «нарисованным обликом покойного», а количество убитых им врагов отмечали врытыми в землю камнями. Этот обряд начался с эпохи объединения тюрко-язычных кочевых народов в VI веке.

Погребальный обряд кочевников (саков, усуней, гуннов), так же как и остальные древние обычаи, выражает идею культа предков. Захоронение предков в землю (поблизости от поселений) могло означать, что они (души умерших) как бы охраняют пастбища, поселения, в целом родовую территорию и способствуют благоприятной жизни потомков в данной земле-родине. Поэтому не случайно, что погребальный обряд и сооружение курганов занимают у кочевников и земледельцев важнейшее место в их жизни.

Енисейские кыргызы в V-VIII вв. использовали своеобразные погребальные атрибуты – погребальные маски, раскрашенные синевато-черной и красной краской. Этими же красками расписывались узоры на шее и на груди. Раскраска масок, по всей видимости, передает татуировку, память о которой отразилась в сообщениях китайской хроники, где говорится о том, что енисейские кыргызы красят себе шею и грудь. На соседнем Алтае также существовал обычай татуировки тела, о чем свидетельствуют археологические раскопки курганов.

Еще одним обычаем были захоронение покойников вместе с астрогалами (костными суставами) коров и овец. Особое значение придавалось игральным астрогалам, с вырезанными в них тамгами – родовыми знаками,

которые близки буквам древнетюркской письменности (орхоно-енисейский алфавит).

В структурном отношении крупные сакские курганы имели над землей земляную насыпь, обходные коридоры, рвы, валы, каменную ограду, жертвенное место, иногда место для разведения огня, каменные идолы и другие элементы; под землей – погребальную камеру с жертвенниками, сооруженными из каменных плит, столбов, перекрытыми бревнами, гробницы, наклонный входной коридор и множество ритуальных предметов.

Такие курганы в пространстве служили вертикальными ориентирами. Кочевники к курганам относились как к особо почитаемым родовым культовым центрам. Строительство «царского кургана» продолжалось несколько лет с привлечением огромной рабочей силы (рабов).

Историко-культурная ценность изучения курганов состоит в том, что они являются самыми важнейшими материальными источниками, позволяющими «воссоздать» предметный мир, социальную иерархию, строительную и в целом культуру кочевого населения Древнего Кыргызстана.

Саки вошли в историю мировой архитектуры как создатели огромных курганов. Некоторые курганы, искусственно созданные холмы-горы, несомненно, являются памятниками древней монументальной архитектуры. Не без основания ученые считают, что «курганы подобны летописям», «это братские могилы народов» (Ю.Шилов), «модель видимого мира, ограниченного кольцом кругозора, выражает идею кругозора кочевника-степняка» (Б.Рыбаков). Вместе с тем не все курганы, искусственно созданные холмы-горы, являются памятниками монументальной архитектуры.

Изучению курганов в Евразии посвятили специальные работы А.А.Бобринского, Б.А.Городцева, Д.Я.Самонвасова, А.А.Формозова, М.П.Грязнова, Б.Ю.Рыбакова, Ю.Шилова и многих других.

Археологи различают курганы-«майданы», «курганы с усами», «курганы-острова» (холмы), «цепь царских курганов», курганы общинников

и другие. Так, майданы отличаются вычурной формой в виде животных, тайнственных знаков.

Символы Солнца появляются в самых древних курганах в виде кольцевых кромлехов.

А.Н.Бернштам считал, что круглая выкладка кургана из камней (типа кромлех) символизирует Солнце: значит, древние кочевники – саки и усунь – поклонялись солнцу (существовал культ солнца). Кольцо камней вокруг кургана одновременно символизирует форму космоса (вселенной). Зримый образ космоса, небесный миропорядок наиболее концентрированно мог выражаться в геометрической форме погребального сооружения.

Символика солнца и солнечно-зодиакальный календарь впервые появились у древнейших кочевников и материализовались в планировке и форме курганов.

На территории Кыргызстана имеется множество курганных некрополей, составляющих основу культово-мемориальной архитектуры древнего периода. Они, как памятники истории и архитектуры, отражают достигнутый уровень строительства, генезис погребально-культового обряда, а найденные в них материальные элементы свидетельствуют о характере культуры и социальных отношениях в обществе.

Для понимания ценности и адекватного восприятия архитектурных особенностей того или иного некрополя необходима их классификация в зависимости от историко-культурного времени (время возникновения), социально-этнической идентификации, учет территориально-региональной привязанности и в конечном итоге все это зависит от характера планировочной организации и объемно-пространственного построения.

По сравнению с отдельным курганным сооружением некрополь («могильник») является более сложным пространственным образованием (нередко своеобразным архитектурным ансамблем).

В начале II века до н.э. появляются катакомбные погребальные сооружения. Они помимо строительных особенностей (размеры, конструкции)

отличаются от простых грунтовых могил следующими морфологическими признаками: перпендикулярным положением катакомбы по отношению к дромосу; наличием катакомбного пустого пространства; иногда ориентацией погребенных и формой насыпи. Только на юге Кыргызстана обнаружены 5 разновидностей катакомбных захоронений: так называемые Карабулакское, Хангизское, Кенкольское, Гурмиронское и Карагачское.

Начиная с середины II в. до н.э. до V в. н.э. групповые и катакомбные могилы чаще всего использовались сако-усуньскими племенами для погребения своих умерших, а захоронения в наземных сырцовых склепах и наусах по сравнению с каменными и бронзовыми можно считать новыми формами погребения, появившимися в этот исторический период. Появление каждого нового типа захоронения свидетельствует о том, что произошли изменения в содержании обряда и соответственно в сложившейся строительной-архитектурной традиции региона и местности (курум, склеп, наусные, подбойные могилы).

Появление катакомбных могил А.Н.Бернштам связывал с приходом на территорию Кыргызстана гуннов, однако это до сих пор остается спорным вопросом для археологов. Таким образом, в эпоху железа использовались 2 типа могильных сооружений: 1) грунтовые ямы с накатом бревен; 2) катакомбные могилы.

В пору существования государства Давань в южном регионе Кыргызстана по сравнению с предшествующими периодами типология и архитектурно-строительные особенности погребальных сооружений существенно изменились. Наземные склепы, грунтовые и катакомбные могилы широко вошли в архитектурную и культурную традицию Кыргызстана как имеющие местные корни, и им суждено было дойти до XX века.

Появление таких погребальных сооружений, как курумы, наусы, мугхана и подбойных могил свидетельствует о свершившейся ломке границ расселения, появлении новых стереотипов культур, архитектурно-строительных приемов и принципов вследствие вторжения извне новых сообществ. Таким

образом, можно считать, что разнообразные типы погребальных сооружений, составляющих в целом устойчивый комплекс на протяжении VIII-IX веков, принадлежат земледельцам, проживающим на равнинных и предгорных районах, кочевникам (сакам, усуням) иномадам, пришедшим извне.

Рассмотренные погребальные сооружения и некрополи функционировали продолжительное время и многие сохранились до сих пор.

«В горных районах древней Ферганы сооружался особый тип погребального сооружения – так называемая мугхана (I-IV вв.). Этот тип постройки воздвигался из крупных кусков рваного камня, булыг и плоских каменных плит. Они включают округлую погребальную камеру, перекрытую ложным куполом с узким ходом-лазом. В целях долговечности сооружения основное ядро охватывалось двумя и тремя внешними рядами и постройка полусферический и сфероконический силуэт (до 8-10 м в диаметре при 4-6-метровой высоте)» (ВИА, с. 362.).

Археологические раскопки, проведенные практически по всем регионам республики, древних погребений показывают, как с развитием и усложнением ритуала погребения и поминального обряда эволюционировали формы, параметры, символика и другие атрибуты погребального сооружения, изменились строительные-технические приемы и средства (материалы и конструкции).

Материально-пространственное воплощение при помощи символической формы мифо-религиозной идеи о второй, посмертной жизни усопшего проходит красной нитью в эволюции архитектуры погребальных сооружений у кочевников начиная с эпохи бронзы до XX века.

Анализ имеющихся археологических материалов, раскопок и развалин погребальных сооружений Древнего Кыргызстана показывает, что решение религиозной и архитектурно-эстетической задачи погребального обряда осуществлялось, в основном, тремя способами:

- в виде курганной насыпи (глина и камень);
- очерчиванием оберегательной каменной ограды вокруг территории могилы;

- возведением сооружения над могилой в виде «жилища» (мугхана).

В раннем средневековье архитектура культово-погребальных сооружений кочевников имеет свои особенности. Прекращается строительство крупных курганов. Традиции погребения саков, усуней, хуннов забываются среди кочевников Тенир-Тоо и во всей Центральной Азии.

Религиозные сооружения (храмы, помещения, площади)

С глубокой древности (эпоха бронзы) люди для молитвы (религиозно-коллективного ритуала) и приношения жертвы отводили, создавали и украшали, т.е. одухотворяли специальные места [193, 194, 195]. Пространство и территориальные границы таких мест заранее обдумывались. Самым древним типом религиозного пространства, имеющим прямое отношение к истории архитектуры

Древнего Кыргызстана, можно считать так называемую «поминальную ограду» из камней, предназначенную для погребального обряда.

Исторические сведения о специальных религиозных сооружениях Древнего Кыргызстана очень незначительны.

В древней архитектуре только зарождается традиция выделения специальных мест для религиозных ритуалов. Так, на Ошском поселении и на Дальверзине историки выделяют самые древние святилища, построенные в виде землянок [188]. На Дальверзинском поселении «это четырехугольное помещение со сторонами разной длины, площадью 60 м². Стены полуземлянки, были обложены сырцовыми кирпичами, обмазаны глиной и побелены. В центре помещения стоял овальный культовый очаг. В полу сохранились четыре ямки от столбов. На эти столбы опиралось перекрытие, по-видимому, с брусчатым шатром посередине, над очагом. На столбы укладывалась квадратная рама, концы которой опирались на стены. При этом потолок расчленялся балками на десять прямоугольников, которые накрывались налитом из жердей. Центральный квадрат завершал брусчатый купол, сложенный из нескольких уменьшающихся в

поперечнике деревянных рам, уложенных углами на середину стороны предыдущей. Это очень рациональная конструкция, которая позволяла перекрыть помещения больших пролетов, создавая тягу для выхода дыма и условия для верхнего света» [188, с.15]

При раскопке древнего Касана был обнаружен овальный в плане очаг размером 1,5х2,5 м. Внутри очага остался слой белого пепла, свидетельствующий о культовом, а не хозяйственном назначении очага. Он использовался для разведения ритуального кострища, конструктивные характеристики совпадают с очагами «домов огня» (алаухана), обнаруженными археологами в кушанских городах. Например, в Джанбас-кале С.П.Толстов открыл такое помещение, предназначенное для религиозного культа зороастрийцев. (А.Н.Бернштам, 1951 г.).

При раскопке городище Ооз-Дёбё, находящегося вблизи Сулайман-Тоо в 2000 году группой археологов (К.Ж.Малтаев, И.Б.Молдобаев, Т.А.Насиров, Э.Ж.Сулайманов), обнаружены следы храма огня, который функционировал на протяжении IV в. до н.э. – IV в. н.э.

3.3. Организация сакральных мест

Для древнего периода человеческой истории была характерна нерасчлененность форм общественного сознания (религии, искусства, идеологии), среди которых важную роль играли культовые обряды, обычаи и мифорелигиозные представления. Они могли воплощаться в художественных произведениях, фольклоре, а также в специальных сооружениях, иногда в своеобразных пространственных комплексах [179].

В Древнем Кыргызстане имело место распространение различных раннерелигиозных, т.е. языческих воззрений (шаманизм, тотемизм, магия, фетишизм и др.) и культов, в целом свойственных первобытнообщинному и рабовладельческому строю. Историки утверждают, что сакские племена проповедовали раннеиранские религии — маздеизм, зороастризм, манихейство,

но особое почтение отводили культу погребения предков, вождей и огня [181, 187].

Археологами замечено, что древние люди вокруг стоянок расставляли кости животных в качестве оберега. У входа пещеры, внутри нее висели рога, шкуры, головы архаров, оленей, медведей и других тотемов. Эти обереги-вещи должны были по представлениям древних, защитить их от злых духов и болезней.

У ранних кочевников Тенир-Тоо были так называемые родовые святилища и жертвенные места. Есть все основания полагать, что у святилища и в жертвенных местах кочевники при совершении культово-религиозных действий, как правило, разводили костры, варили мясо жертвенных животных. Иногда они оставляли здесь сосуды с пищей, деревянных и глиняных идолов [188].

Жители Древнего Кыргызстана имели свои космологические представления об устройстве мироздания. Они могли ориентироваться по звездам. Кочевники определяли по ночным светилам стороны горизонта, направления конкретных маршрутов кочевок или переходов. Осмысленная космологическая ориентация пространства жилища, погребальных сооружений, поселений и сакральных мест была важнейшей составляющей жизнеустройства кочевников.

Древним скотоводам и земледельцам небесный звездный мир представлялся в виде зодиака, т.е. «звериного круга», образованного животными в небесном мире. Каждое небесное созвездие имело облик мифического животного со своим характером, благом и статусом. Лошади, быки, коровы и другие животные приносились в жертву на всем протяжении сооружения курганов и во время погребального обряда [191].

Можно отметить, что в эпоху ранней бронзы пастушеско-скотоводческие племена уже имели идеологические (в частности, локализованные культы) представления и устойчивые традиции, основанные на особенностях

окружающей среды, быта и хозяйствования. Вместе с тем они обожествляли еще силы природы (горы, реки, деревья, камни и др.), тотемных животных, но более всего солнце и огонь. На территории некрополей, возле них совершались коллективные поклонения этим стихиям и силам.

В отличие от земледельческих общин Хорезма, Согды, Бактрии, придерживавшихся преимущественно зороастрийской веры и возводивших специальные храмы огня, древние кочевники – саки и усунь имели собственную систему верований, но не строили такого рода храмовых сооружений. В качестве места коллективно-родового поклонения служили курганы и некрополи предков. Религиозно-культурный ритуал саков частично известен по описаниям древнегреческих и римских путешественников. Единство места погребения и места моления (жертвоприношения) было синкретичным выражением сакской формы общественно-религиозного порядка [181].

Архитектурно-исторические памятники кыргызов древнего периода и в особенности средневековья разбросаны по всей Центральной Азии. Каменные изваяния, курганы, петроглифы, следы поселений и крепостей, обнаруженные археологами далеко за пределами современного Кыргызстана, уже идентифицированы как принадлежащие древней и средневековой культуре и архитектуре Кыргызстана.

Многочисленные памятники материальной культуры кыргызов обнаружены в Южной Сибири (Минусинская котловина, Алтай, Тува, Хакасия) вдоль реки Енисей, где в IX веке был создан могущественный Кыргызский каганат, существовавший более 80 лет [5].

Отдельные памятники, оставленные енисейскими и тянь-шаньскими кыргызами, находят в Монголии, Восточном Туркестане, Манчжурии, Казахстане, Таджикистане и в других регионах. Все они должны входить в общую историческую картину кыргызской архитектуры и мемориального искусства, как показано, например, в книге «Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии» (Новосибирск, 1999 г., коллектив авторов).

Для этого есть более чем достаточные основания. Так, Н.Я.Бичурин (Иакинд) считал Тенир-Тоо и Восточный Туркестан исконной родиной кыргызов, где они жили в этих местах издавна [99]. Н.А.Аристов высказывал предположение об автохтонном происхождении кыргызов, обитавших в I тыс. до н.э. между Тенир-Тоо и Танну-Ола и об их этническом родстве с усунями.

В начале нашей эры с приходом усуней, гуннов усиливается комплекс религиозно-мифологических представлений кочевых племен-общин. Замечено проникновение в кочевую среду идей буддизма в кушанское время и даже в какой-то мере сближение с язычеством.

В среднеазиатской архитектурно-археологической научной литературе культ огня считается совершенно чужеродным для буддизма и противопоставляется ему, однако сочетание буддизма и местного культа огня более чем вероятно, о чем свидетельствуют некоторые памятники Древнего Кыргызстана.

С древними скотоводческими евроазиатскими народами много общего было и у хуннов в их ярко выраженном культе предков (вождей) и космоса («Тенгир»). Хунны клали рядом с усопшим и волосы – знаки траура.

Характерной особенностью хуннских курганов (Ноин-Ула) является «перевернутость» кургана в сторону подземного мира в отличие от скифских (саков). Все это свидетельствует о том, что мифорелигиозные представления и культовые обряды древних земледельцев, кочевников неслучайно получили своеобразное воплощение в мемориально-культовой архитектуре Древнего Кыргызстана. Немногие из сохранившихся подобного рода памятников рассеяны по всей территории республики и представляют огромную культурную ценность. Сегодня они привлекают внимание туристов, являются предметами неугасаемого интереса культурологов, искусствоведов, историков и, конечно же, архитекторов.

В мемориально-культовых памятниках наиболее ярко отразилось духовно-эстетическое видение мира древних, художественное творчество и мастерство номадов.

В целом в истории Древнего Кыргызстана можно выделить три категории культово-религиозных объектов: 1) сакральные (священные) места; 2) погребальные сооружения и некрополи; 3) религиозно-культовые центры в городах (поселениях). К первой категории памятников можно отнести так называемый «горный храм-святилище» Саймалы-Таш, отдельно стоящую сакральную скалу (с. Араван), священную гору Сулайман-Тоо (г. Ош), мазары у истоков рек, скал, системы каменных идолов и другие жертвенные места. Известной долей сакральности (святости) обладают наскальные изображения, петроглифы на валунах. Древние петроглифы практически можно встретить во всех регионах Кыргызстана. Так, в Таласской долине изображения тотемных животных (горных козлов) на скалах известны в ущельях Теке-Таш, Курган-Таш, Кулан, Каракол, Кюркюресу и Урмарал.

Самый известный памятник каменного века в Кыргызстане Саймалы-Таш («узорчатые камни»), датируемый историками IV-III тыс. до н.э., расположен на труднодоступном плато Ферганского хребта (3000 тыс. м над у. м.) у истоков реки Кёк-Арт, горы Давань, куда ведут лишь горные тропы, на удалении от г. Жалал-Абада около 80 км [187, 190].

Этот удивительный и совершенный памятник древнего искусства Кыргызстана, безусловно, – шедевр мирового значения. Он создан коллективным творчеством многих поколений древних охотников, скотоводов, шаманов на протяжении более чем тысячелетий, каждый камень с изображением одухотворен мифо-поэтическими чувствами и художественной фантазией первобытного человека, затем подхвачен последующими поколениями кочевников. Саймалы-Таш состоит из двух относительно самостоятельных частей (Саймалы-Таш I и Саймалы-Таш II), общая протяженность плоскостного каменного образования более 3 км, поэтому не поддается единовременному восприятию с одной точки. Для восприятия этой своего рода грандиозной ленточно-панорамной картины, нарисованной на горной поверхности лежащих более тысячи камней, зрителю необходимо постоянно перемещаться с одного участка на другой. Привлекают внимание

прежде всего загадочные рисунки на поверхностях камней, воспроизводящих в своеобразном стиле фигуры людей, животных, колесниц, астральные знаки и геометрические узоры. Ясно, что здесь нет заранее предусмотренной «дороги» – тропы для последовательного «чтения» общего сюжета композиции. Бродя по поверхности и внутри пространственной картины, зритель как бы находится в глубине мистического мира – где-то пляшут охотники, куда-то бегут дикие архары, режут яки, движется с плугом дехканин, рядом ползет змея. С одной стороны, буйство первобытной жизненной энергии, карнавальность, праздничность обстановки, с другой – отрешенность, застывшие позы героев этой картины невольно завораживают воображение смотрящего.

Саймалы-Таш – самый крупный из подобных каменных памятников. Другие, такие как Чили-Сай (Ошская обл.), Сурот-таш (Араван), Терген-таш (Алай), Сурёту (Баткен), Чыймыл-Таш (Кара-Кульджа), каменно-пространственные образования Чолпон-Аты (Долинки), села Курское, «восьмикаменники» озера Сон-Кёль также сказочно и реалистично повествуют об образе жизни древних.

Многоплановое и величественное по масштабу изобразительное пространство составляет композиционную основу каменных памятников Древнего Кыргызстана. Эти прекрасные образцы древнего пространственно-временного искусства со своеобразным символическим языком с точки зрения художественно-культурной, познавательной ценности можно сравнить разве что с эстетическими достоинствами мифологизированного пространства древнего города инков Мача-Пикчу (Гватемала), также, кстати, расположенного на высокогорье (около 3 тыс. м над уровнем моря) или же, говоря образно, с чтением эпоса «Манас».

Если даже большие египетские пирамиды строились не более 100 лет, то Саймалы-Таш создавался на протяжении неолита и бронзы: сколько это лет, трудно сосчитать.

Обращает на себе внимание еще загадочность выбора места расположения, удаленного и труднодоступного (посещения возможны только в

летнее время), на снежном плато Ферганского хребта. По всей видимости, Саймалы-Таш для древних охотников, скотоводов, земледельцев равнин Ферганского оазиса, а может для всех обитателей Тенир-Тоо служил паломничества, куда они стекались по календарным праздникам для жертвоприношения духам. Культовое назначение Саймалы-Таш, по мнению историков и искусствоведов, более чем вероятно. Тогда есть некоторое основание предполагать, что роль Саймалы-Таш в жизни древних кочевников была не в меньшей степени значительна, чем Мекка для верующих мусульман начиная с развитого средневековья.

Историко-культурный, эстетический, мифорелигиозный и иной смысл Саймалы-Таш стал предметом исследования многих ученых только начиная со второй половины XX века.

Несомненно одно – этот уникальный каменно-пространственный ансамбль древности является богатой по содержанию эпической летописью на камне.

Не менее значительным ландшафтно-культовым памятником является Сулайман-Тоо, который, по всей вероятности, еще на рубеже неолита и эпохи бронзы превратился в особо почитаемую культовую гору среди населения Ферганского оазиса. Окружающее равнинное пространство с плодородной почвой Сулайман-Тоо представители чустской культуры использовали для сельскохозяйственных посевов, поблизости размещались поселения земледельцев и скотоводов. Древние кочевники здесь также оставили свои следы, обнаружены их некрополи, предметы материальной культуры. Археологами тщательно изучено так называемое «Ошское поселение», террасовидная застройка которого располагалась на восточном подножии горы, возникшее 3 тыс. лет тому назад. Сулайман-Тоо – это естественно-ландшафтное образование в виде одиночного и цельного горного массива конусовидной формы занимает площадь около 5 га (протяженность около 2 км, ширина 250 м), имеет неправильную эллипсовидную конфигурацию в плане, пять скальных вершин (высота 175 м) в виде горбов верблюда придают горе

выразительный силуэт. Естественно созданная в виде высокого и протяженного монумента гора Сулайман-Тоо видна со всех сторон города, поэтому она является пространственным ориентиром и доминантой местности, невольно притягивает внимание своим загадочным обликом, не говоря о том, что с ней у нашего народа связано множество легенд и поверий [184, 187, 190].

Этот крупнейший по массе известняковый останец, гордо вздымающийся вверх своими силуэтными утесами, образовал в себе несколько пещер и гротов, в некоторых из них археологами найдены орудия каменного века, наскальные рисунки, магические знаки. Под одной из вершин находится своеобразная пещера Чильтонхана, имеющая три входа. На пересечении трех коридорных проходов естественным образом образовано зальное пространство, которое, по предположениям исследователей, использовалось древними в религиозно-культовых целях, а также в качестве пещерного жилища. Такую же культовую функцию выполняли другие пещеры – Рушан ункур, Ишан ункур и Кырккыз. Последняя пещера представляет из себя единое сводчатое полузамкнутое зальное пространство (глубина 12 м, ширина – 10 м) с большим входом (высота около 6 м). С каждой пещерой связаны различные поверья и легенды местных жителей. В настоящее время пещеры соединены между собой дополнительными проходами и служат в качестве краеведческого подземного музея (общая экспозиционная площадь 1138 м²).

Весьма примечательна наклонная узкая тропинка под названием Кыл Кёпюрё (Волосяной мост), серпантинном ведущая от подножья к одной из вершин горы, и наклонный камень с желобом длиной около 3 м («Бел-Таш»). Некоторые историки предполагают, что перед камнем Бел-Таш находилась жертвенная площадка, а желоб служил для стока ритуальной крови и воды при мытье мяса (Б.Карымшакова, С.Мамытов, Б.Помаскин). По тропинкам и на скальных площадках, а также вокруг горы в далекой древности огнепоклонники совершали свои ритуальные шествия, разводили огонь, готовили ритуальную пищу. Нет особого сомнения в том, что Сулайман-Тоо в I тыс. до н.э. была своего рода горным зороастрийским святилищем.

С другой стороны, Сулайман-Тоо является, по существу, открытой галереей древних наскальных изображений с очень разнообразной тематикой. Среди них выделяются мотивы лабиринтов. Эти символические изображения круглой формы с запутанными спиральными кругами, воспроизводящими некие образы круговорота солнца или конусовидного поселения на холме. Одно из такого рода изображений исследователи трактуют как момент пожирания тела солнца извилистой змеей. «Змея в древности олицетворяла собой образ Земли, и здесь отражены космологические понятия о восходе и заходе солнца». Кроме лабиринтных изображений встречаются знаки «Мирового дерева», тотемных животных и птиц (силуэты горных козлов подобны изображениям на Саймалы-Таш), антропоморфных существ, что свидетельствует о том, что не только земледельцы, но и древние кочевники имели пристрастное отношение к Сулайман-Тоо.

Заслуживает особого внимания одно сюжетное изображение на поверхности скалы, где в центре композиции отчетливо читается схематичный план «дома» с квадратными и прямоугольными помещениями. Это многоэлементное изображение историки датируют эпохой бронзы, т.е. в то время, когда возведена террасовидная застройка Ошского поселения. Если смотреть в целом на изображение не по вертикали, а по горизонтали, то перед нами возникает картина сельской усадьбы, окруженная с одной стороны высокими деревьями, с другой – защищенная валом, за которым расположены три круглых строения, возможно могильники или каменные ограды. Две параллельные черточки, беспорядочно начертанные в трех местах, могут обозначать мостики через реку. Изображение своего «домашнего» окружения, как и рисование сцены охоты, сбора урожая, ритуальных танцев и другое было излюбленным мотивом древнейших художников, встречающимся в петроглифах Южной Сибири, Монголии и Туркестана. Вместе с тем, изображение «домов» в виде квадратов, возможно, это и одновременно магическое изображение солнца, так как если квадрат вращать вокруг своего центра, то он даст круг. Так считают некоторые исследователи Сулайман-Тоо.

Священный ореол Сулайман-Тоо зиждится на культе большой горы, которая занимает в мифо-космологических представлениях древних кочевников одно из центральных мест, наряду с культами тотемных животных, коня, небосвода, солнца, огня, предков и вождей.

Культе горы связан также с культом пещеры и камня. Для древних людей Сулайман-Тоо представлялся как сакральный центр мира (как мировая гора), через который проходит вертикальная ось, на вершине обитают боги, под горою злые духи, а посередине – человеческий род. Гора как бы соединяет небо и землю, покровительствует людям и защищает их от всевозможных бед, поэтому близость к горе обеспечивает им безопасность. Поклонение горе и жертвоприношения по древне-мифологическим представлениям обеспечивали гармонию человека с окружающим миром.

Идейные и материальные корни, разнообразные объекты культа гор обстоятельно изучены Л.П.Потаповым, И.Л.Кызласовым, С.А.Токаревым, В.Н.Топоровым, а также другими отечественными и зарубежными учеными. Функциональное содержание обряда поклонения какой-то особо выделенной горе происходит от конкретных представлений и верований, распространившихся среди жителей (родоплеменных общин) местности. Древние предполагали, что гора, каким-то образом выделенная (обособленная) от других гор, воплощает в себе оберегающую, исцеляющую энергию, может являться местом обитания духов, хранильницей тайн и богатств, тотемным центром родовой территории и т.п. Для ранних кочевников гора ощущалась как прародительница или как родовая гора, откуда происходят они сами, поэтому принесение священной горе жертв, календарные, родовые моления вокруг горы и вообще кровнородственное интимное отношение к ней было традиционным явлением. Зачастую обряд поклонения горе сопровождался медленным восхождением к вершине горы, одаривая ее жертвенной пищей.

Образ Сулайман-Тоо запечатлелся у кочевников Тенир-Тоо как символический центр своей родины, которую они должны были защищать

совместно от врагов, от всякого рода осквернения. Впрочем, современные кыргызы также пик святости связывают с аурой Ала-Тоо и Тенир-Тоо.

По мнению В.М.Массона и Ю.А.Заднепровского культовая функция Сулайман-Тоо стала исходной причиной возникновения вокруг горы древнего города Ош, который, в свою очередь, сыграл примечательную роль в культуругенезисе Кыргызстана [189, 190].

В позднем средневековье Сулайман-Тоо превратилась в одну из мусульманских святынь Среднего Востока как вторая Мекка.

В семидесятые годы XX века среди историков, искусствоведов, архитекторов стали вызывать определенный познавательный интерес своеобразные древние каменно-пространственные образования, до сих пор сохранившиеся в различных уголках Кыргызстана. Чем-то они, на первый взгляд, напоминают древние мегалитические сооружения, например, кромлехи – поставленные в ряд каменные глыбы с некоторыми элементами планировки. Все они невысокие (около 1-1,5 м) по сравнению с менгирами и дольменами. К сожалению, попытку обоснованно установить более или менее точную дату возникновения даже самых известных памятников такого рода историки еще не предпринимали.

Они, несомненно, являются уникальными памятниками древнего мира, таящими в себе эстетические, магические, космологические и другие представления охотничьей культуры, они – живые следы преобразования и упорядочивания девственной природы руками кочевников. Однако остается до сих пор невыясненным, какую же конкретную функционально-хозяйственную роль они играли в жизни кочевников, в каких целях древние ставили в один ряд каменные глыбы, есть ли здесь какая-то связь с сезоном кочевки, с устройством жилищ, поселений или ритуалом погребения? Исследователям древней культуры еще не удалось обнаружить логику построения геометрического порядка, композиционных мотивов такого рода каменно-пространственных образований.

Следует отметить еще комплекс загадочных каменно-пространственных образований, расположенных возле г. Чолпон-Ата и села Курское. Они отличаются от Саймалы-Таш тем, что включают в себя огороженные каменными рядами площадки овальной, прямоугольной формы, маленькие курганы саков, могильники древних тюрков. На выжженной солнцем поверхности камней встречаются изображения горных козлов, людей, астральные знаки. По сравнению с Саймалы-Таш рассматриваемый памятник более позднего происхождения и, скорее всего, использовался кочевниками как место зимовки. Местность Чолпон-Аты связывают с некогда возникшим в среде древних животноводов культом барана. По местным поверьям, здесь до сих пор обитает дух Чолпон-Аты – покровителя баранов и домашних животных. Благоприятные природно-климатические условия и ландшафт данной местности на берегу Ысык-Кёля издавна способствовала сохранению и увеличению поголовья домашних животных в суровые зимы.

В настоящее время территория с каменно-пространственным образованием в северо-западной стороне от г. Чолпон-Аты (площадь около 42 га) превращается в «музей под открытым небом», а некоторые исследователи склонны считать данный памятник своеобразным «садом камней» кочевников.

Возможно, в сако-усуньское время в горных ареалах Древнего Кыргызстана зародился своего рода культ камня, впоследствии сыгравший позитивную роль в развитии пластического искусства и зодчества кочевников.

Самыми древними культовыми мегалитическими сооружениями в человеческой истории считаются сохранившиеся до сих пор остатки строений 3-х храмов на острове Мальта, датируемые историками 3 тысячелетием до н.э. Очертание плана храма внутренних огороженных помещений напоминает скульптурное изображение женского божества, которое, по всей видимости, почитали жители этой неизвестной до сих пор древнейшей культуры. Из крупных каменных блоков возведены массивные стены и стоечно-балочные ворота, планировка заранее продумана, проходы ведут к месту

жертвоприношения или алтарю, соответствующему точке расположения «сердца божества».

Крупные мегалитические сооружения, подобно Стоунхенджу или каменным дольменам – домикам Западной Европы, на территории Кыргызстана не обнаружены. Вместе с тем сохранившиеся в Кыргызстане многочисленные рукотворные памятники из камня показывают, как древние трепетно относились к строительно-пластическим возможностям камня и умели его искусно обрабатывать. Часто встречаются в высокогорных долинах Кыргызстана ряды тщательно выстроенных камней, образующих круги и прямоугольники разной величины.

Весьма характерна для архаического искусства округлая форма так называемого «Таш-Тулга», оставленного древними кочевниками-скотоводами у озера Сон-Куль. Из восьми каменных глыб составлен обширный ритуальный очаг, внутри которого, по всей видимости, разводили огонь для приготовления жертвенной пищи. В этом памятнике соединились в единое целое два почитаемых начала – это культ огня и камня. Вокруг «восьмикаменника», расположенного на равнине, в летнее время было удобно организовывать праздники скотоводов, конные состязания джигитов. Своим обособленным расположением на берегу высокогорного озера данный рукотворный памятник мог служить в качестве места сбора определенного скотоводческого племени в летнее время.

Совсем по другому выглядят протяженные каменные ряды возле с. Жениш (Джети-Огузский район, длина около 2000 м), с. Кичи-Нарын (Нарынская обл., длина 500 м), в верховьях реки Чон-Кемин (длина около 100 м). Они по прямой линии как бы расчерчивают травяной покров пастбища, обозначая границу родовой территории.

3.4. Проблемы сохранения и роль памятников древней архитектуры

Территория современного Кыргызстана была одним из древнейших мест зарождения материальной культуры, изобразительного искусства, строительной

деятельности первобытных людей на Среднем Востоке. Здесь были созданы некоторые образцы архаического жилища и погребальных сооружений, ставшие истоками протоархитектуры, характерными для определенной части человечества.

В стоянках и пещерах, обнаруженных и изученных археологами в разных уголках Тенир-Тоо (Тянь-Шаня), можно проследить исторические формы и закономерности организации искусственного пространства, ставшего объективным условием жизнедеятельности первобытного общества (общин и племенных групп).

Важным моментом зарождения истоков зодчества является переход от приспособления естественно созданных пространств (пещер) к искусственному при помощи строительной деятельности и стремление к устойчивому порядку в бытовых процессах и культовых ритуалах.

Несмотря на то, что ни один древний город, ни одно село, существовавшие в I-й половине I тыс. до н.э. – I-й половине I тыс. в. н.э. из-за непрочности материалов и военных разрушений не сохранились, тем не менее на основании археологических раскопок и других источников в самых общих чертах можно представить ход развития строительства и архитектуры Древнего Кыргызстана. О первых шагах строительной деятельности можно судить на основании историко-археологических памятников погребальных сооружений и землянок (полуземлянок) эпохи поздней бронзы. В качестве строительных материалов древние использовали только глину, дерево и в очень ограниченном объеме камень. Хрестоматийным примером стало Ошское поселение.

Духовной причиной возникновения протоархитектуры Древнего Кыргызстана явились формирование мифологического сознания среди собирателей, охотников, скотоводов, первых земледельцев в процессе обживания и освоения высокогорных, предгорных и долинных ландшафтов Тенир-Тоо и Ферганы, а также различные религиозно-мистические, космологические и эстетические представления отдельных общин, использовавших архаической формы жилища, устройство погребения для их воплощения. Постепенная выработка строительного-созидательных умений,

изготовление подручных инструментов (технических средств), наличие легкодоступных строительных материалов, необходимость защиты от холода, атмосферных осадков, хищных животных, чужаков соседних окружающих племен, потребность создания более комфортабельных условий для выживания, пространственное закрепление социального порядка в поселениях и другие утилитарно-функциональные факторы первобытного общества можно считать материальными причинами зарождения протоархитектуры древности.

Для полноценного изложения истории древнего зодчества Кыргызстана перед историками архитектуры стоят значительные препятствия.

В связи с отсутствием или недостаточной полнотой фактических материалов (специальных архитектурно-археологических раскопок) трудно конкретно воспроизвести эволюцию строительной технологии и техники, конструкций, методов планировки жилых, общественно-культурных, фортификационных, производственно-инженерных сооружений начиная от эпохи бронзы до возникновения феодально-тюркского общественного строя. Затруднительно также представить визуальный облик городской застройки: композиционное решение центров (цитаделей) даже столичных городов Мархамата, Узгена, Древнего Оша.

Так называемая «кочевая архитектура», как относительно самостоятельное явление в истории зодчества и альтернативное направление по отношению к стационарной архитектуре земледельцев и ремесленников, возникла и начала формироваться на территории Древнего Кыргызстана в конце 1-го тысячелетия до н.э., когда кочевой образ жизни и хозяйствования стали господствующей формой существования основной массы населения.

Возникает вопрос, где, когда и в какой форме возникла архитектура в Древнем Кыргызстане?

А. Вполне очевидно, что процесс зарождения архитектуры и градостроительства Древнего Кыргызстана был обусловлен внутренними и внешними многообразными причинами – социально-историческими, культурно-духовными, строительно-техническими, природно-климатическими и другими. Среди

объективных причин, на наш взгляд, для характеристики зарождения зодчества в Древнем Кыргызстане можно выделить в качестве исходных факторов и условий четыре узловых момента.

Возникновение архитектурных объектов стало возможным в результате резкого усовершенствования строительной деятельности человеком в эпоху поздней бронзы и железа. Прежде всего это проявилось в строительстве архаических типов жилых домов – глинобитных одно-, двух- и многокомнатных строений и землянок (полуземлянок) с бревенчатым каркасом (Ошское поселение, чувская и андроновская культуры). Вместо пассивного использования в качестве готового жилища пещерных обиталищ древний человек сначала научился мастерить шалаши из веток деревьев и жердей, покрывал их поверхность шкурой животных, изобрел другие временные типы жилища. Однако качественный скачок произошел лишь тогда, когда стали возводиться стационарные дома земледельцев и скотоводов из глины и дерева. Существенную роль тут сыграла возможность изготовления и применения металлических строительных инструментов (лопата, топор). В немалой степени способствовало развитию строительных умений сооружение погребальных могил (ям) и курганов, разравнивание (вертикальная планировка) площадки для стойбища, огораживание его территории земляным валом, камнями и т.д.

Еще одной важной составляющей здесь является изобретение конструкции глинобитной стены (из сырцового кирпича, пахсы, глиняных блоков), деревянных опор покрытий, а также частично каменных конструкций.

Все это вместе способствовало строительству оседлых поселений, где, кроме жилых зданий, стали возводиться хозяйственные помещения, культовые сооружения, загоны для скота (таш-коро). Существенный процесс произошел при возведении массивных крепостных стен из глины для укрепления территорий крупных поселений (Шоробашат, Кара-Дарья, Касан).

Прокладка ирригационных арыков и каналов с мостиками в земледельческих оазисах юга открыла дорогу к ведению крупных строительных работ (Узгенский канал).

В конце 1-го тыс. до н.э. возникли первые города, которые положили начало урбанизационным процессам (города Эрши, Ош, Мады, Узген). Это было историческое время, узловым моментом зарождения, откуда начинается действительная архитектурно-градостроительная история Кыргызстана.

Б. Развитие умений по планировке и объемно-конструктивного и в целом пространственно-функционального мышления у древних строителей и архитекторов.

В. Постепенное мифопоэтическое осмысление объектов строительства и выработка символического, эстетического отношения к искусственно созданному пространству, предметам, родовой территории обитания, культовым местам.

Г. Постоянный процесс трансляции опыта строительства и архитектурных приемов извне.

Великое переселение народов, волна которого достигла Кыргызстана на рубеже новой (нашей) эры, а также регулярные миграции больших кочевых объединений (например, усуней, юеджи, гуннов и др.) с казахстанских степей, Алтая, Монголии, Восточного Туркестана, северных регионов Китая и Индии, проникновение общинных групп со стороны Иранского нагорья, Памира, Афганистана (через горные перевалы), рассеивание по плодородным долинам части жителей Согдианы через Ферганскую долину и другие социально-территориальные деформации создали объективные условия для трансляции многообразного строительного-архитектурного опыта народов Центральной Азии на относительно слабообжитую территорию Кыргызстана. Материальная и духовная сфера (искусство, архитектура, идеология) древних кочевников, преимущественно саков, которые уже освоили на протяжении нескольких столетий до н.э. практически всю территорию Кыргызстана, войдя в тесный контакт, получила мощный импульс от родственных по духу и многообразных по

форме культур. Таким образом, территория и культура населявших тогда племен и народов Кыргызстана оказалась благоприятной почвой, где продолжала пробивать себе путь «кочевая архитектура», ставшая затем неременным знаковым атрибутом своеобразной кочевой цивилизации центрально-азиатских народов.

Основы кочевой архитектуры – типы переносного жилья и мобильные поселения – определились уже в первой половине 1-го тыс. до н.э.

Для возникновения кочевой архитектуры были свои объективные факторы. Социально-историческими детерминантами возникновения кочевой архитектуры в Древнем Кыргызстане можно считать: а) усвоение отгонного животноводства (сезонный цикл хозяйствования); б) кочевой быт и уклад общины, рода, семьи; в) частые военные столкновения между племенами, общинами внутри и иноплеменными кочевниками извне; г) отсутствие закрепленных государственно-территориальных границ и вследствие этого дефицит защитных мер и свобода передвижений; д) независимый менталитет и своеобразная идеология и мировоззрение народа (кочевых этносов), ставшая этнической традицией.

Необходимость гибкого приспособления к различным природно-климатическим условиям и выбор универсальных и быстрых методов их разрешения являются объективной детерминантой предпочтения мобильных форм организации жизненно-бытового и хозяйственного пространства и использования подручных строительных материалов для населения, проповедующего кочевой образ жизни.

Завершающую стадию древнего периода (I-V вв. н.э.) можно обозначить как время сложения архитипических признаков кочевой архитектуры Кыргызстана, ставших в последующие века базисом народного зодчества. Кочевники в качестве переносного жилища использовали «чатыр» и «алачык», имеющий деревянный остов (из жердей). Во время военных походов частично применялись «кибитки» – походные жилища на колесах. В качестве утеплителей жилища служила шерсть, войлочные кожаные покровы. Наметились стереотипы

пространственной разбивки временных поселений и военных ставок и лагерей, тяготеющие к круглой (центрической) структуре.

В процессе изучения исторических этапов формирования архитектуры и градостроительства в Древнем Кыргызстане становится очевидным, что для понимания пространственной структуры общинно-родовой территории племени, планировки отдельного поселения, формы и объемно-пространственной структуры типов жилища, погребальных сооружений, некрополей, символического пространства культовых мест (пещер, святилищ, каменных образований) древних кочевников и земледельцев недостаточно знания социально-политических, хозяйственно-бытовых, военных, строительно-технических причин и природно-климатических условий местности (региона). Важнейшим и необходимым ключом для научного изучения древней архитектуры наряду с вышеперечисленными факторами служит содержание мифо-религиозных, эстетических и пространственно-временных представлений, выработанное общественно-коллективным сознанием и идеологией древних людей. Последнее составляет часть древней духовной культуры и народно-этнической традиции Кыргызстана.

По мнению Ф.В.Гегеля, искусство и архитектура Древнего мира, кроме Древней Греции, были сплошь символическими, т.е. художественная форма архитектурного объекта довлела над содержательным началом. Символическое искусство отражает лишь внешние выразительные черты изображаемого (природы, животных, растений), внутри же пусто. Одним словом, внешний вид, поверхность, контур сооружения здесь важнее, чем невидимая и открытая суть источника красоты. Например, пластическая сила, энергия не воплощена или не выражена в строении и пространстве Египетской пирамиды или сакского кургана. По рассуждению немецкого эстетика, гармония формы и содержания была достигнута только в архитектуре древнегреческих храмов и мавзолеев, поэтому архитектура Месопотамии, Древней Индии и других, а также народно-национальное зодчество остаются лишь на начальной ступени искусства, являются лишь протоархитектурой (предархитектурой).

Негативная оценка Гегелем древних образцов архитектуры кочевников, «сырцово»-кирпичных строений земледельцев Центральной Азии отражает односторонний европоцентрический взгляд, не замечающий своеобразного языка пространственно-пластического искусства многих народов и культур.

Таким образом, подводя предварительные итоги, можно сказать, что древнейшие города Кыргызстана отражают своеобразную социально-экономическую структуру обществ, сложившуюся в южном регионе. Для конкретной характеристики древнего города нужны более детальные сведения о планировке, структурно-функциональной организации, ремесленных, производственных зонах, монументально-дворцовых строениях, характере застройки жилых кварталов, что позволит воспроизвести историческую картину древней городской жизни.

Процесс урбанизации Древнего Кыргызстана начинается в кушанское время с южного региона. Причиной возникновения городов в это историческое время была концентрация земледельческого поселения, развитие ремесел, торговых отношений, образование религиозно-культовых центров. Практически все древнейшие города сформировались на базе укрепленных крепостной стеной крупных поселений.

В эпоху бронзы центрами оазисов были крупные поселения с аморфной планировкой, отражающей стихийный характер процесса их образования. Древние южные города Кыргызстана по времени возникли гораздо позже, чем в Согде, Хорезме, Афганистане. Еще одним отличием древних городов Кыргызстана является то, что они не испытали античного влияния.

К V в. н.э. древние города приходят в упадок и запустение. Это было связано с процессом разложения полурабовладельческих государств и общества.

Время давно стерло с лица земли древние поселения, города, архаическую архитектуру предков. Ушла в небытие материальная культура кочевников. Мы имеем слабое представление о протоградостроительстве Древнего Кыргызстана.

Последние руины древних поселений в Ошской области, Чуйской, Таласской долинах, Ысык-Кельской котловине распаханы под сельскохозяйственные угодья в годы коллективизации, некоторые затоплены во время образования Токтогульского водохранилища в Кетмен-Тюбе, Кировского водохранилища в Таласской долине, Орто-Токойского водохранилища и др. Новые населенные места в XX веке буквально накрыли сверху множество городищ. Только под Бишкеком находятся 5-6 городищ далеких времен, безвозвратно утерянных для нас.

Выводы по 3-ей главе

1. Древние традиции формирования пространства жилища культово-погребальных ансамблей являются архитипами современной этноархитектуры

2. Типология архаического жилища древнего Кыргызстана у земледельцев состояла из землянок, полуземлянок, одиночные надземные дома, глинобитные коллективные дома-массивы, усадебные замки. Типология жилища кочевников – юрта, алачык (шалаш), чатыр (шатер).

3. Выдающимися памятниками древней архитектуры Кыргызстана являются сакские и сако-усуньские курганы а также некрополи

4. В древнем периоде можно выделить 3 разных подхода в организации объемно-пространственной структуры сооружений: протоархитектурный, мифорелигиозный и социально-дифференцированный

5. В древнем Кыргызстане можно выделить 3 категорий культово-религиозных объектов: 1) сакральные места, 2) погребальные сооружения и некрополи, 3) религиозно-культовые центры в городах (поселениях).

6. Сакральными памятниками древнего Кыргызстана являются: горный храм-святилище Саймалы-Таш, сакральная скала возле села Араван, священная гора Сулайман-Тоо, а также мазары у истоков рек, у скал, системы каменных идолов и другие жертвенные места, комплекс каменно-пространственных образований возле города Чолпон-Ата и село Курское, Таш-Туга (озеро Сон-

Кол), каменные ряды возле села Жениш, село Кичи-Нарын, в верховьях реки Чон-Кемин.

7. Типологию культово-погребальных сооружений образуют: курганы и некрополи кочевников, курумы, наусы, мугкана, земледельческих общин; религиозные сооружения: древние святилища в Ошском поселении, храм огня, дом огня «Алоохана»

8. Формы планировки пространства временных поселений, военных ставок, тяготеющих к центрической структуре было свойственно древним кочевникам еще в первой половине I тысячелетия до нашей эры

9. В завершающей стадии древнего периода возникла относительно самостоятельная кочевая архитектура. Причинами возникновения древней архитектуры можно считать: а) сезонный цикл хозяйствования, б) кочевой быт и уклад общины, рода, семьи в) частые военные столкновения между племенами и иноплеменными кочевниками, г) отсутствие закрепленных государственных территориальных границ, д) своеобразная культура и мировоззрения кочевых народов, умеющих гибко приспосабливаться к различным природно-климатическим условиям.

Заключение

Всестороннее изучение, проведение фундаментальных исследований, разумное и творческое использование, постоянная забота о сохранении богатого архитектурного культурно-эстетического наследия древнего и средневекового Кыргызстана в профессиональной деятельности современных архитекторов республики сегодня приобретают важное социально-культурное идеологическое значение, связанное с поиском нового суверенного государства собственной стратегии в духовно-культурном развитии и своего достойного места в цивилизованном мире.

Бережное и внимательное отношение к памятникам архитектуры и искусства, знание и переосмысление исторических традиций отечественного

зодчества, концентрация общественного мнения в самобытности национальной культуры должны быть составной частью культурной программы республики и долгом каждой неравнодушной активной интеллектуальной личности – художника, ученого, конструктора, строителя, менеджера архитектурно-строительного бизнеса.

Для того чтобы поднять планку уровня современной архитектуры и градостроительства, сделать ее богаче и разнообразнее, молодое новое поколение кыргызских архитекторов может опираться не только на бесспорные достижения Запада, но и на не раскрытые потенции традиционной архитектуры Востока, на архитипы и ценности национальной культуры, на опыт мастеров архитектуры.

В этом отношении создание собственной научно-информационной базы в виде книг, публикаций, постоянных выставок, полноценно отражающих историю архитектуры и градостроительства Кыргызстана, обобщающих и критически осмысливающих современное состояние и текущую практику, является насущной задачей архитектурной науки, деликатной обязанностью каждого творчески настроенного архитектора республики.

Последнее десятилетие и начало нового века воспринимаются как стартовая площадка для возрождения и перспективы своеобразной кыргызской архитектуры и сулят новые надежды всем нам, жителям республики.

Список использованной литературы:

А. Расселения:

1. Бернштам А.Н. Античный и средневековые периоды в Фергане и Алае //МИА. 26. 1952, с. 217-221, 230-262.
2. Заднепровский Ю.А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии //КСИА. 1981, № 167.

Б. Стоянка:

3. Исламов У.И., Оманжулов Т. Пещерная стоянка Сель-Ункур (древне-палеолитический памятник в Ферганской долине //ИМКУз, вып. 19, Ташкент, 1984, с. 18-27.
4. Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент, 1980.
5. История Киргизской ССР, т. I. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984.
6. Конопля П.Т. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии //Изв. АН Кирг. ССР, сер. обществ. наук, 1959, т. I, вып. 1.
7. Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т. Капчигайская палеолитическая мастерская //ИМКУз, 1964, вып. 5.
8. Павлов П.Г. Новые находки каменного века в Южной Киргизии. //СА, 1983, № 2, с. 213-216.
9. Ранов В.А. Следы стоянок каменного века на Аксай-Чатыркельских сыртах в Тянь-Шане //ИВГО, 1971, т. 103, вып. 2.
10. Ранов В.А. Находки каменного века в Алайской долине //Тр. ИИ АН Кирг. ССР, 1958, вып. 4.
11. Ранов В.А., Юнусалиев М.Б. Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор //Археологические памятники Прииссыккуля, Ф., 1975.
12. Ранов В.А., Несмянов С.А., Конопля П.Т. Палеолитические местонахождения в Южной Фергане //Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Ф., 1967, с. 3-29.
13. Энциклопедия Ошской области. Ф., 1987. (Кожо-Бакырган-Сай, Капчигайская мастерская, Пальман, Таш-Кумырская пещера), с. 271, 252, 342, 395.
14. Энциклопедия Иссык-Кульской и Нарынской областей. Ф., 1991. (Боз-Бармак, Саламат-Булак, Тосор, Теке-Секирик), с. 227, 427, 453, 456, 460.
15. Энциклопедия Таласской области. Бишкек, 1995. (Мин-Булак), с. 248.

16. Энциклопедия Чуйской области. Бишкек, 1994. (Георгиевский Бугор, Токмок, Аламедин и др.), с. 108, 552.
17. Юнусалиев М.Б. В глубь тысячелетий: По долинам Киргизстана. Ф., 1970.
18. Юнусалиев М.Б. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине - Георгиевский Бугор //По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Ф., 1982.
19. Юнусалиев М.Б. Домустьерский комплекс Саламат-Булак (некоторые итоги исследований) //Изв. АН Кирг. ССР, 1981, № 3.

В. Литература по Центральной Азии и др. (каменный век):

20. Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
21. Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа 5-3 тыс. до н.э. Тбилиси, 1973.
22. Кушнарера К.Х. Южный Кавказ в 9-2 тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития //СПб, 1993.
23. Массон В.М. Заключение: Синхронистическая таблица культур Средней Азии. 6-1 тыс. до н.э. //Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
24. Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) //Тешик-Таш. М., 1949.
25. Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии //Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
26. Ранов В.А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945-1965) //Материальная культура Таджикистана, вып. I. Душанбе, 1968.

Г. Литература по поселениям Кыргызстана (эпоха бронзы):

27. Аманбаева Б.Э. Раскопки древнего Оша (1987 г.) //АН Кирг.ССР. Обществ. науки, 1988, № 2.
28. Анарбаев А.А. Ферганский город и процесс урбанизации //Зоны и этапы урбанизации: Тез. докл. Ташкент, 1989.
29. Галочкина И.Г. Новые данные об обследовании памятников эпохи бронзы //Кетмень-Тюбе. Археология, история. Ф., 1977.

30. Заднепровский Ю.А. Памятники андроновской культуры //Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
31. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники эпохи раннего железа Средней Азии. АДД. М., 1978.
32. Заднепровский Ю.А. Некоторые итоги изучения Дальверзинского поселения (1956-1960) //ЮНУз. 1962, № 1.
33. Заднепровский Ю.А. Дальверзинское селище //КСИИМК, вып. 69, 1957.
34. Заднепровский Ю.А. Скотоводство чустских племен Ферганы (по материалам Дальверзинского поселения) //Проблемы советской археологии. М., 1978.
35. Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности //АО, 1979 (1980).
36. Заднепровский Ю.А. Исследование Ошского оазиса //АО, 1980 (1981).
37. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века //ИАН Кирг. ССР, 1981, № 2.
38. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века //ПК, № 5, 1982.
39. Заднепровский Ю.А. Исследования на юге Киргизии //АО, 1981 (1983).
40. Заднепровский Ю.А. Цитадель Дальверзина //АО, 1969 (1970).
41. Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина //УСА. вып. I, 1972.
42. Заднепровский Ю.А. Хозяйство и палеоэкономика чустской культуры Ферганы. (Опыт реконструкции) //ТД СПИПАИ, 1971. М., 1972.
43. Заднепровский Ю.А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. Древний город Средней Азии. Кр. ТД. Л., 1973.
44. Заднепровский Ю.А. Землянки бронзового века Ферганы //НОСА: Тез. докл., ч. I. 1975.
45. Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии //КСИА, 1976, № 147.
46. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы //ИБМАИКЦА. 1984, вып. 7.

47. Заднепровский Ю.А. Матбабаев Б.Х. Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950-1982 гг.) //ИМКУз. 1984, вып. 19.
 48. Заднепровский Ю.А. Исследования в Ошском оазисе //АО. 1982 (1984).
 49. Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности //ИАН Кирг. ССР. 1984, № 2.
 50. Заднепровский Ю.А. К трехтысячелетию г. Ош //Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997.
 51. Заднепровский Ю.А. Основные земледельческие области Средней Азии в эпоху бронзы - раннего железа //Природа и человек. М., 1988.
 52. Заднепровский Ю.А. Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.) //Фортификация в древности и средневековье: Материалы метод семинара. ИШК. СПб., 1995.
 53. Заднепровский Ю.А. Система город-деревня в истории Ферганы и Средней Азии: Эпоха бронзы – средневековье //Социально-пространственной структуры в стадильной характеристике культурно-исторического процесса: Тез. докл. М., 1992.
 54. Кожомбердиев И.К., Галочкина Н.Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе //УСА, 1972, вып. I.
 55. Пиотровский Ю.Ю. Памятники эпохи поздней бронзы в Ферганской долине //АО, 1972. М., 1973.
 56. Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А. Фергана: Чустская культура //Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
 57. Сарыков Т.К. Город Ош: Археология и история. Ош., 1989.
 58. Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы (Из раскопок 1954 г.) //КСИИМК, 1957, вып. 69.
 59. Спришевский В.И. Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы) АКД. Ташкент, 1963.
- Д. Литература по поселениям Центральной Азии и др. (эпоха бронзы):
60. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР: По металлическим изделиям. Ташкент, 1991.

61. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1971.
62. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
63. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч.1. М., 1963.
64. Бунятов Т.А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
65. Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы //Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
66. Гаджиев М.Г. Поселения и жилища Дагестана эпохи ранней бронзы: К истории древней архитектуры //Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.
67. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины //СА, 1957, № 3.
68. Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы //АСГЭ. вып.32, 1995.
69. Город в познании исторического процесса: К теории и истории среднеазиатского города /Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф. и др./ //Зоны и этапы урбанизации.: Тез. докл. Ташкент, 1989.
70. Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры //Казаки, III. Л., 1930.
71. Гутлыев Г. Стратифический шурф. Яшыллы-Депе у Гяурсав //Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.
72. Дандамаев М.А. Данные вавилонских документов VI-V вв. до н.э. о саках //ВДИ, 1977, № 1.
73. Долуханов П.М., Щетенко А.Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе //СА, 1985, № 4.
74. Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
75. Есаян С.А. Ереван: Археологический очерк. Ереван, 1969.
76. Косорев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

77. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
78. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
79. Максимова А.Г., Зданович Г.Б. Племена Казахстана в эпоху бронзы //История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1977.
80. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА, № 145).
81. Марущенко А.А. Елькен-Депе: Отчеты о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг. //ТИИАЭН Турк. ССР. 1959, т. 5.
82. Мукимов Р.С., Мамаджанова С.М. Зодчество Таджикистана. Душанбе: Маориф, 1990.
83. Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нур-тепе //Культура первобытной эпохи. Душанбе, 1982.
84. Орозбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы //Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР, 1958, т. 5.
85. Раимкулов А., Исамиддинов М. Турткультепе – новый памятник эпохи финальной бронзы в Южной Согде //Археолог. работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
86. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы /Отв. ред. В.М. Массон. М.-Л., 1966.
87. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. (Хронология и периодизация). М., 1972.
88. Хлопин И.Н. Проблема происхождения культуры степной бронзы //КСИА, 1970, № 122.
89. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы //МИА, 1960, № 88.
90. Ширинов Т. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии: По материалам Джаркутан: Автореф. докт. дис. М., 1993.

91. Ширинов. Т. Теоретические проблемы урбанизации в среднеазиатской археологии //Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии: Тез. докл. Самарканд, 1995.

Литература по поселениям VIII-I вв. до н.э. Древнего Кыргызстана
(эпоха железа)

92. Береналиев О. Древний канал Карасу в Ош-Карасуйском оазисе //АО. 1973 (1974).
93. Береналиев О. Работы в Ош-Карасуйском оазисе //АО. 1974 (1975).
94. Береналиев О. Новые материалы по древней ирригации Юга Киргизии //АО. 1975 (1976).
95. Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши //СЭ. 1948, № 8.
96. Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л., 1950.
97. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952 (МИА, № 26).
98. Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.
99. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. II. М.-Л. 1950.
100. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII вв. н.э.: Ист.-геогр. обзор по древнекитайским источникам. М., 1989.
101. Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа //АКД. Л., 1961.
102. Заднепровский Ю.А., Дружинина Е.В. Работы в Южной Киргизии //АО. 1976 (1977).
103. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана. АКД. Л., 1954.
104. Заднепровский Ю.А. Городище Шурабашат. //КСИИМК. вып. 71, 1958.

105. Заднепровский Ю.А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства //Раннежелезный век Средней Азии и Индии: Тез. докл. Сов.-инд. симпоз. Ашхабад, 1984.
106. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат: Некоторые итоги изучения //ИМКУз. 1991, вып. 25.
107. Заднепровский Ю.А. Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника) //СА, 1960, № 3.
108. Заднепровский Ю.А. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии. Период поздней бронзы и железа //Материалы II совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959.
109. Заднепровский Ю.А. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. //Тр. ИИ АН Кирг. ССР, 1959, вып. 5.
110. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннего железа Средней Азии. АДД. М., 1978.
111. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1962. (МИА, № 118).
112. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана //История Кирг. ССР, 1984, т.1, гл. 3, § 3.
113. Заднепровский Ю.А. Динамика развития оседло-земледельческой культуры Ферганы //Аральский кризис: Ист.-геогр. ретроспектива. М., 1991.
114. Заднепровский Ю.А. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы //КСИА, 1993, вып. 209.
115. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (сер. I тыс. до н.э. - сер. I тыс. н.э.). Фрунзе, 1960.
116. Заднепровский Ю.А. Фергана и Тарим //Кратк. содерж. докл. Лавровских (Среднеаз.-Кавказ.) чтений. СПб, 1993.
117. Заднепровский Ю.А., Марков Ю.Н. Хронология чустской культуры Ферганы в свете новейших радиоуглеродных данных //ИАН Кирг. ССР. Обществ. науки. 1989. № 2.

118. Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. //ТКАЭЭ, т. IV, 1960.
119. Заднепровский Ю.А., Бактыгулов Дж., Галицкий В.Я. История г. Ош //Ошская обл.: Энциклопедия. Фрунзе, 1987.
120. Заднепровский Ю.А. Комплексное изучение Ошского оазиса (Фергана). //Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Баку, 1985.
121. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976-1984 гг.) //Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.
122. Заднепровский Ю.А. Работы в Ошском оазисе //АО. 1984 (1986).
123. Заднепровский Ю.А. Сто лет археологического изучения Ферганы //ИБМАИКЦА, 1986, вып. 10.

Литература по поселениям VIII-I вв. до н.э. Центральной Азии
(эпоха железа)

124. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
125. Беляева Т.В. Архаический, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников //Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986.
126. Гаврюшенко П.П. Кулунчакское укрепленное поселение. (К истории Вост. Ферганы 2-й пол. I тыс. до н.э.) //АКД. Ташкент, 1970.
127. Древности южного Хорезма, Л., 1973.
128. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. К вопросу о хронологии и периодизации культуры раннежелезного века на территории Узбекистана //ОНУз. 1987, № 1.
129. Заднепровский Ю.А. Древние города и этапы урбанизации Средней Азии //Зоны и этапы урбанизации: Тез. докл. Ташкент, 1989.
130. Заднепровский Ю.А. Раннежелезный век Средней Азии. Проблемы хронологии, синхронизации и происхождения //Проблемы древней

истории Северного Причерноморья и Средней Азии: эпоха бронзы и раннего железа. Тез. докл. Л., 1990.

131. Заднепровский Ю.А. Цитадель городища Биловур //АО. 1976 (1977).
132. Заднепровский Ю.А. Городище Биловур-Тепе //КСИА, 1985, вып.184.
133. Заднепровский Ю.А., Гутлыев Г. Яшилдепе – эталонный памятник раннежелезного века на территории Северной Парфии //ИАНИТССР. Сер. обществ. наук. 1985, № 4.
134. Заднепровский Ю.А. Проблема происхождения культуры раннежелезного века юга Туркменистана: Критич. разбор основных гипотез //ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1986, № 5.
135. Исамиддинов М., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Об обнаружении нового древнесогдийского города //Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Тез. докл. Самарканд, 1994.
136. Качурис К. Раскопки на Елькен-Депе в Южной Туркмении //АО. 1966 (1967).
137. Кирчо Л.Б. Проблема древних городов и урбанизации в освещении западных исследователей //Древний город: материалы к Всесоюз. конф. Л., 1977.
138. Массой В.М. Типология древних городов и исторический процесс //Древний город: Материалы к Всесоюз. конф. Л., 1977.
139. Массон В.М. Алтын-Депе. - Л., 1981.
140. Матбабаев Б.Х. Локальные варианты чувстской культуры Ферганы: АКД. Л., 1985.
141. Пилипко В.Н. Ранний железный век Северной Парфии //Ранний железный век Средней Азии и Индии: Тез. докл. Ашхабад, 1984.
142. Пилипко В.Н. Ранний железный век Этека: Южный Туркменистан. //ИБМАЙКЦА. вып. II. 1986.
143. Сарияниди В.И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-Депе //АО, 1970 (1971).
144. Сарияниди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-Депе //УСА, вып. I. Л., 1972.

Литература по поселениям I-V вв. н.э. Древнего Кыргызстана

(кушанское время)

145. Бернштам А.Н. Античный и средневековый периоды в Фергане и Алае //МИА, вып. 26. 1952.
146. Бернштам А.Н. Древний Тянь-Шань //КСИИМК, вып. 39. 1951. с. 140-144.
147. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
148. Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) //СА, 1977, № 3.
149. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса //КСИА 1964, вып. 98.

Литература по поселениям I-V вв. н.э. Центральной Азии

150. Городище Топрак-кала. М., 1981.
151. Забелина Н.Н. Раскопки на городище Калаи-Мир //МИА, № 37. М.-Л., 1953.
152. Заднепровский Ю.А. Ставиский Б.Я. Кушанское царство //Очерки истории СССР: Первобытно-общинный строй и древнейшее государство. М., 1950.
153. Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1974.
154. Литвинский Б.А. Кушанский город Средней Азии и Индии //МАН, 1979.
155. Литвинский Б.А. Тепай-Шах культура и связи Кушан-Бактрии. М.-Л., 1983.
156. Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
157. Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент: ФАН, 1966.
158. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э. и др. Дальверзин тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
159. Пулатов У.И. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
160. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

161. Усманова З.И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы //Тр. ЮТАКЭ, т. XV. Ашхабад, 1974.
162. Усманова З.И. Древний город Мерв //Древний город Средней Азии. Л., 1973.
163. Шишкин В.А. Варахша //АН СССР. М., 1963.
164. Щетенко А.Я. Типы поселений древнеиндийской цивилизации //Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 9-11.
165. Юркевич Э.А. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии //СА, 1965, № 4.
166. Аманбаева Б., Абдуллаев Д. Предарабский Ош в свете раскопок //Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. вып. 2, Б., 1999.
167. Бернштам А.Н.. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. т. 1, 2, Бишкек, 1997.
168. Брыкина Г.А. Некоторые вопросы истории и культуры юго-западной Ферганы в свете раскопок в Кайрагаче //Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Б., 1999, с.74-95.
169. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники истории и культуры Таласской долины. Б., 1995.
170. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976–1984 гг.) //Древний и средневековый Кыргызстан. Б., с. 15-32,1996.
171. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение в истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Б., 1997.
172. Кожемяко П.Н. Изучение памятников средневековья в Киргизии //Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., с.32-34,1970.
173. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
174. Кожемяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. //Красная речка и Бурана АН КиргССР, Ин-т истории. – Фрунзе, 1989.

175. Кожемяко П.Н. Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. //Красная речка и Бурана АН КиргССР, Ин-т истории. – Фрунзе, 1989.
176. Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана. Фрунзе, 1985.
177. Муксинов Р.М. Народная архитектура Кыргызстана. Б., 2000.
178. Негматов Н.Н., Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Согдийско-Уструшанские традиции в градостроительстве и культуре Семиречья. //Древний и средневековый Кыргызстан. Б., с. 136-143, 1996 .
179. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. Политиздат, 1990.
180. Тешик-Таш. М. Изд-во МГУ, 1949.
181. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов с Кыргызстана. т. 1, 2. Б., 1997.
182. Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии //Известия АН Кирг. ССР. т. II. Вып. 3. Ф., 1960.
183. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Ф., 1960.
184. Ташбаева К.И. и др. Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Б., 1995.
185. Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей. Оренбург. 1911.
186. Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Ф. Илим, 1967.
187. Ош и древности южного Кыргызстана. Вып. 5, Б. Мурас, 2000.
188. Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Б. Мурас, 1998.
189. Новое о древневековом Кыргызстане. Вып. 2, Б. Мурас, 1999.
190. Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3, Б. Мурас, 2000.
191. Древний и средневековый Кыргызстан. Б. Илим, 1996.
192. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Ф., 1962.
193. Васильев Л.С. История религий Востока. М. Высшая школа, 1988.

194. Воронина В.А. Доисламские культовые постройки. М. Наука, 1966.
195. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Ф., 1943.
196. Нусов В.Э. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Ф., 1971.
197. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев Д.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ В
СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:**

1. Тентиев, Ж.Т. Древние истоки искусства и архитектуры Кыргызстана [Текст] /Ж.Т. Тентиев, У.Б. Ташкулов, Д.Д. Омуралиев // Сборник научных трудов «Исторические и теоретические проблемы архитектуры Кыргызстана», – Бишкек: КГУСТА, 2002. – С. 97–103.
2. Тентиев, Ж.Т. Этапы формирования архитектурного пространства города Бишкек [Текст] /Ж.Т. Тентиев, У.Б. Ташкулов, Д.Д. Омуралиев // Сборник научных трудов «Исторические и теоретические проблемы архитектуры Кыргызстана», – Бишкек: КГУСТА, 2002, – С. 174–187
3. Ташкулов, У. Б. Особенности архаического жилища [Текст] / У. Б. Ташкулов // Интернет - журнал ВАК Кыргызской Республики, pakkr.org.81/jurnal/ №2. –Бишкек,2011. -6 с.
4. Ташкулов, У. Б. Следы древнего расселения на территории Кыргызстана [Текст] / У.Б. Ташкулов //Интернет - журнал ВАК Кыргызской Республики, pakkr.org.81/jurnal/ №2. –Бишкек,2012. -6 с.
5. Ташкулов, У. Б. Освоение внутреннего пространства пещеры и территорий стойбищ [Текст] / У.Б. Ташкулов //Наука и новые технологии №4. – Бишкек. 2013. -С.87-90

6. Ташкулов, У.Б. Курган Чон-Дебе [Текст] / У.Б. Ташкулов //Наука и культура стран Центральной Азии; традиции и современные проблемы. Международный сборник научных трудов. Вып.11.-Душанбе. 2013. –С.48-53
7. Ташкулов, У.Б.. Методика историко-архитектурного анализа [Текст] / У.Б. Ташкулов //Наука и культура стран Центральной Азии; традиции и современные проблемы. Международный сборник научных трудов. Вып.11.-Душанбе, 2013.
-С.70-77
8. Ташкулов, У. Б. Модели поселений эпохи бронзы Древнего Кыргызстана [Текст] / У.Б. Ташкулов //Вестник КазГАСА. №4 (50). Алматы. 2013 г. -С. 90-98
9. Ташкулов, У.Б. Исторические корни архитектуры Кыргызстана //Монография. Бишкек 2013 г. –203 с.

Список иллюстраций

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

Приложение

Указатель историко-архитектурных памятников Древнего Кыргызстана

А. ЮЖНЫЙ РЕГИОН (Ошская, Жалал-Абадская обл., Токтогульская, Чаткальская долины)

а) Стоянки Каменного века:

- 1) Кожо-Бакырган (нижний палеолит) расположен в глубоком ущелье р. Кожо-Бакырган.
- 2) Кожо-Тоо (нижний палеолит) расположен в начале ущелья р. Ляйляк.
- 3) Обишир I-V (9-7 тыс. до н.э.) в верховьях р. Сох в Баткенском районе.
- 4) Пальман (ранний палеолит) на террасе р. Исфайрам-Сай, возле с. Пальман.
- 5) Таш-Комур (8-7 тыс. до н.э.) расположен над уровнем р. Кара-Суу, в 1,5 км от города Таш-Комур.

б) Поселения эпохи бронзы:

- 1) Ошское поселение (3-2 тыс. до н.э.) у подножья Сулейман-Тоо.
- 2) Чаян-Дёбё (2-1 тыс. до н.э.) расположен в западной части г. Ош.
- 3) Дыйкан (XII-VII вв. до н.э.) в 5 км к востоку от Узгена.
- 4) Берю-Дёбё (XII-VII вв. до н.э.) в ЮВ от с. Иски-Наукат.
- 5) Хожамбаг-тепе (XII-VII вв. до н.э.) в с. Отуз-Адыр.
- 6) Шалтак-тепе (XII-VII вв. до н.э.) в 20 км восточнее от г. Ош.
- 7) Мирзалим-тепе (XII-VII вв. до н.э.) на восточной окраине г. Ош.
- 8) Кош-тепе II (XII-VII вв. до н.э.) в 4 км восточнее от г. Ош.
- 9) Мады (XII-VII вв. до н.э.) в 10 км восточнее от г. Ош.
- 10) Баш-Булак I-III (XII-VII вв. до н.э.) в 14 км восточнее от г. Ош.
- 11) Япалак (XII-VII вв. до н.э.) возле с. Жапалак.
- 12) Кошок-тепе (чустское поселение) в 1,5 км к югу от Карасу.
- 13) Долон-тепе (чустское поселение) в 2 км ЮЗ от Кошок-тепе.
- 14) Маньяк (чустское поселение) в 15 км к СЗ от г. Ош.

15) Дальверзин (чустское поселение) возле Андижана, бывшей территории Кыргызстана.

в) Эпоха железа.

I. Тепе:

1) Там-тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к ЮВ от с. Там.

2) Савай-тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) на восточной окраине с. Кызыл-Шарк (40x20 м).

3) Шурабашат, группа тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к СВ и В от гор. Шоробашат.

4) Мирза-Аке, группа тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) в 2 км восточнее от с. Дун-Булак.

5) Джиланда, группа тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к ЮЗ от с. Джиланда.

6) Заргер, группа тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к СВ от с. Джиланда.

7) Северокуршаб, группа тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к западу от с. Ленинское.

8) Ходжакерим-тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к югу от с. Кан-Рудник.

9) Кызыл-Октябрьское, тепе (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) к ЮЗ от городище Шоробашат.

10) Чандалаш, тепе (2-1 вв. до н.э.) у слияния р. Чандалаш и Чаткал.

II. Крепости:

1) Ош (последние вв. до н.э. – I в. н.э.) в 4 км западнее от г. Ош (320x220 м.).

2) Ак-Буура (последние вв. до н.э. – V в. н.э.) в окрестностях г. Ош.

III. Поселения:

1) Алтын-Даринское (вторая половина I-го тыс. до н.э.) правый берег р. Алтын-Дарья, напротив с. Дороут-Коргон.

2) Дараут-Курганское (вторая половина I-го тыс. до н.э.) правый берег р. Кызыл-Суу, на западной окраине с. Дороут-Коргон.

3) Ничкесайское (V в. до н.э.) в Кетмен-Тюбинской котловине у устья р. Ничкесай.

- 4) Куршаб (IV-I вв. до н.э.) в с. Куршаб.
- 5) Кош-Булак (IV-I вв. до н.э.) расположен на правом берегу р. Жазы.
- 6) Кашкар-Кыштак (IV-I вв. до н.э.) вдоль дороги Ош-Карасу в с. Кашкар-Кышта.
- 7) Боз-Добе (III до н.э.-I в. н.э.) к СЗ в 12-15 км от г. Узгена.
- 8) Кулунчак (III до н.э.-I в. до н.э.) у слияния р. Карадарья и р. Жазы.
- 9) Кызыл-Октябрьское (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) правый берег р. Жазы.
- 10) Иски-Наукат (последние вв. н.э.-до I вв. н.э.) правый берег р. Кыргыз-Ата.
- 11) Кштут (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) правый берег р. Сох в месте впадения р. Кштут.
- 12) Баткен I (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) на С и СЗ окраине с. Баткен. (500x100 м).
- 13) Баткен II (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) к северу от с. Булак-Баши.
- 14) Субаши (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) к югу от с. Кара-Булак.
- 15) Жин-Камар (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) к ЮВ от с. Маргун (75x45 м).
- 16) Тамошо (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) к югу от р. Шаймерден.
- 17) Жаны-Базар (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) расположен в 8 км к ЮЗ от с. Иски-Наукат.
- 18) Урус-Тепе (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) правый берег р. Кыргыз-Ата.
- 19) Киркидон (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) на окраине с. Киркидон.
- 20) Мыкты-Пошо (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) в 4-5 км СЗ от с. Киркидон.
- 21) Иски-Араван (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) на окраине с. Араван (150x110 м).
- 22) Северо-Араван (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) к северу от с. Араван.
- 23) Мады (Медва) (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) в 12 км к востоку от г. Ош (северная сторона 110x80 м, южная сторона 140x75 м).
- 24) Савай-I (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) в северной части с. Савай.
- 25) Савай-III (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) к востоку от колхоза Кызыл-Шарк (200x150 м).
- 26) Хайт-тепе (последние вв. до н.э.-I вв. н.э.) в 0,5 км к югу от с. Савай.

- 27) Кампыр-Рабат-2 (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) левый берег р. Жазы, вблизи от места ее слияния с р. Кара-Дарьей.
- 28) Кампыр-Рабат II (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) к югу от городища I.
- 29) Кызыл-Октябрьское (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) левый берег р. Жазы.
- 30) Южноузгенское (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) к югу от г. Узгена (150x180 м).
- 31) Североузгенское (последние вв. до н.э.–I вв. до н.э.) к северу от г. Узгена (около 40x45 м каждый холм).
- 32) Тенеш (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) в 6 км к СЗ от г. Узгена (325x350 м).
- 33) Жиланда (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) к юго-западу от с. Жиланда (300x230 м).
- 34) Там (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) в 5 км к востоку от с. Советское.
- 35) Тепе-Коргон (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) расположен в 4 км юго-востока от с. Маргун.
- 36) Кара-Камарское (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) в 3 км от с. Исфана.
- 37) Кайрагач I (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) на левом берегу р. Коджа-Бакырган.
- 38) Маргун (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) расположен около одноименного с. Маргун.
- 39) Кара-Суу (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) расположен около одноименного с. Кара-Суу.
- 40) Дон-Булак (последние вв. до н.э.–I вв. н.э.) в 5 км к востоку от г. Узгена (90x50 м).
- 41) Булак-Башы (последние вв. до н.э.–XII в. н.э.) на западной окраине с. Булак-Башы.
- IV. Города:
- 1) Шоро-Башат (V в. до н.э.–I в. н.э.) в 8 км к северо-западу от Узгена (70 га).
- 2) Мархамат (Эрши) (II в. до н.э.) на берегу р. Араван-Сая.
- 3) Узген-I (Ю-чэн) (II в. до н.э.) в г. Узген.

г) Кушанское время.

I. Тепе:

- 1) Кампыр-рабат, тепе (I в. н.э.) к северо-западу от Узгена.
- 2) Тепе (I в. н.э.) в 6 км к востоку от Кампыр-Рабатского места.
- 3) Тенеш, тепе (I в. н.э.) к северу от с. Тенеш.
- 4) Кальти, тепе (I в. н.э.) в 4 км к северу от с. Джиланда.
- 5) Кальти, группа тепе (I в. н.э.) к северу от Кальтив.
- 6) Группа тепе (I в. н.э.) к востоку от с. Джиланда.
- 7) Группа тепе (I в. н.э.) к западу от р. Донгустоо.
- 8) Донгустоо, группа тепе (I в. н.э.) на обоих берегах реки Донгустоо.
- 9) Советское, группа тепе (I в. н.э.) на западу и востоку окраинах с. Советское.
- 10) Кара-Дарья, группа тепе (I в. н.э.) на второй террасе левого берега р. Кара-Дарья.
- 11) Ленинское, группа тепе (I в. н.э.) среди построек с. Ленинское.
- 12) Кызыл-Сенгир, тепе (I в. н.э.) на южной окраине с. Кызыл-Сенгир.
- 13) Араван, группа тепе (I в. н.э.) к югу от с. Араван.
- 14) Араван, тепе (I в. н.э.) к северо-западу от с. Араван.
- 15) Тамошо, тепе (I в. н.э.) на западной окраине с. Тамошо.
- 16) Айгырджал, группа тепе (IV в. н.э.) на берегу р. Чаткал.
- 17) Чаарташ-тепе (IV в. н.э.) на берегу р. Чаткал.
- 18) Чукурчак-тепе (IV в. н.э.) на западной окраине с. Чукурчак.
- 19) Тепе (IV в. н.э.) на берегу Чаткала.
- 20) Тепе (IV в. н.э.) на берегу р. Тюзашу.

II. Крепости:

- 1) Ой-Тал (I в. н.э.) на западной окраине с. Ой-Тал (105x105 м).
- 2) Мазар-тепе (I в. н.э.) к юго-западу от гор. Мазар-тепе.

III. Поселение:

- 1) Кызыл-Жар (I-IV вв. н.э.) расположен на правом берегу р. Нарын, в с. Кызыл-Жар.

- 2) Темир-Коруг (I в. н.э.) к западу от с. Жаны-Наукат.
- 3) Северокуршабское-I (I в. н.э.) к северо-западу от с. Ленинское (250x200 м).
- 4) Северокуршабское-II (I в. н.э.) к северо-западу от с. Ленинское (150x80 м).
- 5) Мазар-Дёбё (I-IV в. н.э.) к югу от городище Дебе-Коргон (400x300 м).
- 6) Кургашин-Дёбё (I-IV в. н.э.) расположен к югу от г. Карасу.
- 7) Шалды-Балды (II-IV в. н.э.) расположен к северу от с. Шалды-Балды.
- 8) Карабулак (I в. н.э.) к юго-востоку от Баткена.
- 9) Андархан (I в. н.э.) на правом берегу р. Коджа-Бакырган.
- 10) Тагоп (Бешкент) (I в. н.э.) в центре кишлака Тагоп.
- 11) Чурбек (II-IV вв. н.э.) к востоку от с. Чурбек.

IV. Города:

- 1) Касан (I в. до н.э.) севернее р. Касансай на границе Узбекской и Кыргызской Республики.
- 2) Узген II (I-IV вв. н.э.) в г. Узген.
- 3) Кара-Дарья (I в. н.э.) у слияния р. Тар и Кара-Дарья (10 га).

Б. ТАЛАССКАЯ ОБЛАСТЬ.

а) Стоянки каменного века:

- 1) Мин-Булак (40-12 тыс. до н.э.) расположен на правом берегу р. Талас, напротив одноименного с. Мин-Булак.

В. ЧУЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

а) Стоянки каменного века:

- 1) Токмак (40-10 тыс. до н.э.) возле города Токмак.
- 2) Георгиевский бугор (100-40 тыс. до н.э.) расположен на левом берегу р. Чу.
- 3) Аламедин (5-4 тыс. до н.э.) расположен на левом берегу р. Аламедин.

б) Поселения эпохи бронзы:

- 1) Беловодское поселение (XV-XII вв. до н.э.) возле города Беловодское.
- 2) Аламединское (XII-I вв. до н.э.) на правом берегу р. Аламедин.
- 3) Александровское (XII-I вв. до н.э.) возле с. Александровки.
- 4) Жайылма (XII-I вв. до н.э.)-?

5) Кайырма (XII-I вв. до н.э.)-?

Г. ИССЫК-КУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

а) Стоянки каменного века:

1) Саламат-Булак (домустьерская эпоха) расположен на западной оконечности Иссык-Кульской котловины.

2) Ак-Олен (домустьерская эпоха) расположен возле с. Ак-Олен.

3) Тамга (45-20 тыс. до н.э.) расположен возле с. Тамга.

4) Бостери (45-20 тыс. до н.э.) расположен к востоку от с. Бостери.

5) Боз-Бармак (40-10 тыс. до н.э.) вблизи с. Ак-Олен.

6) Тосор (35-30 тыс. до н.э.) на правом берегу р. Тосор.

б) Эпоха железа:

Г. Города:

1) Чигу (II в. до н.э.) на дне Тюпского залива оз. Иссык-Куль.

Д. НАРЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

а) Стоянки каменного века:

1) Он-Арча (нижний палеолит) в 25 км к югу от г. Нарына.

2) Арпа (нижний палеолит) возле р. Арпа.

3) Терек (эпоха мезолит) расположен на высоте 3350 м на склоне, у слияния р. Терек и Ак-Сай.

4) Теке-Секирик (6-5 тыс. до н.э.) в окрестностях г. Нарын.

5) Ак-Сай (6-5 тыс. до н.э.) расположен возле р. Ак-Сай.

Количество памятников по регионам Кыргызстана

1. Стоянки каменного века - 20 стоянок. 1) 5 - по юж. региону

2) 1 - по Таласск. обл.

3) 3 - по Чуйск. обл.

4) 6 - по Иссык-Кульск. обл.

5) 5 - по Нарынск. обл.

2. Поселения эпохи бронзы - 19 поселений.

1) 14 - по юж. региону.

1) 5 - по Чуйск. обл.

3. Эпохи железа: 10-тепе (юж. регион).

2 крепости (юж. регион).

11 поселения (юж. регион).

4 города: 3 гор. (юж. регион), 1 гор. (Иссык-Куль).

4) Кушанское время: 20 тепа (юж. регион).

2 крепости (юж. регион).

1 пос. (юж. регион).

3 города (юж. регион).